

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

Чжоу Лулу

**РОССИЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПРОЗА 1970–2000-Х ГГ. И ЕЕ РЕЦЕПЦИЯ В
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ КИТАЯ**

5.9.1 Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
д.ф.н., профессор Коваленко А.Г.

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Художественно-документальная проза в российском и китайском литературоведении.....	13
1.1. История развития русской художественно-документальной литературы	13
1.2. Общая картина восприятия советской художественно-документальной литературы 1970–1980-х гг. в Китае	29
Глава 2. Творчество А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» глазами китайских литературоведов и литераторов.....	58
2.1. Восприятие книги А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» в Китае (проблемы перевода и исследований)	61
2.2. Книга А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» и современная китайская литература (оценка и влияние).....	77
Глава 3. Творчество С.А. Алексиевич в китайском литературоведении	94
3.1. Восприятие творчества С.А. Алексиевич в Китае	94
3.2 Литературный диалог: «У войны не женское лицо» и «Дракон меняет облик: китайцы сегодня» (сопоставительный анализ)	110
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	128
БИБЛИОГРАФИЯ.....	133

ВВЕДЕНИЕ

Историю рецепции русской литературы в Китае можно проследить с 1870-х годов. За более чем 150 лет были пройдены начальный период распространения (конец XIX – начало XX века), «бум русской литературы» период Четвертого мая, период широкого распространения (конец 1920-х – конец 1940-х годов), период расцвета принятия (1950-е годы), период иррациональной критики и неприятия (с 1960-х по 1970-е гг.), период возвращения и выборочного принятия (с 1980-х годов по настоящее время).

Особый социальный контекст определяет специфику рецепции русской литературы в Китае в каждый из данных периодов. Характеристики и эволюция рецепции в Китае художественно-документальной литературы как важной части русской литературы также определяются социальными, политическими и культурными факторами, свойственными тому или иному периоду.

После Культурной революции на третьем пленуме Центрального комитета Компартии Китая 11-го созыва, состоявшемся в декабре 1978 года, было провозглашено проведение политики реформ и открытости. По мере идеологического освобождения замкнутая и иррациональная социальная атмосфера была разрушена, лозунг «взяться за классовую борьбу как ключевое звено» в области литературной критики был скорректирован, осознание «инструментализма» литературы постепенно угасло, появилось большое количество литературно-критических журналов и литературных критиков.

Все это создало в Китае подходящую «почву» для распространения и принятия российской художественно-документальной литературы 1970-2000-х гг. Выбор произведений для перевода, критерии оценки и эволюция рецепции в исследованиях китайских переводчиков, литературоведов и ученых в разные годы, с одной стороны, отражают изменение концепции рецепции, предпочтений и ценностных ориентаций аудитории, а с другой стороны, демонстрируют решающее влияние рецептивного контекста (социального, политического и культурного) на эти изменения.

Актуальность исследования. Исследование интерпретаций российской

художественно-документальной прозы 1970-2000-х годов в Китае позволит не только создать общую картину восприятия произведения китайским реципиентом в конкретном историческом контексте, но и определить факторы, влияющие на эволюцию принятия, такие как исторические традиции, атмосфера времени, культурная психология, практические потребности и т.д. Актуальность также обусловлена необходимостью укреплять взаимопонимание и межкультурную коммуникацию народов России и Китая, особенно в контексте углубления отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и расширения обменов и сотрудничества в области гуманитарных наук между двумя странами.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Осуществлено целостное и всестороннее рассмотрение эволюции восприятия и интерпретации российской художественно-документальной прозы 1970-2000-х годов в Китае с учетом социально-политического и культурного контекста в плане рецептивной эстетики.
2. Выявлен исторический контекст успешного выпуска перевода книги А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» в Китае, показаны состояние изучения «Архипелага ГУЛАГ» в литературоведении Китая и изменение отношений русистов к произведению: от отрицания к утверждению, от критики к положительной оценке.
3. Осуществлено обобщение и анализ размышлений китайских литераторов и критиков о современной китайской литературе относительно идей, выраженных в «Архипелаге ГУЛАГ».
4. Выявлено влияние произведения «Архипелаг ГУЛАГ» на творчество китайского писателя Ян Сяньхуэя в аспектах отношения к исторической правде и ответственности перед пострадавшими.
5. Установлена связь истории переводов произведений С.А. Алексиевич и процесса научного изучения ее творчества с привлечением источников на китайском языке.
6. Проведен сопоставительный анализ произведений «У войны не женское

лицо» С.А. Алексиевич и «Дракон меняет облик: китайцы сегодня» Чжан Синьсинь и Сан Е, выявлены различия двух произведений в аспектах темы нарратива и авторской позиции.

Объект исследования – российская художественно-документальная проза 1970-2000-х гг. в китайском литературоведении.

Предмет исследования – рецепция, интерпретации, перевод и оценки произведений российской художественно-документальной литературы 1970-2000-х гг. в китайском литературоведении; перевод «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына в рамках режима «внутреннего распространения» и изменение оценок и восприятия произведения китайскими исследователями; дискуссии среди китайских ученых, вызванные «Архипелагом ГУЛАГ», и его влияние на творчество китайского писателя Ян Сяньхуэя; перевод, анализ и интерпретация творчества С.А. Алексиевич в работах китайских ученых; сопоставление произведений «У войны не женское лицо» и «Дракон меняет облик: китайцы сегодня».

Материалом диссертационного исследования послужили научные исследования китайских русистов, критиков и литераторов за последние 50 лет, посвященные российской художественно-документальной прозе 1970-2000-х гг. В диссертации рассмотрены документальные произведения Д. Гранина «Эта странная жизнь», «Клавдия Вилор» и «Зубр»; документальная хроника блокады Ленинграда А. Адамовича и Д. Гранина «Блокадная книга»; автобиографическая повесть А. Жигулина «Черные камни»; цикл рассказов и очерков В. Шаламова «Колымские рассказы»; документальная повесть А. Адамовича «Хатынская повесть»; двухтомный дневник К. Симонова «Разные дни войны»; документальный сборник А. Адамовича, В. Колесника и Я. Брыля «Я из огненной деревни»; воспоминания Е. Гинзбург «Крутой маршрут».

Следует отметить, что в ходе исследования акцент делается на рецепции художественно-документальных произведений А.И. Солженицына и С.А. Алексиевич – «Архипелага ГУЛАГ» и цикла книг «Голоса Утопии».

Степень изученности проблемы. По нашим наблюдениям, до настоящего

момента систематических работ конкретно о рецепции российской художественно-документальной прозы как единого целого в китайском литературоведении практически не проводилось. Тем не менее, проблема художественно-документальной прозы получила освещение в несколько работах общего характера. Среди работ российских исследователей следует особо отметить труды П.В. Куприяновского, Я.И. Явчуновского, Я.С. Духана, Н. Яковлевой, диссертации Е.Ю. Скарлыгиной, Л.К. Оляндэра, А.Г. Тоне, К. Гурска, монографии Е.Г. Местергази и др¹.

Особое место в изучении российской художественно-документальной прозы 1970-1980-х гг. как особого феномена принадлежит таким китайским русистам и ученым, как Ли Юйчжэнь и Чэнь Шусянь, Ли Сусюань, Чэнь Цзиньюн, Чжан Цзе и др². Проблеме рецепции творчества А.И. Солженицына и С.А. Алексиевич в китайских научных кругах посвящен ряд статей таких исследователей, как Е.В. Белопольская, Чжао Хайся и Сюй Чуаньхуа, Гу Чэн, Ли Синьмэй, Чен Лемин и Чжан Цзюньсян, Ли Чуньюй и др³.

¹ Куприяновский П. В. Проблемы изучения художественно-документальной литературы // О художественно-документальной литературе. – Иваново: Облгиз, 1972. – 229 с.; Явчуновский Я. И. Документальные жанры // Образ, жанр, структура произведения под ред. проф. П. А. Бугаенко. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1974. – 231 с.; Духан Я. С. Художественно-документальная проза о Великой Отечественной войне (70-80-е годы). – Л.: Ленигр. орг. о-ва «Знание» РСФСР, 1985. – 17 с.; Яковлева Н. «Человеческий документ» // История и повествование: сб. ст. под ред. Г. В. Обатнина, П. Песонена. – М.: Новое лит. обозрение; Хельсинки: Каф. славистики Ун-та, 2006 (М.: Типография «Новости»). – 596 с.; Скарлыгина Е. Ю. Современная художественно-документальная проза о войне: развитие и обогащение жанра: дис. ... канд. филолог. наук. – М.: 1985 – 181 с.; Оляндэр Л. К. Документально-художественная проза о Великой Отечественной войне : История развития и поэтика документальных жанров : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.02. - Луцк, 1992. - 367 с.; Тоне А.Г. Проблемы жанровой эволюции художественно-документальной прозы 1970-1990-х гг. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01. - Москва, 1999. - 269 с.; Гурска К. Художественно-документальная проза Светланы Алексиевич : проблемы поэтики : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Гурска Каролина Эва; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. - Москва, 2019. - 170 с.; Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн/non-fiction. – М.: Совпадение, 2007. – 327 с.; Местергази Е. Г. Документальное начало в литературе XX века. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 160 с.

² Ли Юйчжэнь, Чэнь Шусянь. Современная советская документальная литература // Советская литература. – 1981. – № 2. – С. 136. 李毓榛, 陈淑贤. 苏联当代纪实文学. 苏联文学. 1981年. 第02期. 第136页; Ли Сусюань. Новый бутон в советской документальной литературе: о литературе записи устного свидетельства // Литературное обозрение. – 1986. – № 3. – С. 100–104+57. 李素绚. 苏联纪实文学中的一枝新蕾——评介口述实录体小说. 文艺评论. 1986年. 第03期. 第100-104+57页; Чэнь Цзиньюн. Советская документальная литература о войне // Современная зарубежная литература. – 1987. – № 2. – С. 171–176. 陈敬咏. 苏联战争题材的纪实文学. 当代外国文学. 1987年. 第02期. 第171-176页; Чжан Цзе. Факт и вымысел в современной советской документальной литературе // Литературное обозрение. – 1988. – № 2. – С. 116. 张捷. 当代苏联小说中的纪实与虚拟. 文艺评论. 1988年. 第2期. 第116页

³ Белопольская Е. В. Солженицын в зеркале современной китайской критики / Е. В. Белопольская, Т. Шао // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2013. — № 4. — С. 8—15; Чжао Хайся, Сюй Чуаньхуа. Образ Солженицына в китайском контексте и изучение Солженицына в Китае // Сибирские исследования. — 2014. — № 06. — С. 61—65. 赵海霞, 许传华. 中国语境中的索尔仁尼琴形象—

Цель диссертационного исследования – изучение китайского опыта переводов, интерпретации, анализа, оценки, размышлений, влияния и отклика на российскую художественно-документальную прозу 1970-2000-х гг.

Настоящая цель предопределила и основные **задачи** данного исследования:

1. Проследить историю развития русской документальной литературы и определить рамки и объект исследования.

2. Собрать, проанализировать и классифицировать работы о российской художественно-документальной прозы 1970-2000-х годов, опубликованные в Китае.

3. На основе анализа собранных материалов рассмотреть специфику рецепции советской художественно-документальной прозы 1970-1980-х годов.

4. Изучить переводы и восприятия произведения «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына в Китае.

5. Исследовать размышления китайских ученых о современной китайской литературе, вызванные «Архипелагом ГУЛАГ» и определить его влияние на творчество китайского писателя Ян Сяньхуэя.

6. Изучить рецепцию художественно-документального цикла «Голоса Утопии» С.А. Алексиевич в Китае.

7. Сопоставить произведения «У войны не женское лицо» С.А. Алексиевич и «Дракон меняет облик: китайцы сегодня» Чжан Синьсинь и Сан Е.

Методологической и теоретической основой исследования послужили работы по феноменологии и герменевтике (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Х-Г. Гадамер); по диалоговой теории и рецептивной эстетике (М.М. Бахтин, Г-Р. Яусс, В. Изер); по проблеме сравнительного литературоведения (А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский); по проблемам изучения литературного

兼论中国的索尔仁尼琴研究 // 西伯利亚研究. — 2014. — № 06. — 61—65 页; 古澄. 中国的索尔仁尼琴译介研究述评 // 外国文学研究动态. — 2018. — № 05. — 93—96 页; 古澄. 中国的索尔仁尼琴译介研究述评 // 外国文学研究动态. — 2018. — № 05. — 93—96 页; 李辛. 翻译, 研究, 接受: 索尔仁尼琴在中国的传播与接受 / 李辛 // 俄罗斯文学研究. — 2020. — № 1. — С. 246—256; 陈乐明, 张俊翔. 索尔仁尼琴在中国的传播与接受 // 俄罗斯文学研究. — 2017. — № 05. — С. 35—40. 陈乐明, 张俊翔. 阿列克西耶维奇作品在中国的传播与接受 // 俄语学习. — 2017. — № 05. — 35—40 页; 李辛. 索尔仁尼琴在中国的传播与接受 // 俄罗斯文学研究. — 2019. — № 2. — С. 49—57.

произведения (Ю.М. Лотман, Н.К. Гей, В.И. Тюпа); по проблеме художественно-документальной прозы (П.В. Палиевский, Л.Я. Гинзбург, Я.И. Явсуновский, Е.Г. Местергази, Л.А. Аннинский). На основе трудов этих и других ученых делается попытка исследовать рецепцию российской художественно-документальной прозы 1970-2000-х гг. в китайской критике и художественной литературе.

Методология исследования опирается на синтез взаимодополняющих подходов, направленных на объективное, всестороннее и системное изучение рецепции российской художественно-документальной прозы 1970-2000-х гг. в Китае. При анализе конкретных произведений применяется культурно-исторический, биографический, сравнительно-исторический, историко-генетический, сравнительно-сопоставительный, описательный и историко-литературный методы, а также статистический и количественный методы.

Теоретическая значимость исследования заключается в следующем:

1. Дополнено представление о рецепции российской художественно-документальной прозы 1970-2000-х гг. в китайском литературоведении и современной китайской литературе;

2. Конкретизировано и уточнено представление о методологических возможностях комплексного изучения рецепции российской художественно-документальной литературы;

3. Предложено теоретическое осмысление о связи между рецептивным контекстом (социальным, политическим и культурным) и восприятием русского текста;

4. Выявлен ряд внешних факторов (известность писателя в мире, читательский спрос на рынке, позиция писателя), определяющих направление интерпретации и оценки художественно-документальных произведений А.И. Солженицына и С.А. Алексиевич в Китае.

5. Исследовано конкретное влияние книги «Архипелаг ГУЛАГ» на творчество китайского писателя Ян Сяньхуэй, обогащено изучение влияния русской литературы на китайскую;

6. Изучены различия между художественно-документальных произведений «У войны не женское лицо» С.А. Алексиевич и «Дракон меняет облик: китайцы сегодня» Чжан Синьсинь и Сан Е, раскрыт новый аспект русско-китайского литературного диалога.

Практическая значимость данной работы определяется возможностью использования полученных результатов при чтении курсов и лекций по рецепции российской художественно-документальной прозы в Китае, а также в процессе учебно-методической деятельности при составлении учебников и учебных пособий. Собранный материал может быть задействован для написания статей, монографий, диссертаций по рецепции художественно-документальной прозы, творчества А.И. Солженицына и С.А. Алексиевич в Китае.

Гипотеза исследования состоит в следующем: восприятия российской художественно-документальной прозы 1970-2000-х гг. являются важной частью общей рецепции русской литературы в литературоведении Китая. Интерпретация российских художественно-документальных произведений претерпевала изменения, обусловленные изменением рецептивной обстановки в Китае. Комплексный анализ китайских источников дает возможность расширить представление о специфике тем, стилей, жанров российской художественно-документальной прозы, которые интересны и важны для русистов, об общей картине и эволюции рецепции российской художественно-документальной прозы для китайских и русских ученых.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Многолетняя история и традиции обмена между китайской и русской литературой, а также близость китайских читателей и ученых к русской и советской литературе создали внутренние условия для принятия художественно-документальной прозы в Китае. Таким образом, в условиях взаимодействия внешних и внутренних условий в конце 1970-х-начале 1980-х годов китайские ученые обратили внимание на процветающую в Советском Союзе документальную литературу и начали переводить и исследовать

соответствующие произведения.

2. Китайские ученые своевременно начали исследовать феномен российской художественно-документальной литературы 1970-1980-х гг., однако в силу социальных, политических, культурных, идеологических и других ограничений, а также большого притока западных литературных произведений, этот феномен в целом не получил достаточного внимания. С одной стороны, это выражается в неполноте переводов, а с другой стороны, исследования китайских ученых в основном направлены на общее ознакомление с биографиями писателей, содержанием отдельных произведений, а также на перевод и обобщение мнений советских официальных критиков.

3. Перевод и успешное издание художественно-исторического произведения «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына в Китае были тесно связаны с режимом «внутреннего распространения», который был популярен в Китае в 1960–1980-е годы. Восприятие «Архипелага ГУЛАГ» китайскими учеными прошло путь от отрицания к утверждению, от критики к восхвалению, что объясняется изменением политико-культурной почвы и идеологической обстановки в Китае и подхода литературной критики.

4. С углублением политики реформ и открытости и распространения идеологического освободительного движения в Китае, исследования «Архипелага ГУЛАГ» становятся более объективными и рациональными, все больше и больше критиков и литераторов осознают его значение и ценность для современной китайской литературы.

5. Благодаря тесному культурному обмену между Китаем и Россией на протяжении нескольких исторических периодов русская литература долгое время оказывала глубокое влияние на китайскую литературу. «Архипелаг ГУЛАГ» – яркая звезда на небе русской литературы – также влиял на творчество китайских писателей, одним из которых является Ян Сяньхуэй. Документальный роман «Память Цзябяньгоу», написанный Ян Сяньхуэем, называют китайским «Архипелагом ГУЛАГ».

6. С.А. Алексиевич, наследуя традиции русской литературы, внесла

новаторство в жанр художественно-документальной прозы. Как яркое достижение русской и белорусской художественно-документальной прозы до присуждения Нобелевской премии творчество С.А. Алексиевич уже входило в круг интересов китайских переводчиков и русистов. Однако лишь после этого события оно стало рассматриваться как отдельный объект исследования. В настоящее время отмечается разнообразие исследовательских подходов и наличие определенных результатов в данной области: в Китае опубликовано значительное количество работ, в которых формулируются оригинальные взгляды на жанровую и нарративную специфику, тематику, авторскую позицию и связь творчества С.А. Алексиевич с русской литературной традицией.

7. В середине 1980-х годов публикация книги С.А. Алексиевич «У войны не женское лицо» вызвала бурные дискуссии в советском литературном мире. Использованный в произведении художественный прием «устная история» также привлек широкое внимание. Примерно в это же время в китайском литературном мире появилось первое документальное произведение, в котором также использовался метод «устной истории» – «Дракон меняет облик: китайцы сегодня», написанное Чжан Синьсинь и Сан Е. Можно сказать, что белорусская писательница и китайские писатели вступили в литературный диалог через границы. Несмотря на то, что между двумя документальными произведениями есть сходство в творческих методах, формах и ракурсах, существуют и различия в темах нарратива и авторской позиции.

Степень достоверности результатов исследования. Высокая степень достоверности результатов обеспечивается опорой на современные теоретико-методологические разработки ключевых направлений литературоведения и значительным объемом проанализированного материала: к анализу привлечены научные исследования китайских ученых-русистов – монографии, статьи, диссертации.

Апробация работы прошла в форме научных докладов, представленных на международном гуманитарном форуме РУДН (2022), III Международной научно-практической конференции «Научная инициатива иностранных

студентов и аспирантов» (2023) и конференции «Литература в современном мире: текст, контекст, интертекст (памяти проф. А.С. Карпова и проф. В.В. Шервашидзе) (2023). Исследования также отражены в статьях журналов, входящих в перечень ВАК и WOS.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиография. Объем исследования – 152 страницы, библиография насчитывает 176 наименований.

Основные положения и результаты исследования работы были опубликованы в следующих научных журналах, включенных в перечень **научных изданий ВАК и WOS**, рецензируемых ученым советом РУДН:

1. Чжоу Лулу. Рецепция творчества Светланы Алексиевич в Китае (проблемы перевода и исследований) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Выпуск 2. С. 405-411.

2. Чжоу Лулу, А. Г. Коваленко. Рецепция творчества А. И. Солженицына в китайском социально-политическом и культурном контексте // Научный диалог. 2023. Т.12. № 5. С. 386-407. (WOS)

3. Чжоу Лулу. Перевод творчества А.И. Солженицына в режиме «внутреннего распространения» в Китае // Известия саратовского университета. Новая серия. Серия филология журналистика. 2024. Т. 24. Выпуск 1. С. 78-84.

Глава 1. Художественно-документальная проза в российском и китайском литературоведении

1.1. История развития русской художественно-документальной литературы

В данном разделе автор выясняет, как развивалась русская документальная литература, и представляет выдающихся писателей в данной сфере и их произведения, определяя объект и рамки настоящего исследования.

Документальная литература имеет давние традиции, история ее развития сопоставима с историей развития цивилизации. Ее истоки можно проследить в древних исторических записях, путевых заметках, личных дневниках и других формах.

На Западе документальная литература восходит к исторической литературе Древней Греции и Рима, например, к работам историков, таких как Геродот и Тацит. На Востоке, в частности в Китае, самые ранние письменные формы документальной литературы – примитивные надписи на костях и памятниках и «Книга истории» (альтернативное название древнего трактата «Шу цзин», входящего в конфуцианский канон «Пятикнижие»).

Следует отметить, что в античной литературе связь между исторической действительностью и вымыслом достаточно хрупка, и границы между ними зачастую размыты.

Еще в IV веке до нашей эры теория «подражания (мимезиса)» в искусстве в понимании Аристотеля указала возможность сочетания художественного элемента с документальным. По мнению Аристотеля, подражание лежит в основе генезиса искусств. В первой главе «Поэтики» ясно сказано: «Эпос и трагедия, а также комедия, дифирамбическая поэзия и большая часть авлетики и кифаристики – все они являются вообще подражанием. А отличаются они друг от друга тремя чертами: тем, что воспроизводят различными средствами или различные предметы, или различным, не одним и тем же, способом»⁴.

⁴ Аристотель. Поэтика. Ленинград: АCADEMIA. 1927. с.47. (Переводчик: Н.И. Новосадский)

«Исторические записки», написанные Сыма Цянем, историком и писателем династии Западная Хань, основаны на исторических фактах и направлены на точную запись исторических событий. Данный труд опирается на широкий спектр материалов. Важными источниками материала для его создания послужили «Ши Бэнь», «Го юй», «Цинь Цзи», «Чу-хань чунь-цю», философские работы и трактаты по различным предметам, государственные документы и архивы, а также материалы, полученные в результате полевых исследований.

Плутарх, греческий писатель, философ и историк времен Римской империи, брал сведения для своих «Биографий» не только из документальных источников, но и из художественных. «Документальными источниками для него служили надписи, главным образом на камне, и рукописные документы. Художественными источниками для плутарховских жизнеописаний были сочинения историков, философов и ораторов классической и эллинистической эпохи, а также поэмы Гомера и Гесиода, стихотворения Солона, трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида, пьесы древних комедиографов»⁵.

В древнерусской литературе описание и фиксация исторической действительности были основной задачей авторов. Д.С. Лихачев отмечает, что «древнеславянский автор не мог сознательно ввести в свое произведение вымысел. Во все, что он писал, он верил: он верил в чудо, совершившееся у мощей святого или на поле сражения, он верил в фантастические подробности жизни святого. Если он и не верил <...>, то он по крайней мере делал вид, что верил <...> Фантазия средневекового писателя была ограничена тем, что может быть определено как средневековое “правдоподобие”. Это “правдоподобие” резко отлично от правдоподобия современного. Оно допускает чудо, но не допускает отступлений от хронологии, не разрешает вымышленных имен, вымышленного времени, вымышленной топографии действия»⁶. По мнению Лихачева, «развитие древнерусской литературы на протяжении всех ее веков

⁵ Самуткина Л.А. Документальность поэтических цитат в «Биографиях» Плутарха // Факт, домысел, вымысел в литературе под ред. Розановой Л.А. – Иваново: ИвГУ, 1987. С.25

⁶ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение 1973. С. 70.

представляет собой постепенную борьбу за право на художественную “неправду”»⁷.

То есть в литературе на ранних этапах различие вымысла и исторической правды не осознавалось. Как указывает Л.Я. Гинзбург: «то, что для писателя XX века является экспериментом, для древнего автора было естественным состоянием письменности. Первичное повествование – это и есть невымышленное повествование»⁸.

Во второй половине XVIII века, как отмечает О.В. Мамуркина, «начинают активно развиваться тексты маргинального художественного-документального порядка. Прежде всего речь идет об автобиографии, мемуарах, эпистолярных, дневниках, а также бытовых и путевых записках»⁹. В этих произведениях документально подтверждается подлинность описанных событий и благодаря высокой достоверности они пользуются популярностью у читателей. Среди таких произведений можно отметить «Жизнь и приключения Андрея Болотова. Описанные самим им для своих потомков», «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, «Письма русского путешественника» и повесть «Моя исповедь. Письмо к издателю журнала» Карамзина, мемуары, письма, дневники Екатерины II и др. Т.Н. Головина указывает, что «документальность открывает дополнительные возможности воздействия на читателя: сразу вызывает доверие к материалу и облегчает привыкание к тексту»¹⁰.

В 20–30 годы XIX века господствующее положение в искусстве завоевывает такое направление как русский романтизм. В этот период документальное начало в литературе постепенно уступает главенство художественному. Как указывает В.Е. Хализев: в эпоху романтизма вымысел проявляется как «индивидуальное достояние автора»¹¹. И бытовой материал в

⁷ Там же. С.132.

⁸ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. О литературном герое. Санкт-Петербург: Азбука, 2016. С. 477–478.

⁹ Мамуркина О.В. Художественный нарратив в путевой прозе второй половины XVIII: генезис и формы: Автореф. дис. канд. филолог. наук. Спб.: 2013. С.4.

¹⁰ Головина Т.Н. Формы и функции документализма в произведениях Н.А.Некрасова и М.Е.Салтыкова-Щедрина 60-70-х годов 19 века // Факт, домисел, вымысел в литературе под ред. Розановой Л.А. – Иваново: ИвГУ, 1987. С.86.

¹¹ Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высш. шк. 2004. С. 104.

творчестве писателей-романтиков, как отмечает А.В. Лужановский, не имеет собственной ценности, трактуется психологически или символически, факт и биография героя становятся элементами внешними по отношению к сюжету¹².

Тем не менее, документальные элементы все так же используются многим писателями. Приемы документирования очень разнообразны. Писатель может включать в произведения различные документы, цитировать их фрагменты, давать ссылки на источники информации, достоверно изображать все, даже самые мелкие, явления действительности, фиксировать точное место, время и т. д.

Так, А. С. Пушкин для достижения достоверности в своих исторических произведениях способен сочетать вымышленные сюжеты с реальными историческими событиями, переплетая судьбы вымышленных героев с жизнью реальных исторических деятелей. Например, в поэме «Полтава» поэт строго соблюдает историческую истину и использует документальные источники; в повести «Дубровский» мы видим цитату из реального судебного акта; для написания «Капитанской дочки» Пушкин получает от Николая I доступ к материалам восстания: документам и семейным архивам; в исторической монографии «История Пугачева» использованы исторические записки и выписки из архивов, включая документы восставших и дневниковые записи участников подавления восстания.

Со второй половины XIX столетия под влиянием Ипполита Тена, французских романистов Эмиля Золя и братьев Гонкуров, стремление к фактографии становится очевидной тенденцией в европейской и русской литературе. Как указывает Н. Яковлева, в это время появляются беллетризованные биографии, растет интерес к мемуарам и автобиографическим, физиологическим очеркам, а также имеет место серия небольших скандалов, связанных с изображением реальных лиц в художественных произведениях, завершившаяся в 1864 году большим

¹² Лужановский А.В. Реалистический критерий художественной достоверности и развитие рассказа // Факт, домысел, вымысел в литературе под ред. Розановой Л.А. – Иваново: ИвГУ, 1987. С.139.

полемическим спором вокруг прообраза в романе Н.С. Лескова под названием «Некуда», который рецензент назвал «плохо подслушанными сплетнями, перенесенными в литературу», и «все это стало прологом новой волны документализма 70-х годов»¹³.

С развитием реализма отмечается значение и ценность самого документа, он используется как литературный прием в русской литературе. Как отмечает А.В. Лужановский, «в реализме достоверность стала пониматься как мера жизненного правдоподобия “внешнего” (форма повествования, язык, фабула и фабульные ситуации) и “внутреннего” (содержание) планов произведения. “Внутренняя” достоверность стала проверяться через соотнесение содержания с изображаемой действительностью. Характеры при этом рассматривались в единстве со средой, с обстоятельствами, в том числе и бытовыми. Бытовой факт, бытовой случай уже не существовали вне связи с характером и реальностью. Обычное бытовое происшествие проявляло не только характер, но и действительность, становилось средством анализа действительности. Реализм эстетически обосновал интерес к повседневному быту»¹⁴. Сюжеты, человеческие типы, проблематика, приемы письма, как указывает А.В. Сафронов, «нередко “переходили” из документальных повествований, из “литературы факта” в “литературу вымысла”, помогая классикам – Ф.М. Достоевскому, Н.А. Некрасову, М.Е. Салтыкову-Щедрину, Л.Н. Толстому, А.П. Чехову – в создании бессмертных образов»¹⁵.

В то же время Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой были первыми, кто почувствовал, что документ способен заговорить «сам по себе». Автобиографические «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского впервые глубоко и всесторонне на конкретном жизненном материале познакомили читателей с судьбой целой категории людей из неизвестных уголков России.

¹³ Яковлева Н. Человеческий документ // История и повествование: сб. ст. под ред. Г.В. Обатнина, П. Песонена. – М.: Новое лит. обозрение; Хельсинки: Каф. славистики Ун-та, 2006 (М.: Типография «Новости»). С.372-374.

¹⁴ Лужановский А.В. Реалистический критерий художественной достоверности и развитие рассказа // Факт, домысел, вымысел в литературе под ред. Розановой Л.А. – Иваново: ИвГУ, 1987. С.138-139.

¹⁵ А.В. Сафронов. «Правда без прикрас» в жанре «Путешествий» и художественной документалистике «Из жизни отверженных» // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. с. 2007. № 2 (15). С. 125.

Л.Н. Толстой по-своему откликнулся на художественный потенциал невымышленного факта. Для усиления достоверности содержания Л.Н. Толстой в своей последней книге «Хаджи Мурат» и эпосе «Война и Мир» использует реальные документы и архивы. Однако, следует отметить, что факт далеко не самостоятелен в этих произведениях: «Документ был в подчинении и говорил то, что им хотели сказать. Трудно было и вообразить тогда, что оно может происходить как-нибудь иначе <...> То есть факт кто-то должен был вытащить и представить его от своего имени, на своем языке. Без писательского истолкования он был в литературе немислим»¹⁶.

К концу XIX века в литературе наметилась четкая тенденция к протоколированию, документированию действительности. Факт «впервые сдвинулся со своего места внутри образа и попытался что-то самостоятельное сказать»¹⁷. Появилось множество произведений, основанных на истории и фактах, таких как: «Сибирь и каторга» С.В. Максимова, романы П.Д. Боборыкина, романы А.Ф. Писемского, «Трущобные люди» В.А. Гиляровского, «Остров Сахалин» А.П. Чехова, «Очерки Павловского» и цикл эссе «В голодный год» В.Г. Короленко, «Несколько лет в деревне» Н.Г. Гарина-Михайловского и т.д. Ряд критических статей и рецензий, опубликованных в журналах в этот период, утверждают, что вопросы о художественно-документальных жанрах уже тогда «рассматривались русской критикой как эстетическая проблема»¹⁸. Также Б. Козлов отмечает, что «в 1890-е годы происходит оживление художественно-документальной литературы, присущее, по мнению исследователей, “переломным” периодам. Повышенный интерес к факту как “документу действительности” вызывает перестройку литературы на жанровом и стилевом уровнях»¹⁹.

Важное место в истории документальной прозы занимает М. Горький. По мнению П.В. Палиевского, М. Горький стал первым, кто использовал факт в

¹⁶ Палиевский П.В. Роль документа в организации художественного целого // Проблемы художественной формы социалистического реализма / ред. Н.К. Гей, Н.В. Драгомирецкая, А.С. Мясников и др. В 2 т., Т. 1. – М.: Наука, 1971. С.390.

¹⁷ Там же. С. 388.

¹⁸ Козлов Б. Проблема «документализма» в русской журнальной критике 1890-х годов // О художественной документальной литературе. Иваново, 1979. С.38-39.

¹⁹ Там же.

качестве художественного элемента произведения²⁰. Кроме того, признается большая заслуга Горького «в создании стройной теории очерковых жанров», отмечается, что Горький «с признанием и любовью относился к художественной документалистике на всем протяжении своего творческого пути <...> Горьковское положение о существовании очерка-рассказа и очерка-исследования лежит в основе современного деления жанра на художественную и документальную разновидности»²¹.

В 1920-е годы возникла новая волна документальной прозы, связанная с созданием литературной группы ЛЕФ. Это творческое объединение было создано в Москве в конце 1922 года. Ядро ЛЕФа – это бывшие футуристы: В.В. Маяковский (лидер объединения), Н.Н. Асеев, О.М. Брик, С.М. Третьяков, Б.А. Кушнер, Б.И. Арватов, Н.Ф. Чужак. В деятельности ЛЕФа принимали участие и другие литераторы, а также художники, кинематографисты, архитекторы. «Именно в такой лаборатории мысли объединяются литературная наука, искусство и идеология. Связующим звеном меж столь различными направлениями служит революционная идея, под эгидой которой они существуют. Вот в какой культурной среде зарождается фактография»²². Их журналы «ЛЕФ» (1923–1925) и «Новый ЛЕФ» (1927–1928) заложили основы эстетики молодого авангарда и внесли значительный вклад в формирование нового документального метода.

В 1927–1928 годах левовцы вели в «Новом ЛЕФе» острую дискуссию, итогом которой стало заявление о том, что «факт превосходит вымысел». Как отмечает важный теоретик левого искусства С.М. Третьяков в новогоднем послании в «Новом ЛЕФе» в 1928 году: «Отчетливое бескомпромиссное закрепление Лефа на литературе факта и на фото заносим себе в актив <...> Мы говорим – идеология не в материале, которым пользуется искусство. Идеология

²⁰ Палиевский П.В. Роль документа в организации художественного целого // Проблемы художественной формы социалистического реализма / ред. Н.К. Гей, Н.В. Драгомирецкая, А.С. Мясников и др. В 2 т., Т. 1. – М.: Наука, 1971. С.394.

²¹ Русская художественно-документальная проза: методические рекомендации к спецсеминару, Министерство образования Российской Федерации, Рязанский государственный педагогический университет им. С.А. Есенина; составитель Сафронов А.В. - Рязань: Изд-во Рязанского гос. пед. ун-та им. С. А. Есенина, 1996. С.3-4.

²² Заламбани М. Литература факта. От авангарда к соцреализму. – СПб: Академический проект, 2006. – С.13.

в приемах обработки этого материала, идеология в форме <...> Леф ставит под знак сомнения все искусство в его эстетико-одурманивающей функции. Леф – за выработку методов точной фиксации фактов. Невыдуманную литературу факта Леф ставит выше выдуманной беллетристики, отмечая рост спроса на мемуар и очерк в активных слоях читателей»²³.

Сборник «Литература факта», опубликованный в 1929 году, стал результатом дискуссии ЛЕФа о литературе документа-факта за последние два года. «Лефовцы» отказались от идеи «искусства ради искусства», потому что считали его лишь имитацией реальности и утверждали, что подлинную реальность отражает только литература факта. Как пояснялось в предисловии к сборнику, его составители отказывались от вымысла, от мистического «художества», они признавали «новую, пробивающую уже себе дорогу литературу – литературу не наивного и лживого правдоподобия, а самой всамделишной и максимально точно высказанной правды»²⁴. Теоретики ЛЕФа отрицали художественный вымысел, выдумки и фантазии автора, открыто объявляли войну искусству и утверждали: «наш эпос – газета». В результате многие писатели начали активно обращаться к историческим фактам и документам.

Лефовцы считали, что фактические материалы, такие как дневники, публицистика, политические комментарии и мемуары, которые точно фиксируют факты, превосходят художественное творчество, такое как литература и кино. По мнению китайского ученого Лю Тяньи такое утверждение имеет особый исторический характер: «большинство членов Лефа когда-то принадлежали к русским футуристам и считали, что представляют новейшую форму пролетарской литературы и искусства, а их творчество является реакцией на буржуазное искусство и знаменует его конец»²⁵.

²³ Третьяков С. С новым годом! С «Новым Лефом»! // Новый Леф. – 1928. №1. С.1-2. Коллектив авторов, 01.01.1928.

²⁴ Литература факта. Первый сборник материалов работников ЛЕФа под ред. Н.Ф. Чужака. – М.: Захаров, 2000. С. 5-6.

²⁵ Лю Тяньи. Китайская революционная литература в творчестве писателей Лефа: Третьяков и его «Дэн Шихуа» // Литературный обзор. 2022. № 5. С.98. 刘天艺. «列夫派» 作家笔下的中国革命文学——特列季亚科夫与他的 «邓世华». 文学评论. 2022. 第 5 期. 第 98 页

К 1930-м годам, фактография была заменена социалистическим реализмом, который потребовался государству для лучшего контроля над творческими личностями и политической пропаганды.

Катастрофическим и трагическим событием в истории человечества стала Вторая мировая война. После войны каждый хотел высказать свое мнение и рассказать правду, которую он знал. Документальные свидетельства стали распространяться повсюду и завоевали расположение читателей и зрителей. И в русской литературе появилось множество произведений, посвященных теме войны и характеризующихся достоверностью. Очевидная черта этих произведений в том, что они верны фактам, описывают реальных людей и основаны на реальных событиях. Авторы проводили глубокие исследования и в качестве основного содержания использовали личные чувства и переживания участников и свидетелей войны, достоверно отражая истинный характер пережитых ими событий. При этом авторы не просто описывали прошлый опыт выживших, но добавляли в сочинения собственные исследования и переживания. Они обрабатывали документы и различные материалы, такие как рассказы простых людей, дневники, письма, телеграммы и т.д., путем тщательного отбора, восстанавливая само событие.

Как указывает П.В. Палиевский, после Великой Отечественной войны «документ получил самостоятельное эстетическое значение <...> Усвоение факта для литературы никогда не было проблемой: факт был и, наверное, будет ее главным источником питания. Но теперь этот источник стал ценен для нас и сам по себе»²⁶.

Интерес к «литературе факта» отразился и в произведениях, связанных с трагической историей России и рассказывающих о «наказании без преступления» – о судьбах людей, прошедших через лагеря и тюрьмы тоталитарной эпохи. Это мемуары А.И. Деникина, И.А. Бунина, И.Г. Эренбурга, К.М. Симонова, дневники К.И. Чуковского, книги О.В. Волкова, А.В. Жигулина,

²⁶ Палиевский П.В. Роль документа в организации художественного целого // Проблемы художественной формы социалистического реализма / ред. Н.К. Гей, Н.В. Драгомирецкая, А.С. Мясников и др. В 2 т., Т. 1. – М.: Наука, 1971. С. 421.

Е.С. Гинзбург, В.Т. Шаламова, А.И. Солженицына.

В 1950-е годы русская документальная литература вступила в период бурного развития. Прежде всего, это подъем в развитии жанра очерка. В прозе о Великой Отечественной войне документ первоначально выполняет вспомогательную и подчиненную роль, употребляется в основном в публицистических текстах, но значение «документальных элементов в структуре очерка возрастает»²⁷. В годы войны были изданы многочисленные сборники – очерки и рассказы очевидцев и участников военных событий.

Огромное количество мемуаров, появившихся в 1960-е годы, является отражением большого интереса авторов и читателей к документам и фактам. В этот период появились «Черные сухари» Е.Я. Драбкиной, «Брестская крепость» С.С. Смирнова, «Бездна» Л.В. Гинзбурга, «Отблеск костра» Ю.В. Трифонова, «Люди 30-х годов» Ю.А. Жукова, «Берлин, май 1945» Е.М. Ржевской, «Всем смертям назло» В.А. Титова и книги, написанные военачальниками (такими как Г.К. Жуков, А.А. Гречко, С.М. Штеменко и др.) на основе их личного опыта.

Здесь следует обратить внимание на книгу «Брестская крепость» Смирнова, которая получила высокую оценку критики и была удостоена Ленинской премии 1965 года. Для создания «Брестской крепости» Смирновым были проведены многолетние исследования. Он опрашивал свидетелей, разыскивал выживших при обороне Брестской крепости. По поводу своего творческого метода сам писатель пишет в начале текста – в письме героям Брестской крепости: «Дорогие мои друзья! Эта книга – плод десятилетней работы над историей обороны Брестской крепости: многих поездок и долгих раздумий, поисков документов и людей, встреч и бесед с вами»²⁸.

В 1970-е годы документальная литература продолжила свое развитие. На литературной сцене блистали такие писатели-документалисты, как К.М. Симонов, А.М. Адамович, Я. Брыль и Д.А. Гранин.

К. Симонов в первый день войны был призван в армию и работал как

²⁷ Мамуркина О.В. Художественный нарратив в путевой прозе второй половины XVIII: генезис и формы: Автореф. дис. канд. филолог. наук. – СПб.: 2013. С. 21.

²⁸ Смирнов С.С. Брестская крепость. – СПб: Амфора, 2015. – С. 15.

корреспондент «Известий», а затем был переведен спецкором в «Красную звезду», где проработал до конца войны. Его трилогия «Живые и мертвые» создана на основе записок писателя, сделанных в разные годы и отчасти опубликованных в виде статей и очерков. Эту работу нельзя отнести ни к хронике, ни к исторической литературе, так как временные рамки произведения достаточно узки, охватывают не весь период войны, к тому же персонажи романа вымышленные, однако имеются реальные прототипы. В двухтомном дневнике «Разные дни войны» по-разному – глазами героев и автора – показаны реальные события войны 1941 года.

Большое влияние на развитие художественно-документальной прозы оказало творчество А. Адамовича, Д. Гранина, Я. Брыля и В. Колесника. Начиная с 1970-х годов эти писатели опубликовали несколько произведений, вызвавших большой интерес и внимание. Среди них «Хатынская повесть», «Клавдия Вилор», «Я из огненной деревни», «Блокадная книга», «Каратели».

В книге «Я из огненной деревни» (авторы: А. Адамович, Я. Брыль, В. Колесник) показаны память и боль простых людей, спасшихся из уничтоженных фашистами белорусских деревень, описаны подвиги партизан. Для опроса очевидцев писатели на протяжении 1970–1973 годов проехали с магнитофоном по Беларуси, побывали в сотнях сожженных деревень и записали воспоминания более 300 свидетелей трагедии.

В «Блокадной книге», написанной в соавторстве Д. Гранина с А. Адамовичем, отражены страдания жителей Ленинграда во время блокады и их неукротимый боевой дух. Отличаясь от других военных романов с «грандиозностью» повествования, это произведение не имеет широкого исторического контекста и не затрагивает политических вопросов. В период с 1975 по 1977 год авторы посетили сотни ленинградцев и записали воспоминания людей, переживших блокаду, в том числе обнаружили несколько дневников блокадников. Для показа реальной ситуации во время блокады в книгу были включены фрагменты личных воспоминаний и дневников. «Блокадная книга» по структуре относится уже к художественно-

документальной литературе, так как авторы внимательно отбирали материалы из сотен интервью и дневниковых записей. В качестве примера возьмем дневники второй части книги. Дневники принадлежат людям совершенно разных типов: разный опыт, разные судьбы, возраст, социальное положение. Такой отбор сам по себе уже является литературным творением.

В начале 1980-х Адамович опубликовал произведение «Каратели», в котором рассказывается о преступлениях, совершенных карателями из батальона СС Дирлевангера на белорусской земле во время Великой Отечественной войны: 5 июня 1942 года карательный отряд провел «акцию устрашения» в селении Борки Кировского района Могилевской области, в результате которой деревня была уничтожена вместе со всеми ее жителями. В произведении «Каратели» подробно описано уничтожение семи белорусских деревень. В состав так называемых «карателей» входили не только немецкие солдаты, но и белорусы, русские и украинцы. Книга основана на реальных документах, многие персонажи имеют реальные прототипы, их фамилии тоже настоящие, даже указана точная дата и время уничтожения каждой деревни. Автор пытается понять мотивацию главных героев и раскрыть психологию преступников, делая акцент на гуманистической составляющей произведения.

В этих произведениях авторы сознательно не изображали великолепные батальные сцены, не придумывали сложные сюжеты, не описывали великих героев. Писатели широко использовали разнообразные документы, в большинстве своем личные документы, предоставленные обычными людьми. В своих произведениях писатели пытаются раскрыть страдания и судьбы простых людей, оказавшихся на войне. Голоса людей из народа впервые были услышаны и с этого момента, они становятся как бы соавторами книги.

Адамович и его соавторы-писатели ценят и уважают устные воспоминания свидетелей, что стало ключом успеха их творчества, а также новой особенностью художественно-документальной литературы. Говоря о ценности и значении устных документов, Адамович отмечает: «Свою задачу мы видели в том, чтобы сберечь, удержать, как “плазму”, невыносимую температуру

человеческой боли, недоумения, гнева, которые не только в словах, но и в голосе, в глазах, на лице, удержать все то, что как воздух, окружает человека, который рассказывал нам, а теперь, со страницы книги, обращается к читателю – к вам обращается»²⁹.

Адамович расширил содержание и границы документов в традиционном понимании. Он ввел в свое творчество «голосовые документы» и «живые документы», назвав их «психологическими документами» и «социальными документами». Говоря о «документе», Адамович пишет: «Что же они такое – эти воспоминания, рассказы людей, записанные на магнитофонную ленту, когда прошло уже столько времени? Насколько это документ? И какой это документ? Мы не боимся сами задать такой вопрос, потому что нам, кто видел, слышал всех этих людей, – очень разных и в то же время в чем-то очень схожих, – нам ответ известен. Да, это документ. Психологический, социальный. И не только документ того, как сегодня, в 70-е годы, народ помнит военные Хатыни, но и чрезвычайно весомый документ о правде самих событий. Хоть и прошло с того времени более четверти столетия»³⁰.

С публикацией произведений С. Смирнова, К. Симонова, А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника, Д. Гранина и С. Алексиевич, наступил новый этап в развитии документалистики. В своих произведениях они стали обращать внимание на войну, показывая ее глазами простых людей, на внутренние переживания маленьких людей, сочетая документальность с раскрытием чувств, спрятанных глубоко в душе героев. Для описания подобных произведений и выявления их места в литературном процессе используется термин «художественно-документальная литература», который вошел в литературно-критический обиход после войны. Как указывает Е.Г. Местергази, изначально «художественно-документальной прозой называли мемуары, дневники и записные книжки писателей и иных авторов, чьи сочинения были ценны и в плане эстетическом. Впоследствии этим же термином обозначали

²⁹ Адамович А., Брыль Я., Колесник В. Я из огненной деревни. М.: Известия. 1979. С.6

³⁰ Там же. С.47.

произведения, авторы которых в художественной форме описывали реальные события, называя настоящие имена всех действующих лиц, вводя в ткань повествования подлинные документы»³¹.

С середины 1980-х годов атмосфера времени, характеризующаяся «перестройкой и новым мышлением» дала новый толчок расцвету документальной литературы. В результате документальное начало в литературе начало занимать доминирующее место. В апреле 1985 года Советский Союз объявил о проведении реформ и выдвинул лозунги «гласности», «демократизации» и «плюрализма». Реформы, затронувшие политические, экономические и культурные аспекты жизни советского общества, вызвали большие потрясения в стране. Изменения в общественно-политической жизни вскоре коснулись и области литературы. Начался подъем «возвращенной литературы». Эти произведения были написаны раньше и по разным причинам не были опубликованы. Среди них наиболее влиятельными документальными произведениями являются «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына, «Колымские рассказы» В. Шаламова, «Колыма 1937–1939» И. Иванова, «Погружение во тьму» О. Волкова, «Черные камни» А. Жигулина, «Непридуманное» Л. Разгона, «История моего заключения» Н. Заболоцкого и др.

Публикация «Архипелага ГУЛАГ» в журнале «Новый мир» в 1989 году считается самым значительным литературным событием того года и, более того, самым значительным культурным событием за весь период реформ. А.И. Солженицын сравнивает трудовые лагеря, разбросанные по территории Советского Союза, с «архипелагом», разоблачая и критикуя это историческое явление и социальную систему того времени. «Архипелаг ГУЛАГ» был создан в период с 1958 по 1968 годы и основан на письмах, воспоминаниях и устных рассказах 257 заключенных и личном опыте автора. Называя книгу «опыт художественного исследования», А.И. Солженицын так объясняет природу жанра: «Художественное исследование – это такое использование фактического

³¹ Местергази Е.Г. Литература нон-фикшн /non-fiction. – М.: Совпадение, 2007. С.42.

(не преображенного) жизненного материала, чтобы из отдельных фактов, фрагментов, соединенных однако возможностями художника, – общая мысль выступала бы с полной доказательностью, никак не слабей, чем в исследовании научном»³². Объяснение А.И. Солженицына показывает, что основой его творчества является «фактический (не преображенный) жизненный материал», и доверие писателя к такому материалу.

На новый уровень художественно-документальную прозу подняло творчество С.А. Алексиевич. Писательница вошла в литературный мир под влиянием В. Быкова, В. Колесника, Я. Брыля и особенно под непосредственным влиянием А. Адамовича.

В речи на церемонии вручения Нобелевской премии С.А. Алексиевич сказала: «Мой учитель Алесь Адамович, чье имя хочу назвать сегодня с благодарностью, тоже считал, что писать прозу о кошмарах XX века кощунственно. Тут нельзя выдумывать. Правду нужно давать, как она есть. Требуется «сверхлитература». Говорить должен свидетель. Можно вспомнить и Ницше с его словами, что ни один художник не выдержит реальности»³³. Представление свидетельств очевидцев непосредственно читателю с целью достижения максимальной правды. Это метод и принцип творчества С.А. Алексиевич.

Ее книга «У войны не женское лицо» впервые была опубликована в советском журнале «Октябрь» в 1984 году. С.А. Алексиевич в то время была малоизвестной молодой журналисткой. Она провела более четырех лет, чтобы взять интервью у женщин, лично переживших войну, сделала аудиозаписи речи более чем 500 женщин. В книге нет определенного главного героя и последовательной сюжетной линии, а только рассказы женщин, участвовавших в войне. Язык в произведении прост и искренен, через такой язык читатель может услышать голос времени. Позже С.А. Алексиевич опубликовала еще

³² Солженицын А.И. Интервью на литературные темы с Н.А. Струве // Вестник Русского христианского движения. – Париж, 1977. – № 120. – С. 135.

³³ О проигранной битве: нобелевская лекция Светланы Алексиевич [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://arzamas.academy/mag/212-aleksievitch?ysclid=lrrlgp10bu986527298>

четыре произведения: «Последние свидетели», «Цинковые мальчики», «Чернобыльская молитва», «Время секунд хэнд».

Ценность творчества С.А. Алексиевич в том, что оно сохранило для нас запись реальных чувств и переживаний о времени ушедшем. С уходом из жизни тех, кто пережил войну и социальные потрясения, «устная история» С.А. Алексиевич становится особенно ценной. Как говорит О.Я. Омельченко: «Какой другой раз? Наше поколение уже уходит... Хотела дать вам адрес своей подруги из Винницы, воевали вместе, а вчера позвонили – умерла она. Война нам всем век укоротила»³⁴.

С.А. Алексиевич унаследовала традицию документальной литературы от Адамовича, но по сравнению с произведениями ее «учителя», ее собственный цикл книг «Голоса утопии» имеет новый характер.

Все пять произведений С.А. Алексиевич «смонтированы» из рассказов свидетелей и не имеют связного сюжета. Для усиления достоверности автор скрыл свои следы и сознательно отступил на позицию протоколиста, не высказывая никаких замечаний и размышлений. Субъективный фактор в книгах был сведен автором к минимуму. С.А. Алексиевич собрала записанные материалы в книгу как они есть, и даже не обрабатывала язык, чтобы максимально сохранить особенности каждого рассказчика.

Как указывает Л. Аннинский, «тексты ее на девяносто девять процентов принадлежат другим людям»³⁵. Даже оставшийся один процент в основном состоит из объективной информации, такой как исторический фон, цитируемые статистические данные, новости, представление интервьюируемых и т.д. Можно сказать, что достоверность и подлинность документов в творчестве С.А. Алексиевич достигли беспрецедентного уровня.

Как и ее учитель, С.А. Алексиевич также пыталась определить жанр своих художественно-документальных произведений. Писательница пишет: «Долго искала... Какими словами можно передать то, что я слышу? Искала жанр,

³⁴ С. Алексиевич. У войны не женское лицо // Октябрь. 2 февраль 1984 Москва. Издательство «Правда». С.64.

³⁵ Аннинский Л. Оглянуться в слезах, Божье и человечье в апокалипсисах Светланы Алексиевич [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://alexievich.info/wp-content/uploads/Anninsky.pdf>

который бы отвечал тому, как вижу мир, как устроен мой глаз, мое ухо»³⁶. Книга «У войны не женское лицо» была опубликована под названием «документальная проза», «Цинковые мальчики» – «документальная повесть», подзаголовок «Чернобыльской молитвы» – «хроника будущего».

Вывод к параграфу 1.1: В целом, начиная с 1980-х годов обращение к художественно-документальной литературе стало значимой тенденцией в русском литературном процессе. Значительно увеличилось количество художественно-документальных произведений и разнообразнее стали их темы, жанры и творческие приемы. По мнению Е.Г. Местергази, в конце XX века такая литература «становится индикатором социальных изменений в обществе»³⁷. И ее популярность обусловлена интересом к истории. Как отмечает Сону Саини: «Это было время, когда появился «голод» по отношению к документальным свидетельствам исторических событий, малоизвестным фактам и скрытым страницам истории»³⁸. Художественно-документальная литература стала самым чувствительным нервом времени, и в то же время быстро меняющееся время дало почву для ее развития. Помимо документальности и исторической ценности художественно-документальная литература также обращает внимание на внутренние переживания «маленьких людей» и пытается выразить эмоциональные «травмы», скрытые глубоко внутри героев, что в определенной степени обладает психотерапевтическим эффектом.

1.2. Общая картина восприятия советской художественно-документальной литературы 1970–1980-х гг. в Китае

В данном параграфе мы пытаемся разобраться в том, как осуществляется рецепция советской художественно-документальной литературы в период 1970–1980-х гг. в Китае. Перед нами стоят две конкретные задачи: первая –

³⁶ Алексеевич С.А. У войны не женское лицо. - М.: Время, 2022.- С.9.

³⁷ Местергази Е.Г. Литература нон-фикшн/non-fiction: экспериментальная энциклопедия. Русская версия. М.: Совпадение. 2007. С.15.

³⁸ Сону Саини. «Чернобыльская молитва: хроника будущего» С. Алексеевич. Проблема жанра // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013.№ 2 (10). С.17.

представить общую картину изучения советской документалистики в китайских академических кругах; вторая – определить, в каком состоянии находятся переводы конкретных произведений и посвященные им исследования китайских ученых.

В 1960-е годы в связи с ухудшением отношений между нашими странами, а также вмешательством ультралевых идейных течений, исследования советско-русской литературы в Китае начали приходить в упадок и находились в состоянии застоя во время Культурной революции. В конце 1970-х годов, после состоявшегося в 1978 году Третьего пленума ЦК КПК 11-го созыва, в связи с переходом к политике реформ и открытости, исследования возобновились. В 1980-е годы китайские ученые-русисты стали уделять пристальное внимание развитию советско-русской литературы, в том числе и художественно-документальной литературы в Советском Союзе.

В 1981 году ученые Ли Юйчжэнь³⁹ и Чэнь Шусянь⁴⁰ опубликовали в китайском журнале «Советская литература» статью, которая является первым исследованием современной советской документальной литературы как литературного феномена в целом. Ученые представили читателю обзор развития документальной литературы в 1950–1970-е годы и анализ нескольких репрезентативных произведений. Они также обсудили различные взгляды советских критиков на проблему соотношения правдивости и художественности в документальной литературе. Ли Юйчжэнь и Чэнь Шусянь полагают, что «документальная литература не может сохранять непрерывную художественную силу, опираясь только на факты. Она должна создаваться в соответствии с законами искусства, чтобы произвести более сильный и направленный художественный эффект <...> верность фактам при достижении художественного обобщения должна быть главным направлением развития документальной литературы»⁴¹.

³⁹ Ли Юйчжэнь (1937-), профессор Пекинского университета.

⁴⁰ Чэнь Шусянь, профессор Нанкайского университета. В 1954 году окончил Харбинский университет иностранных языков.

⁴¹ Ли Юйчжэнь, Чэнь Шусянь. Современная советская документальная литература // Советская литература. – 1981. – № 2. – С. 136. 李毓榛, 陈淑贤. 苏联当代纪实文学. 苏联文学. 1981年. 第02期. 第136页

В статье «Современная советская литература: состояние и тенденция» (1985) Чжан Цзе⁴² рассматривает «поразительный», по его мнению, феномен документальной литературы. Анализируя развитие советской документалистики с 1950-х по 1980-е годы, критик указывает изменения в её содержании и творческих приемах. Содержание документальной литературы преодолевает ограничение рамками военной тематики и начинает отражать самые разные аспекты жизни и деятельности, такие как промышленное строительство, геологоразведка, космонавтика, научные исследования и поиски. Типы главных героев также становятся более разнообразными: ученые, герои труда, писатели, художники, певцы и исторические личности и др. Разнообразие приемов творчества проявляется в трех аспектах: тщательный отбор и монтаж фактов и материалов для формирования связного рассказа; включение различных рассуждений и объяснений в ход повествовательного процесса; усиление внимания к созданию образов персонажей и к изображению их психологии. Чжан Цзе считает, что разнообразие способов творчества в определенной степени изменило ситуацию «сходства» в документальной литературе⁴³.

Исследователь Ли Сусюань отмечает появление в советской документальной литературе нового жанра – запись устного свидетельства (дословный перевод 口述实录, соответствующее понятие в русском языке – документ-книга), акцентируя внимание на уникальных творческих приемах двух произведений: «Блокадная книга» и «У войны не женское лицо» – и их значимость в развитии документальной литературы. Ученый отмечает, что с позиций сравнительного литературоведения возникновение такого формата, как «документ-книга», следует считать мировым литературным феноменом, который появился и в литературе США, Китая, Японии, Европы и других

⁴² Чжан Цзе, переводчик и профессор. В 1957 году окончил Харбинский университет иностранных языков, работал в Пекинском педагогическом университете и Институте иностранной литературы Академии общественных наук

⁴³ Чжан Цзе. Современная советская литература: состояние и тенденция // Советская литература. – 1985. – № 2. – С. 139–140. 张捷. 苏联文学：现状和倾向. 苏联文学. 1985年. 第02期. 第139-140页

стран⁴⁴.

Литературовед Чэнь Цзинюнь⁴⁵ дает конкретную характеристику бурно развивающейся со второй половины 1960-х по 1980-е годы документальной литературы о войне. По вопросу о соотношении факта и вымысла в документалистике, ученый полагает, что между ними нет противоречия: документальной литературе присущи как фактологические качества, так и элементы вымысла. Чэнь Цзинюнь отмечает, что даже для такого нового жанра, как «документ-книга», который требует строгого соблюдения исторических фактов, художественный вымысел по-прежнему находит выражение в отборе и монтаже документов и устных записей, в комментариях и пояснениях авторов⁴⁶.

В 1990 году Чжан Цзе в статье «О советском литературном творчестве последних лет» обращает внимание на проблему объективности (или подлинности) документальной литературы. Он отмечает, что в период бурного развития документальной литературы не каждое произведение было основано на документах, в некоторых из них существуют несоответствия фактов. Критик указывает, что «авторы некоторых документальных произведений проявляют «субъективность восприятия» в отборе, расположении материалов и в его объяснении, что иногда наносит ущерб объективности повествования»⁴⁷. В качестве примеров ученый приводит «Зубр» Д. Гранина и «Черные камни» А.Жигулина.

Янь Юнсин⁴⁸ и Ли Юйчжэнь в своих монографиях «Слава и утрата – столетие русской литературы» (2005) и «Антифашистская война и советская литература» (2015) в рамках исследования военной литературы представляют феномен советской документальной литературы 1970–1980-х гг., писателей-

⁴⁴ Ли Сусюань. Новый бутон в советской документальной литературе: о литературе записи устного свидетельства // Литературное обозрение. – 1986. – № 3. – С. 100–104+57. 李素绚. 苏联纪实文学中的一枝新蕾——评介口述实录体小说. 文艺评论. 1986年. 第03期. 第100-104+57页

⁴⁵ Чэнь Цзинюнь, профессор Нанкинского университета.

⁴⁶ Чэнь Цзинюнь. Советская документальная литература о войне // Современная зарубежная литература. – 1987. – № 2. – С. 171–176. 陈敬咏. 苏联战争题材的纪实文学. 当代外国文学. 1987年. 第02期. 第171-176页

⁴⁷ Чжан Цзе. О советском литературном творчестве последних лет // Мировая литература. – 1990. – № 6. – С. 283. 张捷. 近年来的苏联文学创作. 世界文学. 1990年. 第06期. 第283页

⁴⁸ Янь Юнсин (1940–2023) — редактор Института иностранных языков Китайской академии социальных наук.

документалистов и их книги. Профессор Ли Юйчжэнь в разделе «Военная проза в документальном стиле» своей монографии знакомит читателей с кратким содержанием и художественными особенностями трех произведений: «Я из огненной деревни» А. Адамовича, «Клавдия Вилор» Д. Гранина и «Разные дни войны» К. Симонова⁴⁹.

Помимо вышеупомянутых результатов изучения советской художественно-документальной литературы 1970–1980-х годов в целом, китайские ученые также своевременно сделали переводы наиболее значимых произведений и провели соответствующие исследования. Среди них такие книги, как «Эта странная жизнь», «Клавдия Вилор», «Блокадная книга», «Зубр», «Черные камни», «Колымские рассказы», «Хатынская повесть», «Разные дни войны», «Я из огненной деревни», «Крутой маршрут» и др. Конкретная информация о публикации переводов приведена в таблице 1.

Таблица 1.

Статистика переводов советских художественно-документальных произведений 1970-1980-х гг.

Год публикации перевода	Произведение	Автор	Переводчик	Издательство/ журнал
1978	Эта странная жизнь (перевод отрывки)	Д. Гранин	Хоу Хуаньхун, Тан Цицы 侯焕閔 唐其慈	Институт советской литературы Пекинского педагогического университета в качестве «внутренних материалов»
1979	Эта странная	Д. Гранин	Хоу	Издательство

⁴⁹ Ли Юйчжэнь. Антифашистская война и советская литература. Пекин: Издательство Пекинского университета. 2015. С.191-208. 李毓榛. 反法西斯战争和苏联文学. 北京: 北京大学出版社. 2015年. 第191-208页

	жизнь		Хуаньхун, Тан Цицы 侯焕閔 唐其慈	зарубежной литературы 外国文学出版社
1981	Эта странная жизнь	Д. Гранин	Хоу Хуаньхун, Тан Цицы 侯焕閔 唐其慈	Издательство зарубежной литературы 外国文学出版社
1981	Клавдия Вилор	Д. Гранин	Юй Цисян, Ван Син 俞启骧、王 醒	Журнал «Советская литература» 杂志《苏联文学》
1981	Клавдия Вилор	Д. Гранин	Хань Шицзы 韩世滋	Хэбэйское народное издательство 河北人民出版社
1983	Эта странная жизнь	Д. Гранин	Хоу Хуаньхун, Тан Цицы 侯焕閔、唐 其慈	Издательство зарубежной литературы 外国文学出版社
1985	Блокадная книга (перевод отрывки)	А. Адамович, Д. Гранин	Чжан Сяоцзюнь 张小军	Журнал «Мирная литература» 《世界文学》
1987	Зубр (краткое содержание романа)	Д. Гранин	Лань Иньнянь 蓝英年	Журнал «Советская литература» 《苏联文学》
1989	Черные камни (перевод отрывка)	А. Жигулин	Чжан Цзинмин 张敬铭	Журнал «Советская литература»

				《苏联文学》
1995	Блокадная книга	А. Адамович, Д. Гранин	Сы Ци, Хао Вэй 思齐、郝苇	Издательство Куньлунь 昆仑出版社
2001	Эта странная жизнь	Д. Гранин	Хоу Хуаньхун, Тан Цицы 侯焕闳、唐其慈	Издательство Хайянь 海燕出版社
2001	Колымские рассказы (перевод отрывки)	В. Шаламов	Лю Цзисин, У Цзяю 刘季星、吴嘉佑	Журнал «Мировая литература» 《世界文学》
2012	Эта странная жизнь	Д. Гранин	Хоу Хуаньхун, Тан Цицы 侯焕闳、唐其慈	Пекинское объединенное издательство 北京联合出版社 北京联合出版社
2016	Эта странная жизнь	Д. Гранин	Хоу Хуаньхун, Тан Цицы 侯焕闳、唐其慈	Пекинское объединенное издательство 北京联合出版社
2016	Колымские рассказы	В. Шаламов	Хуан Чжюю, Тан Боннэ 黄柱宇、唐博纳	Издательство Гуанси Педагогического университета 广西师范大学
Не переведено	Хатынская повесть	А. Адамович		
Не	Разные дни войны	К. Симонов		

переведено				
Не переведено	Я из огненной деревни	А. Адамович, В. Колесник, Я. Брыль		
Не переведено	Крутой маршрут	Е. Гинзбург		

В ходе дальнейшего исследования мы будем систематизировать работы по переводу и изучению этих произведений в соответствии с тем, в каком порядке они были осуществлены в Китае. Произведения, которые не были переведены, будут перечислены по времени публикации в Советском Союзе.

«Эта странная жизнь» Д. Гранина

В 1974 году вышла книга Д. Гранина «Эта странная жизнь» — документальная биографическая повесть об А. А. Любищеве. В одном из интервью писатель сказал, что эта книга отличается от всех его предыдущих произведений, и выразил пожелание, чтобы книгу прочитали как можно больше людей. Можно сказать, что слова Д. Гранина сбылись: произведение «Эта странная жизнь» вызвало бурный отклик среди китайских читателей.

Отрывки из «Этой странной жизни» впервые были переведены Хоу Хуаньхуном и Тан Цицы в 1978 году и опубликованы Институтом советской литературы Пекинского педагогического университета в качестве «внутренних материалов». Год спустя двое переводчиков выполнили перевод всей книги, которая была выпущена издательством зарубежной литературы тиражом 150 000 экземпляров. В конце перевода прилагается беседа с Д. Граниным, опубликованная в журнале «Вопросы литературы» (№ 1 за 1975 год). Успешная публикация «Этой странной жизни» во многом была обусловлена настоящей рекомендацией ученого Лю Нина, профессора Пекинского

педагогического университета и главного редактора журнала «Советская литература» (позже переименованного в «Русская литература и искусство»). С 1973 по 1979 год кабинет по изучению советской литературы, возглавляемый Лю Нином, в форме литературно-критических материалов составил 16 номеров внутреннего издания «Материалы советской литературы» для знакомства китайских читателей с множеством выдающихся современных произведений Советского Союза. Это было очень важно для Китая того времени, находящегося в состоянии культурной изоляции. Кроме того, профессор Лю Нин является специалистом в сфере исследования литературной деятельности Д. Гранина.

Следует отметить, что «Эта странная жизнь» стала первым советским произведением, опубликованным в Китае с 1960–1970-х годов⁵⁰. Книга была переведена на основе «Выбора цели», опубликованного издательством «Советский писатель» в 1975 году, и сразу после публикации получила широкое распространение среди китайской молодежи и интеллигенции. В 1980 году Центральный комитет комсомола включил «Эту странную жизнь» в список 30-ти книг, рекомендованных для молодежи на летние каникулы: среди них 28 произведений китайских писателей и только 2 – зарубежных, причем оба – советские (помимо книги Д. Гранина, в список вошли «Избранные рассказы Горького»).

Для удовлетворения потребности читателей издательство зарубежной литературы переиздавало «Эту странную жизнь» в 1981 и 1983 годах – общий тираж этих трех изданий составил 188 750. В то время эта книга, несомненно, была бестселлером, популярность её не уменьшилась и в XXI веке: издательство Хайянь (г. Чжэнчжоу) и Пекинское объединенное издательство переиздали книгу в 2001, 2012 и 2016 годах.

Переиздание книги «Эта странная жизнь» обусловлено практическими причинами. Культурная революция разрушила все стороны общественной

⁵⁰ Д. Гранин. Эта странная жизнь. Пекин: Пекинское объединенное издательство. 2013. С.2. 格拉宁. 奇特的一生. 北京: 北京联合出版公司. 2013年. 第2页

жизни Китая. После ее окончания все отрасли нуждались в развитии, в особенности наука и техника. Дэн Сяопин в своей речи в мае 1977 года заострил внимание на вопросе о том, что наша наука, техника и образование отстали на 20 лет по сравнению с развитыми странами, и подчеркнул важность мобилизации человеческих ресурсов для развития науки. Далее 18 марта 1978 года Дэн Сяопин выступил с важной речью на Национальной научной конференции. Он отметил, что наука и техника являются «производительными силами», и поставил важную задачу для науки и образования – как можно скорее создать группы ученых и технических специалистов мирового уровня.

Именно на этом фоне в поле зрения китайских учёных попала книга «Эта странная жизнь» – повествование о биологе А. А. Любищеве и о его философии управления временем. Причина, по которой это произведение стало сенсационным и популярным в Китае в конце 1970–начале 1980 годов, прежде всего заключалась в том, что оно соответствовало духу времени Китая. Книга затронула чувства китайского народа, который испытывал боль от потери десяти лет жизни из-за Культурной революции, а также вызвала стремление учиться у А. А. Любищева и следовать его примеру. Сбережению времени в тот период придавалось «большое политическое значение».

Говоря о причине, по которой Центральный комитет комсомола рекомендовал молодежи «Эту странную жизнь», ученый Ян Дайцинъ, указывает, что её функция заключается не в том, чтобы убедить всех планировать и учитывать каждую минуту как А. А. Любищев, «а в том, чтобы научиться у главного героя проявлять дух безоговорочной преданности науке, максимально эффективно использовать ограниченные жизненные ресурсы, чтобы и в жизни, и карьере всегда сохранять позитивный настрой революционного оптимиста, никогда не лениться и не жаловаться на нехватку времени»⁵¹.

Популярность этого произведения в XXI веке также связана с нынешней социальной обстановкой. Вступая в информационный век, люди чувствуют, что

⁵¹ Ян Дайцинъ. О документальном творчестве Д. Гранина // Изучение зарубежной литературы. – 1987. – № 1. – С. 56. 杨岱勤. 格拉宁的纪实体小说. 外国文学研究. 1987年. 第1期. 第57页

время течет все быстрее и быстрее, а тревога и беспокойство усиливаются. Эффективное управление временем и использование его для достижения своих целей, для поиска себя как независимой личности – стало потребностью современных читателей, а метод управления временем Любищева – лучшим откровением. Издательства чутко уловили потребности читателей и рыночный потенциал этой книги и переиздали её.

Популярность «Этой странной жизни» среди читателей составляет контраст с недостаточным интересом ученых к ней. Хотя это произведение упоминается во многих статьях, более глубоких исследований по нему не проводилось. На этом фоне исследования русистов Лю Нина и Ян Дайциня заслуживают нашего внимания.

В 1981 году в монографии «О современных советских писателях» в разделе «Гранин и его творчество», написанном ученым Лю Нином, более подробно представлены жизнь, творческий опыт и важные произведения Д. Гранина, включая описание и оценку его художественно-документальных произведений. Лю Нин отмечает, что «Эта странная жизнь» привлекает внимание не только новым материалом и новой концепцией произведения, но и тем, что в этом произведении Д. Гранин ставит перед читателями «актуальный вопрос всеобщего значения: как относиться к времени и использовать его, чтобы жить лучше и осмысленнее»⁵².

Критик также указывает, что это произведение уникально по своему художественному замыслу, способам создания персонажей и выразительным приемам. Лю Нин считает, что в отличие от советских производственных произведений, посвященных прославлению «современных героев» в эпоху научно-технической революции, Д. Гранин в «Этой странной жизни» просто и трогательно описывает «нетипичного человека», который кажется довольно странным в современном ему советском обществе⁵³. Анализируя своеобразие

⁵² У Юаньмай, Чжан Цзе. О современных советских писателях. Пекин: Издательство по изучению и преподаванию иностранных языков. 1981. С.102. 吴元迈, 张捷. 论苏联当代作家. 北京: 外语教学与研究出版社. 1981年. 第102页

⁵³ Там же. С.105

художественной структуры «Это странной жизни» на фоне обычной биографической литературы, Лю Нин указывает, что оно написано в жанре документальной прозы, с использованием перемежающихся повествования и рассуждения. Сюжет не вымышлен, как в большинстве биографических повестей в погоне за захватывающим повествованием, не стеснен хронологическим порядком и связностью поступков, как в обычных биографиях. Вместо этого Д. Гранин фокусируется на технике тайм-менеджмента главного героя и на его нравственном отношении к времени, что позволяет ему структурировать материал и способствует яркости изображения жизни и характера биолога⁵⁴.

Исследователь Ян Дайцин в статье «Документальные произведения Гранина» (1987) представил три художественно-документальных произведения Д. Гранина: «Эта странная жизнь», «Клавдия Вилор» и «Блокадная книга» (в соавторстве с А. Адамовичем). Как и Лю Нин, Ян Дайцин также высоко оценивает новизну и художественные особенности произведения «Эта странная жизнь». Используя сочетание повествования с рассуждением, Д. Гранин придает новый смысл тривиальной теме «сбережения времени» и «сжато и лаконично раскрывает необычность жизни и духовное богатство Любищева в многослойной манере»⁵⁵. Ян Дайцин отмечает, что Д. Гранин иногда помещает главного героя, читателя и автора на противостоящие позиции, достигая единства между ними с помощью повествования, самопроверки и риторических вопросов. Ученый также отмечает, что названия первой и последней глав производят сильный драматический эффект. Последняя глава «С грустью и признаниями» на самом деле является средством проверки значения и воздействия произведения⁵⁶.

«Клавдия Вилор» Д. Гранина

В 1976 году Д. Гранин опубликовал документальную прозу «Клавдия

⁵⁴ Там же. С.105-106

⁵⁵ Ян Дайцин. О документальном творчестве Д. Гранина // Изучение зарубежной литературы. – 1987. – № 1. – С. 56. 杨岱勤. 格拉宁的纪实体小说. 外国文学研究. 1987年. 第1期. 第56页

⁵⁶ Там же. С.57

Вилор» на тему Великой Отечественной войны, за которую был удостоен Государственной премии СССР 1978 года в области литературы, искусства и архитектуры.

Китайский перевод этой книги появился в 1981 году. В мае того же года полный текст «Клавдии Вилор» в переводе Юй Цисяна и Ван Сина был опубликован в журнале «Советская литература». В то время название этого произведения переводилось как «Женщина-политкомиссар». Через пять месяцев Хэбэйское народное издательство выпустило «Избранные современные советские повести», в которые включена «Клавдия Вилор» в переводе Хань Шицзы.

Текст перевода Юй Цисяна и Ван Сина редактор журнала «Советская литература» предварил кратким очерком творчества Д. Гранина, в котором указал, что «Клавдия Вилор» занимает важное место в творчестве писателя, а также в современной советской военной литературе. Далее он знакомит китайских читателей с тем, что послужило поводом для создания этого произведения. По словам Д. Гранина, именно встреча с Клавдией Вилор вызвала у него сильное желание написать о коммунистах и о том, что означает совесть коммунистической партии на войне⁵⁷. Редактор также цитирует слова писателя, чтобы познакомить читателей со стилистическими особенностями и идеологическим содержанием произведения.

В этой книге Д. Гранин стремится к максимальной строгости, простоте и объективности, избегая художественных преувеличений в изложении судьбы Клавдии Вилор. Через ее жизни писатель позволяет нам увидеть судьбы тысяч людей, которые тоже попали в плен, но все же сохранили человеческое достоинство в той бесчеловечной и трагической ситуации, и восхититься их героизмом. Однако редактор отмечает, что «есть и провалы в изображении персонажей, например, сравнение героини со святой <...> накладывает на ее образ в некоторых главах слой религиозного мистицизма»⁵⁸. Такая точка зрения

⁵⁷ Д. Гранин. (переводчики Юй Цисян и Ван Син). Клавдия Вилор // Советская литература. – 1981. – № 2. – С. 31. 格拉宁. 俞启骧, 王醒 翻译. 女政委. 1981年. 第2期. 第31页

⁵⁸ Там же.

редактора может быть связана с традицией веры китайцев в марксизм, с одной стороны, и социальной атмосферой того времени – с другой. После Культурной революции путь реформ в Китае был основан на идее о том, что «наука меняет судьбу». «Религиозный мистицизм», естественно, был несовместим с этим тезисом.

Рассуждение о «религиозном мистицизме» можно найти и в книге «О современных советских писателях» (в разделе «Гранин и его творчество»), написанной Лю Нином. Литературовед пишет о том, что в книге «Клавдия Вилор» Д. Гранин «остро ставит вопрос о духовной связи поколений» и осуждает «нигилистическое отношение, отрицающее революционную традицию и самоотверженность старшего поколения революционеров <...>; качества и характер Вилор были именно тем, чего не хватало молодому поколению, выросшему после войны»⁵⁹. По мнению Лю Нина, Д. Гранин ожидает, что «люди будут черпать в образе его героини духовную силу и нравственные идеалы, чтобы исправить пороки современного ему советского общества, такие как тяга к материальным ценностям, духовная пустота и моральное вырождение»⁶⁰.

Отмечая мотивацию Д. Гранина при создании «Клавдии Вилор», исследователь Ян Дайцинь не только упомянул о встрече писателя с Клавдией, но и указал, что судьба героини во многом перекликается с собственным фронтовым опытом Д. Гранина, и это сходство жизненного опыта вдохновило писателя на создание произведения. Ян Дайцинь указывает на то, что в «Клавдии Вилор», в отличие от «Этой странной жизни», автор в основном говорит фактами и редко выступает с рассуждениями, поскольку эти факты сами по себе чрезвычайно весомы. Кроме того, ученый полагает, что «использование трогательных лирических отступлений для подчеркивания эмоциональных красок» является одной из наиболее характерных

⁵⁹ У Юаньмай, Чжан Цзе. О современных советских писателях. Пекин: Издательство по изучению и преподаванию иностранных языков. 1981. С.108. 吴元迈, 张捷. 论苏联当代作家. 北京: 外语教学与研究出版社. 1981年. 第108页

⁶⁰ Там же. С. 109

художественных особенностей этого документального произведения. Сравнивая «Клавдию Вилор» с рассказом М. Шолохова «Судьба Человека», Ян Дайцинь считает, что между ними есть много общего в тематическом, идейном и сюжетном аспектах и в использовании трагических красок. Отличия же, по его мнению, проявляются в образах героев: во-первых, главная героиня «Клавдии Вилор» не вымышлена, она не только женщина, но и молодая мать, поэтому её образ обладает особой заразительной силой; во-вторых, судьба Клавды после войны еще больше вызывает читательское волнение.

«Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина

«Блокадная книга» – художественно-документальная проза о блокаде Ленинграда, написанная Д. Граниным в соавторстве с А. Адамовичем. Часть книги была впервые опубликована в 1977 году в журнале «Новый мир». В Ленинграде книга была запрещена к изданию из-за цензуры и вышла только в 1984 году после смены партийного руководства. Д. Гранин назвал это произведение книгой «об интеллигенции и об интеллигентности».

В 1985 году по случаю 40-ой годовщины окончания Второй мировой войны, с целью «обобщения опыта и уроков, поддержания мира во всем мире и улучшения жизни человечества», китайский журнал «Мирная литература» отобрал и перевел ряд произведений о войне, в основном документальную литературу СССР, США, Японии и Германии. Писатели-документалисты наблюдали и изображали Вторую мировую войну со своей точки зрения. Среди советских документальных произведений о войне редактор выбрал «Блокадную книгу» и опубликовал некоторые главы второй части книги в переводе Чжан Сяоцзюня. В 1995 году издательство Куньлунь выпустило книгу в переводе Сы Ци и Хао Вэя. Но эта версия перевода не является полным текстом. В «Словах переводчика» Сы Ци объясняет, что в связи с превышением объема перед сдачей в печать пришлось удалить из второй части раздел «Тяжесть книг», а также сделать небольшие сокращения некоторых фрагментов⁶¹.

⁶¹ А. Адамович, Д. Гранин. (переводчики Сы Ци и Хао Вэй). Блокадная книга. Пекин: Издательство Куньлунь. 1995. С. 659. 阿达莫维奇, 格拉宁. 思齐, 郝苇翻译. 围困纪事 — 列宁格勒大血战. 北京: 昆仑出版社. 1995年. 第 659 页

Писатель Чжу Чуньюй в статье «Послушайте песни соседей: размышления о чтении произведений о Второй мировой войне» (1985) называет «Блокадную книгу» не обычным литературным произведением о войне, а «эпопеей, созданной самой историей жизни». Чжу Чуньюй указывает, что в этом произведении авторское развернутое повествование и необходимый переходный текст, составляя небольшую долю, являются результатом тщательного выбора автора. Особенно включение трех дневников во вторую часть книги – это своего рода новаторства. По мнению Чжу Чуньюя, уникальность такого рода произведения заключается именно в том, что «уникальные материалы и соответствующая им уникальная компоновка неизбежно произведут уникальный эффект, и второго такого никогда не будет. Более того, после публикации теряют смысл повторного обладания этим материалом»⁶². Сравнивая «Блокадную книгу» и «Хорошую войну» («The Good War», Studs Terkel, 1984), Чжу Чуньюй отмечает их общую черту: «Оба писателя объективно используют оригинальные материалы, предоставленные другими, они прячутся за материалами или высказывают несколько слов для усиления объективности, или вдохновляют читателей собственными комментариями к исходному материалу»⁶³.

Размышляя о проблемах в создании китайской военной литературы, Чжу Чуньюй считает, что китайские писатели тоже могут попробовать свои силы в жанре документальной литературы. Как отмечает писатель, усиление достоверности, вполне вероятно, приведёт к достижению нового уровня военной литературы⁶⁴. По отношению к бурному развитию документалистики писатель использует диалектический подход: он признает, что с точки зрения литературного стиля документальные произведения о войне действительно являются чем-то новым, но не согласен с тем, что документальная проза представляет собой тенденцию в развитии литературы. В то же время Чжу

⁶² Чжу Чуньюй. Послушайте песни соседей: размышления о чтении произведений о Второй мировой войне // Мировая литература. – 1985. – № 2. – С. 172. 朱春雨. 听听邻居的歌: 读二次世界大战题材作品之断想. 世界文学. 1985年. 第2期. 第172页

⁶³ Там же. С.174

⁶⁴ Там же. С.172

Чуньюй указывает и на «большой недостаток» этого стиля: он существенно ограничивает писателя в свободном воображении и возможностях ассоциаций. Необходимость использовать при создании произведения исключительно методы сбора, монтажа, синтеза, сравнения и анализа готовых материалов, по его мнению, снижает творческий потенциал писателя. Беспокойство Чжу Чуньюй небезосновательно, и возможно, появляется ряд сходных произведений по тематикам, содержаниям, методам творчества. И это требует внимания писателей.

Ученый Ян Дайцинъ отмечает, что отличия «Блокадной книги» от предыдущих произведений о блокаде Ленинграда состоят именно в специфике источников и методов сбора материалов, в способах их использования, а также в особом отношении писателей к документам. Как и Чжу Чуньюй, Ян Дайцинъ высоко оценивает вторую часть «Блокадной книги» и посвящает большую часть статьи представлению авторов трех дневников и анализу их особенностей. Простота, откровенность, искренность чувств и глубокий самоанализ, выраженные в дневнике старшеклассника Юры Рябинкина, являются нитью, которая проходит через всю книгу и создает её нравственную силу. Вторым источником этой силы и второй связующей нитью становится материнская любовь, отраженная в дневнике молодой матери. В отличие от дневников Юры и Лидии, в дневнике историка Г. А. Князева описаны не его собственные мучительные ощущения голода, а картины трагической жизни Ленинграда. В Князеве мы видим воплощение разума и духовной силы. По мнению ученого, вторая часть «Блокадной книги» обладает уникальной формой и глубоким идейным содержанием, что делает её шедевром советской художественно-документальной литературы о войне последних лет.

Относительно вопроса о том, что документальная литература ограничивает воображение и творческие способности писателей, Ян Дайцинъ выразил разные мнения. Ученый признает, что документальные произведения ограничиваются реальными людьми и событиями, поэтому писатели не могут использовать свободное воображение. Однако многие авторы на основе отбора материала, его

монтажа и синтеза используют такие средства художественной выразительности, как построение сюжета, создание образов, психологические описания и лирические отступления, вливая «свежую кровь» в документальную литературу и создавая прекрасные произведения разных форм и стилей⁶⁵.

В «Словах переводчика» Си Ци выразил свои тяжелые переживания, гнев и сочувствие после прочтения «Блокадной книги» и свое понимание темы произведения, в котором «Правдиво отражена тяжелая борьба ленинградцев за выживание и освобождение от вражеской блокады. В полной мере выражен революционный героизм советских людей, беспредельно преданных своей Родине в исключительно жестоких условиях. Вся книга переполнена бесконечной преданностью советского народа коммунистической идеологии, глубоким чувством ответственности перед Родиной, героическим патриотизмом и неугасающей ненавистью к фашистским захватчикам»⁶⁶.

Роман Д. Гранина «Зубр»

В первом и втором номерах журнала «Новый мир» за 1987 год был опубликован художественно-документальный роман Д. Гранина «Зубр». Это произведение, вызвавшее сенсацию в советском обществе, вскоре привлекло внимание некоторых китайских ученых.

В октябре того же года о романе впервые упоминается в статье «Окно в зарубежные литературные круги», в которой рассказывается о «новой волне разоблачения и критики» в советской литературе. Автор пишет, что в «Зубре» Д. Гранин подвергает критике некоторые ошибки политики прошлого через судьбу известного биолога, вынужденного поселиться в чужой стране⁶⁷. В конце этого года в журнале «Советская литература» были опубликовано краткое содержание романа «Зубр» и интервью репортера «Литературной газеты» с Д. Граниным, переведенные известным переводчиком и профессором Лань

⁶⁵ Ян Дайцин. О документальном творчестве Д. Гранина // Изучение зарубежной литературы. – 1987. – № 1. – С. 59-60. 杨岱勤. 格拉宁的纪实体小说. 外国文学研究. 1987年. 第1期. 第59-60页

⁶⁶ А. Адамович, Д. Гранин. (переводчики Сы Ци и Хао Вэй). Блокадная книга. Пекин: Издательство Куньлунь. 1995. С.658-659. 阿达莫维奇, 格拉宁. 思齐, 郝苇翻译. 围困纪事 — 列宁格勒大血战. 北京: 昆仑出版社. 1995年. 第658-659页

⁶⁷ Ци Е. Окно в зарубежные литературные круги // Обзор зарубежной литературы. – 1987. – № 3. – С. 137. 季耶. 国外文坛之窗. 外国文学评论. 1987年. 第3期. 第137页

Иньнянь. В интервью затрагивается мотивация и цель создания произведения, процесс сбора материалов, препятствия на этапе публикации книги, морального качества и чувство чести таких интеллектуалов, как Зубр и т. д. Однако, к сожалению, до сих пор еще не появился перевод этого произведения на китайский язык – в связи с этим исследований, посвященных ему, тоже очень мало.

Согласно собранной нами информации, до настоящего времени статья Ло Нина «Анализ нового произведения Д. Гранина “Зубр”» (1988) является единственной работой, в которой «Зубр» рассматривается в качестве объекта исследования. Однако эта статья носит скорее ознакомительный характер: литературовед подробно знакомит читателей с жизненным опытом и судьбой главного героя – генетика Н. Тимофеева-Ресовского, но почти не затрагивает художественные достоинства этого произведения. Ло Нин указывает, что Д. Гранин «выполнил миссию судьи в литературной форме» и исправил несправедливость, допущенную по отношению к главному герою. Он также отмечает, что главным качеством этого произведения является «правдивость»: почти сто персонажей в книге имеют настоящие имена. Ученый высоко оценивает «Зубр», отмечая, что в условиях реформ в советском обществе это произведение становится «еще одним свидетельством смелого вмешательства писателя в жизнь, и оно, несомненно, даёт толчок недавно начавшейся “волне критики” и заставляет народ мыслить»⁶⁸.

Чжан Цзе в статье «О советской литературе последних лет» (1990) поднимает вопрос о подлинности и объективности повествования в «Зубре». Критик ставит под сомнение тот факт, что Д. Гранин не написал полную историю жизни главного героя, ограничился повествованием о его научной деятельности, умалчивая о том, что во время войны он остался в Германии и служил фашистам. На самом деле Д. Гранин пояснял, что не собирался писать биографию Тимофеева-Ресовского – его интересует именно процесс изменения

⁶⁸ Ло Нин. Анализ нового произведения Д. Гранина «Зубр» // Советская и русская литература. – 1988–№ 1. – С. 84. 罗宁·达·格拉宁的新作《野牛》浅析. 俄苏文学. 1988年. 第1期. 第84页

мысли и переживания Зубра. Об этом также упомянул в своей монографии (2005) ученый Янь Юнсин, который считает, что именно благодаря такому подходу «Гранину удалось отбросить ненужные сюжеты и выделить тему произведения в процессе переработки и экстракции большого количества “сырья”. Поэтому он не описал жизнь Зубра в трудовом лагере и в Свердловске, а также опустил другие этапы его жизни и научно-исследовательской деятельности в годы советско-германской войны»⁶⁹. По мнению Янь Юнсина, главная идея произведения заключается в том, что Зубр ставит любовь к Родине и гражданскую ответственность выше научных исследований, и истинный смысл книги – призыв к обществу не использовать жесткие догмы для оценки людей. Считаем, что понимание этой книги ученым Янь Юнсином в целом объективно и справедливо.

Кроме того, учёный Чжан Цзуву перевел рецензию Г. Попова на книгу «Зубр», опубликованную в советском журнале «Наука и жизнь» (№ 3 за 1988 год) под названием «Система и Зубры». «Зубры» вынуждены идти на компромисс с «Административной Системой», чтобы обрести инициативу и независимость в своей научной работе. Составной частью такого соглашения «был отказ Зубров от политики» и это, по мнению автора рецензии, является тем важнейшим посланием, которое Зубр оставляет будущему – это «урок недопустимости ухода от политики, недопустимости пассивного ожидания чего-то»⁷⁰. Автор статьи указывает, что «попытка творить на своем участке при отказе от участия в политике, в судьбах страны, в судьбах твоего народа неизбежно ведут к потере именно той возможности нормально жить и работать»; в обстановке гласности и открытости каждый человек имеет возможность «проявить свою гражданскую позицию, принимать активное участие в обсуждении и решении жизненно важных проблем общественного развития, ускорять процессы, идущие в этом направлении»⁷¹. Эта рецензия на роман

⁶⁹ Ян Сяньхуэй. Слава и утрата — столетие русской литературы. Накин: Издательство Илинъ. 2005. С.414. 严
永兴. 辉煌与失落：俄罗斯文学百年. 南京：译林出版社. 2005年. 第414页

⁷⁰ Г. Попов. Система и Зубры // Наука и жизнь. – 1988. – № 3. – С.64.

⁷¹ Там же.

«Зубр» дает китайским ученым и читателям возможность посмотреть на это произведение под другим углом зрения – для новых размышлений и более глубокого его понимания.

Повесть А. Жигулина «Черные камни»

В 1988 году автобиографическая повесть А. Жигулина «Черные камни» была напечатана в журнале «Флаг» (№ 7–8) и вызвала бурную реакцию читателей. В следующем году в китайском журнале «Советская литература» был опубликован перевод отрывка из этой повести, выполненный Чжан Цзинмином. Перевод сопровождается небольшим предисловием «О произведении», в котором переводчик кратко рассказывает об истории его создания.

В настоящее время в китайских академических кругах практически отсутствуют специальные исследования, посвященные повести «Черные камни». Имя писателя и название книги упоминаются лишь в некоторых статьях, таких как «Новый образ Сталина в советских романах и фильмах» (1988), «Советская культура за шесть лет реформ» (1991), «Русская литература за пятнадцать лет до и после распада СССР» (2000) и др.

Ученый Чжан Цзе выразил сомнение в подлинности и объективности содержания «Черных камней». Чжан Цзе отмечает: «Жигулин в одной из бесед утверждает, что все события и персонажи в его книге изображены с “точностью и объективностью”. Однако после публикации книги свидетели и человек, знающий обстоятельства, описанные в книге, писали в газеты и журналы о том, что “Коммунистическая партия молодежи” <...> на самом деле не была антисталинской, более того, сам автор в то время не был таким сильным и благородным, как написано в книге, и для доказательства этого использовали архивные материалы»⁷². Этим примером Чжан Цзе хочет предостеречь читателей от излишней доверчивости при чтении различных документальных произведений.

⁷² Чжан Цзе. О советском литературном творчестве последних лет // Мировая литература. – 1990. – № 6. – С. 283. 张捷. 近年来的苏联文学创作. 世界文学. 1990年. 第06期. 第283页

«Колымские рассказы» В. Шаламова

«Колымские рассказы» – цикл рассказов и очерков Варлама Шаламова, написанный на основе его личного опыта заключения в трудовом лагере в 1937–1953 годах. В. Шаламов родился в одну эпоху с А.И. Солженицыным, хотя он и не так популярен, как последний, но его «Колымские рассказы» также известны во всем мире серьезностью темы и высокой нравственностью писателя. Обладая огромной художественной и моральной силой, «Колымские рассказы» представляют читателям странный и страшный, но реальный мир, раскрывают свойства человеческой природы, проявляющиеся в экстремальных условиях. В 1978 году «Колымские рассказы» были изданы в Лондоне на русском языке, два года спустя вышли книги на французском и английском языках соответственно в Париже и Нью-Йорке. К сожалению, В. Шаламов умер в 1982 году, так и не дождавшись публикации своей книги на родине. Лишь в 1988 году первые публикации «Колымских рассказов» стали появляться в советских журналах, а их первое отдельное издание вышло в 1989 году – через 7 лет после смерти писателя.

Первая встреча китайской аудитории с «Колымскими рассказами» состоялась в 2001 году. В журнале «Мировая литература» были опубликованы некоторые из «Колымских рассказов» в переводе Лю Цзисина⁷³ и У Цзяю⁷⁴: «Плотники», «Апостол Павел», «Заклинатель змей», «Сгущенное молоко», «Стланик», «Марсель Пруст», «Тропа». Эти произведения были переведены из книги «Несколько моих жизней», выпущенной издательством «Республика» в 1996 году. В 2016 году издательство Гуанси Педагогического университета опубликовало книгу «Колымские рассказы» в переводе Хуан Чжюю и Тан Боннэ, в которую были включены четыре сборника: «Рассказы 30-х годов», «Колымские рассказы», «Левый берег» и «Артист лопаты». Появление китайского перевода имеет большое значение для изучения и восприятия В. Шаламова и его произведений в Китае.

⁷³ Лю Цзисин (ноябрь 1928–31 мая 2018) — редактор журнала «Преподавание русского языка» в Пекине, заведующий канцелярией факультета иностранных языков Уханьского университета.

⁷⁴ У Цзяю — профессор Аньхойского университета Хуаншань.

В 2006 году У Цзяю опубликовал статью «“Самое поэтическое дерево” в России – интерпретация рассказа «Стланик» Шаламова», которая на данный момент является единственной статьей, посвященной изучению творчества В. Шаламова. Исследователь полагает, что В. Шаламов обнаружил сходство между стлаником и своим собственным жизненным путем и использовал стланик как символ для «изображения самого себя». По мнению У Цзяю, «Стланик» – «это начало литературного пути Шаламова и изображение его непростой жизни. Стланик является опорой его жизни и надеждой <...> Через стланик В. Шаламов не только выражает свою веру в жизнь и красоту, но и, что более важно, выражает свое понимание страданий и смысла жизни»⁷⁵. Ученый высоко оценивает языковые особенности произведений В. Шаламова и указывает, что его стиль близок к чеховскому и превосходит его, достигая поразительной простоты, и повествование отличается отрывочностью и образностью, а также простотой и краткостью синтаксических конструкций. “Стланик” воплощает в себе все эти художественные особенности и является одним из лучших произведений Шаламова⁷⁶.

В 2012 году, обсуждая творчество В. Сорокина, литературовед Чжао Ян упомянул Шаламова, оказавшего «прямое влияние» на писателя. Чжао Ян отмечает, что в отличие от А.И. Солженицына «Шаламов в своих книгах не затрагивал непосредственно общественно-политический уровень, а сосредоточил свое описание на раскопках человеческой природы <...> Рассказы полны спокойных повествований без комментариев и страстей, и единственное, что в нем блестит, – это “художественность”»⁷⁷.

В 2016 году переводчик У Цзяю опубликовал статью «Шаламов – еще один пионер лагерной литературы», в которой подробно и всесторонне представил личность В. Шаламова и его творчество китайским читателям. У Цзяю

⁷⁵ У Цзяю. “Самое поэтическое дерево” в России: интерпретация «Стланик» Шаламова // Художественный анализ известных произведений. – 2006. – № 7. – С. 31. 吴嘉佑. 俄罗斯“最富诗意的树”——解读沙拉莫夫的《偃松》. 名作欣赏. 2006年. 第7期. 第31页

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Чжао Ян. Конструирование национальной культуры в русской постмодернистской литературе // Современная зарубежная литература. – 2012. – № 1. – С. 145. 赵杨. 俄罗斯后现代主义文学中的民族文化建构. 当代外国文学. 2012年. 第1期. 第145页

указывает на две особенности «Колымских рассказов»: серьезность темы и высокое нравственное чувство писателя. Серьезность темы выражается в глубоких размышлениях писателя о страданиях и смерти, которые показывают, что он «рассматривает реальность лагеря на стыке истории, будущего и вселенной». В. Шаламов все время сохраняет объективную и спокойную позицию в повествовании и никогда не навязывает свой взгляд главному герою и читателям. Высокое нравственное чувство означает попытку В. Шаламова через «Колымские рассказы» поднять и решить важнейшие нравственные вопросы времени. Как микрокосм реального мира зла, лагерь уничтожает не только тело человека, но и его разум и мораль. После морального и физического порабощения в лагерях человек может полностью потерять свои социальные атрибуты и моральные ценности и становится злым и подлым⁷⁸.

Ученый полагает, что В. Шаламов «не обвиняет во всем лично Сталина, и, проводя различие между палачами и жертвами, морально не защищает последних»⁷⁹. В конце статьи У Цзяю знакомит нас с изданием произведений Шаламова и результатами исследований творческого пути и эстетических идеалов писателя в России. Кроме того, он отмечает, что внимание к личности В. Шаламова и интерес к изучению его произведений во всем мире демонстрирует тенденцию к росту. Литературные критики и ученые Европы, США и Японии добились значительных успехов в исследовании творчества В. Шаламова. Можно сказать, что статья У Цзяю дала возможность китайским читателям и литературоведам лучше узнать личность самого писателя и его «Колымские рассказы». Полагаем, что в будущем все больше китайских ученых, осознавая ценность и значимость произведений В. Шаламова, присоединятся к ряду исследователей его творчества во всем мире и обогатят их опыт своими достижениями.

(Нижеследующие произведения не переведены на китайский язык на

⁷⁸ У Цзяю. Шаламов – еще один пионер лагерной литературы. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.sinoss.net/uploadfile/2010/1130/2485.pdf>

⁷⁹ Там же.

настоящий момент.)

«Хатынская повесть» А. Адамовича

«Хатынская повесть» была написана А. Адамовичем в 1971 году и опубликована в журнале «Дружба народов» № 9 за 1972 год. В настоящее время эта художественно-документальная повесть еще не переведена на китайский язык, поэтому она находится вне поля зрения научных исследований в Китае. Название повести упоминается лишь в качестве примера в работах, посвященных советской антифашистской литературе, литературе о войне и советской документальной литературе.

«Разные дни войны» К. Симонова

Имя писателя Константина Симонова не чуждо китайской аудитории: его повесть «Дни и ночи» и лирическая поэма «Жди меня» популярны среди китайских читателей. Однако двухтомный дневник «Разные дни войны» К. Симонова так и не был переведен на китайский язык, и ученые почти не проводили исследований по этому произведению.

Лишь в 2020 году вышла монография профессора Пекинского университета Ли Юйчжэна «Биография Симонова». В книге рассказывается о легендарном жизненном и творческом пути К. Симонова, интерпретируется идейно-художественное своеобразие творчества писателя, основой которого являются идеи патриотизма и героизма, воплощенные в его военной прозе. Один из разделов монографии Ли Юйчжэна посвящен анализу произведения «Разные дни войны». Высоко оценивая литературную ценность книги, литературовед отмечает, что достоверность изложения фактов сочетается в ней с описанием окружающей обстановки, созданием образов, индивидуализацией поведения и речи персонажа, которые не уступают любому художественному произведению⁸⁰.

«Я из огненной деревни» А. Адамовича, В. Колесника и Я. Брыля

Хотя до сих пор документальный сборник «Я из огненной деревни» еще не

⁸⁰ Ли Юйчжэнь. Антифашистская война и советская литература. Пекин: Издательство Пекинского университета. 2015. С.191. 李毓榛. 反法西斯战争和苏联文学. 北京: 北京大学出版社. 2015年. 第191页

переведен в Китае, китайские ученые хорошо понимают его статус и значение в советской документальной и военной литературе. Упоминания об этом можно встретить во многих научных статьях. Так, ученый-литературовед Чэнь Цзиньюн пишет: «Появление литературы, основанной на записи устных свидетельств людей о войне, в Советском Союзе следует отнести за счет пропаганды и продвижения таких писателей, как Адамович и Гранин»⁸¹. Обобщая размышления о художественных принципах создания советской художественно-документальной прозы 1970–1980 годов, Чэнь Цзиньюн указывает, что «эти принципы и характеристики наиболее полно отражены в самой ранней книге «Я из огненной деревни», и называет это произведение “одновременно книгой, описывающей страдания народа, и гимном, восхваляющим духовную силу народа в борьбе с агрессией”»⁸².

Рассуждая о феномене документалистики в советской литературе, Чжан Цзе отмечает, что с середины 1970-х годов появляются произведения, так называемые «документы-книги» – наиболее яркими из них являются «Я из огненной деревни», «Блокадная книга» (первая часть), «У войны не женское лицо»⁸³. Следует отметить, что после присуждения С.А. Алексиевич Нобелевской премии по литературе 2015 года и по мере углубления исследований, китайские ученые, такие как Чжан Дун, У Сяоду, Чжан Чангэ, Чэнь Вэйцин и др., отмечают существенное влияние на ее творчество книги А. Адамовича «Я из огненной деревни».

Анализируя возникновение и развитие «сверхлитературы» – как художественно-документального жанра, профессор Второго пекинского института иностранных языков Чжан Чангэ отмечает вклад и достижения А. Адамовича. Ученый указывает, что А. Адамович «преодолеывает ограничения традиционной документальной литературы. Вводя метод устной истории в форме магнитофонных записей, писатель записывает устные свидетельства

⁸¹ Чэнь Цзиньюн. Советская документальная литература о войне // Современная зарубежная литература – 1987. – № 2. – С. 175. 陈敬咏. 苏联战争题材的纪实文学. 当代外国文学. 1987年. 第02期. 第175页

⁸² Там же.

⁸³ Чжан Цзе. Факт и вымысел в современной советской документальной литературе // Литературное обозрение. – 1988. – № 2. – С. 116. 张捷. 当代苏联小说中的纪实与虚拟. 文艺评论. 1988年. 第2期. 第116页

очевидцев трагической истории. Используя исповеди от первого лица и другие повествовательные стратегии, А. Адамович фокусирует внимание на трагических переживаниях человека в контексте исторических событий и придает правде большую ударную силу»⁸⁴. Далее она отмечает, что «Я из огненной деревни» имеет непосредственное отношение к формированию «сверхлитературы» и понимание Адамовичем о «документе» является авторским определением сути психологической и социальной документа, что расширяет коннотацию и границы документа⁸⁵. Сравнивая произведения «Я из огненной деревни» и «У войны не женское лицо», Чэнь Вэйцин отмечает такие недостатки в произведении «Я из огненной деревни», как доминирование авторского «голоса» в повествовании, повторение повествовательных схем и недостаточно отработанное расположение глав⁸⁶.

«Крутой маршрут» Е. Гинзбург

«Крутой маршрут» – это воспоминания Евгении Гинзбург о периоде массовых политических репрессий в СССР. Впервые в Советском Союзе книга была опубликована в журнале «Даугава» в 1988 году и через год была издана в виде отдельного двухтомника в Риге.

В настоящее время книга Е. Гинзбург, как и её творчество в целом, не представлена читателям в Китае, соответственно, не исследована китайскими литературоведами. По имеющимся данным, название произведения упоминается в нескольких статьях, таких как «О советской “возвращенной литературе”» (1997) Чжан Цзе, «Критика, возвращение, необыкновенность, современность и экзотизм: другая сторона русской литературы 1950–1990-х годов» (1997) Чжан Бина, «“Женская память” и “литературное вдовство” в русской литературе: на примере “Мемуары супруги Мандельштама”» (2013) Лю Вэньфэй, «Новая дискуссия о литературе “оттепели”» (2020) Лю Вэньфэй, и

⁸⁴ Чжан Чангэ. «Суперлитература» как документальный литературный жанр // Вестник Чжунчжоуского университета. – 2022. – № 5. – С. 10-16. 张变革. 作为文献纪实文学体裁的“超文学”. 中州大学学报. 2022年. 第5期. 第10-16页

⁸⁵ Там же. С. 12

⁸⁶ Чэнь Вэйцин. «У войны не женское лицо»: новый нарратив Алексеич о войне // Вестник Гуандунского университета иностранных языков. – 2022. – № 3. – С. 108-117. 陈蔚青. 《我是女兵, 也是女人》:阿列克谢耶维奇的新型战争叙事. 广东外语外贸大学学报. 2022年. 第3期. 第108-117页

некоторых других. К сожалению, роман «Крутой маршрут», вызвавший сенсацию в Советском Союзе, не привлек особого внимания китайских учёных.

Вывод к параграфу 1.2: Перевод произведений советской художественно-документальной прозы 1970–1980-х годов и посвященные им исследования в Китае начали появляться после окончания Культурной революции в 1980-е годы. Такая ситуация во многом связана с реализацией политики реформ и открытости, а также с таким социальным фоном, как политическое потепление между Китаем и Советским Союзом и восстановление культурных (в том числе литературных) связей двух стран. В 1990-е годы в Китае стала популярна литература нон-фикшн из США, которая заняла большую долю читательского рынка. В связи с этим советские художественно-документальные произведения постепенно исчезли из поля зрения читателей и ученых. В начале XXI века, после вручения С.А. Алексиевич Нобелевской премии по литературе, интерес и внимание китайской читательской аудитории и академических кругов к российской художественно-документальной прозе постепенно возрастает.

Результаты проведённого нами анализа позволяют заключить, что российская художественно-документальная проза 1970–1980-х годов не получила достаточного внимания со стороны китайских исследователей. На настоящий момент некоторые репрезентативные произведения не переведены на китайский язык, соответственно, отсутствует их глубокое и систематическое изучение. Исследования китайских ученых в основном направлены на ознакомление с биографиями писателей, содержанием отдельных произведений, творческими методами, а также на перевод и обобщение мнений советских официальных критиков.

В целом многие российские сенсационные художественно-документальные произведения 1970-х и 1980-х годов на волне реформ и открытости быстро попали в поле зрения китайской аудитории. Эти произведения с характерными особенностями периода советской «оттепели» перекликаются с тенденцией идеологической эмансипации Китая и вызывают бурный отклик и резонанс среди читателей. Советская художественно-

документальная литература вместе с американской, хлынувшей в этот период в Китай, оказали положительное влияние на развитие документальной литературы в Китае. Эти произведения не только расширили кругозор и идейную базу китайских писателей, способствовали процветанию и развитию китайской документальной литературы в плане тем, жанров, творческих методов, но и способствовали изучению теории документальной литературы и связанных с ней понятий, таких как «нон-фикшн», «новая журналистика» и др. в Китае.

Следует отметить, что «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына и произведения С.А. Алексиевич со временем приобретают все большую популярность в Китае в связи с их известностью как лауреатов Нобелевской премии по литературе. Фактическое состояние их рецепции в Китае будет подробно описано в следующих главах.

Глава 2. «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына глазами китайских литературоведов и литераторов

Александр Исаевич Солженицын (1918—2008) является одной из величайших фигур русской литературы XX столетия. Для всего мира писатель является сложным культурным явлением. Эта сложность заключается в его множественной идентичности: А.И. Солженицын — литератор, историк, мыслитель, диссидент, культуролог. Он прошел необычный жизненный путь, и почти каждое его художественное и публицистическое произведение вызывало огромный ажиотаж в мире, в том числе, конечно, и в Китае.

В силу особых исторических отношений между Китаем и Россией китайские ученые долгое время пристально следили за развитием русской советской литературы. Таким образом, уже в следующем году после публикации в журнале «Новый мир» первой повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (1962) появился ее перевод на китайский язык. Однако по идеологическим причинам история переводов произведений писателя и изучения его творчества представляет собой весьма сложный процесс. Статистика публикации переводов произведений А.И. Солженицына приведена в таблице 2.

Таблица 2.

Издание переводов произведений А.И. Солженицына

Год публикации перевода	Название	Переводчик	Издательство
1963	Один день Ивана Денисовича	Сы Жэн	Издательство «Писатель»
1964	Сборник рассказов Солженицын	Сунь Гуанин	Издательство «Писатель»
1980	Раковый корпус	Жун Жудэ	Шанхайским

			издательством «Ивэнь»
1980	Сочинения советских диссидентов	Хань Вэй Чжэн Юэхуа	Пекинское издательство «Иностранные языки»
1982	Архипелаг ГУЛАГ	Тянь Давэй и др.	Издательство «Массы»
1991	Раковый корпус	Цзян Минхэ	Издательство «Лицзян»
1991	Архипелаг ГУЛАГ	Тянь Давэй и др.	Издательство «Массы»
1996	Архипелаг ГУЛАГ	Тянь Давэй и др.	Издательство «Массы»
1998	Бодался теленок с дубом	Чэнь Шусянь и др.	Издательство «Литература и искусство эпохи»
1999	Один день Ивана Денисовича	Сы Жэн	Издательство «И Линь»
2000	Сборник сочинений Солженицына	Цзин Лимин и др.	Издательство «Массы»
2001	Раковый корпус	Ма Сяоли	Издательство «Юаньфан»
2001	Раковый корпус	Ван Инь	Издательство «Юаньфан»
2005	Раковый корпус	Цзян Минхэ	Издательство «Ли Цзян»
2006	Архипелаг ГУЛАГ	Тянь Давэй, Чэнь Ханьчжан	Издательство «Массы»
2007	Раковый корпус	Цзян Минхэ	Издательство «И Линь»
2008	Один день Ивана Денисовича	Сы Жэнь	Издательство «Народная

			литература»
2009	Раковый корпус	Цзян Минхэ	Издательство «И Линь»
2009	Архипелаг ГУЛАГ	Тянь Давэй, Чэнь Ханьчжан	Издательство «Массы»
2010	В круге первом	Цзин Лимин	Издательство «Союз китайских литературных и художественных деятелей»
2010	Красное колесо (Том 1)	Хэ Маочжэн, Ху Чжэньчжэнь и др.	Издательство «Литература и искусство Цзянсу»
2011	Красное колесо (Том 2)	Ся Гуанчжи, Линь Цюаньшэн и др.	Издательство «Литература и искусство Цзянсу»
2011	Бодался теленок с дубом	Чэнь Шусянь, Чжан Дабэнь, Чжан Сяоцян	Издательство «Союз китайских литературных и художественных деятелей»
2012	Один день Ивана Денисовича	Цао Сулин, Чен Сяомань, Ван Цзясян, Чэн Дайси	Издательство «Народная литература»
2012	Хрестоматия по творчеству А. И. Солженицына	Чжан Цзяньхуа	Издательство «Народная литература»

2013	Красное колесо (Том 3)	Хэ Маочжэн и др.	Издательство «Литература и искусство Цзянсу»
2013	Раковый корпус	Цзян Минхэ	Издательство «И Линь»
2015	Архипелаг ГУЛАГ	Тянь Давэй, Цянь Чэн, Чэнь Ханьчжан	Издательство «Массы»
2015	Абрикосовое варенье: Сборник рассказов и повести А. И. Солженицына 1990-х годов	Ли Синьмэй	Издательство «И Линь»
2016	В круге первом	Цзин Лимин	Издательство «Массы»
2022	Раковый корпус	Цзян Минхэ	Издательство «И Линь»

2.1. Восприятие книги А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» в Китае (проблемы перевода и исследований)

«Архипелаг ГУЛАГ» – художественно-историческое произведение А.И. Солженицына. Хотя в 1970 году он получил Нобелевскую премию по литературе не за эту работу, однако при упоминании имени А.И. Солженицына люди в первую очередь вспоминают об этом великом произведении. Первый том был опубликован в Париже в декабре 1973 года. Публикация этого произведения в Китае появилась в начале 1980-х годов, а более широкие исследования начались с 1990-х годов. В данном параграфе мы попытаемся представить процесс перевода и состояние изучения «Архипелага ГУЛАГ» в Китае, чтобы продемонстрировать общую картину его восприятия глазами

китайских ученых.

Перевод «Архипелаг ГУЛАГ» в Китае

«Архипелаг ГУЛАГ» был впервые переведен на китайский язык и издан в 1982 году. Следует отметить, что его успешный выход был тесно связан с режимом «внутреннего распространения», который был популярен в Китае в 1960–1980-е годы. «Архипелаг ГУЛАГ» стал последним произведением А.И. Солженицына, опубликованным в рамках этой модели. После этого, с исчезновением данного режима, переводы произведений А.И. Солженицына в Китае постепенно перешли к публичному выпуску. Внедрение режима «внутреннего распространения» было связано с изменением советско-китайского отношения и социально-политической ситуацией в Китае. Изучение исторического фона реализации этого режима дает нам разобраться в причинах и спецификах перевода «Архипелаг ГУЛАГ» в Китае.

1) «Внутреннее распространение» и переводы произведений А.И. Солженицына в 1960-1980-х гг.

«Внутреннее распространение» существовало еще до основания Нового Китая, но массовое появление таких книг началось в начале 1960-х годов. После XX съезда Коммунистической партии Советского Союза в 1956 году между китайской и советской партиями возникли серьезные разногласия по ряду важных политических вопросов. КПК считает, что КПСС предала основные принципы марксизма-ленинизма и встала на путь ревизионизма. После 1960 года идеологические разногласия между двумя партиями распространились на государственные отношения, советско-китайская полемика перешла от внутренней к открытой⁸⁷, и в Китае начали открыто критиковать современный ревизионизм на печатных изданиях.

Чтобы удовлетворить потребности антиревизионистской борьбы ЦК КПК, особенно китайско-советской полемики, в Китае начали печатать большое

⁸⁷ Гу Фан. «Желтая книга» и другие: несколько иностранных литературных внутренних публикаций во время китайско-советской полемики. Литературная теория и критика. 2001. № 06. С. 117–124. 古凡. 黄皮书及其他: 中苏论争时期的几种外国文学内部刊物. 文艺理论与批评. 2001年.第06期.第117-124页

количество книг против современного ревизионизма в форме «внутреннего распространения». Эти книги считались «вредными» и «ядовитыми», но для написания глубоких статей против ревизионизма, необходимо их переводить и издавать только для конкретных читателей.

Именно на таком антиимпериалистическом и антиревизионистском историческом фоне, повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», опубликованная в «Новом журнале» в 1962 году с личного одобрения Хрущева, сразу вызвала внимание китайцев и попала в выбор редакции «внутреннее распространения». В феврале 1963 года, то есть, через четыре месяца после публикации в Советском Союзе, издательство «Писатели» перевело и издало это сенсационное произведение. Китайское академическое сообщество так оперативно и быстро перевело эту книгу, вероятно, потому что в контексте китайско-советской полемики перевод произведения А.И. Солженицына стал не просто литературной задачей, а скорее политической. В 1964 году был издан «Сборник рассказов Солженицына» (пер. Сунь Гуанин), в который вошли «Случай на станции Кочетовка», «Матрёнин двор» и «Для пользы дела».

Таким образом, переводы повести «Один день Ивана Денисовича» и «Сборника рассказов Солженицына», изданные в форме «внутреннего распространения» в начале 1960-х годов, ознаменовали начало восприятия писателя в Китае.

В первой половине 1966 г. началась Культурная революция. Все работы издательства приостановились, в том числе и «внутреннее распространение». В десятилетие потрясений и время застоя А.И. Солженицын и его произведения постепенно исчезали из открытого поля зрения читателей, переводы его произведений также прекратились.

После окончания Культурной революции, на Третьем пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 года было принято решение о проведении политики реформ и открытости. В то время произошли большие изменения в международной и внутренней ситуации, и китайский народ был очень

обеспокоен и стремился узнать о ситуации во внешнем мире, особенно о новой ситуации и знаниях за последние 20–30 лет после Второй мировой войны.

При этой новой ситуации открылись новые возможности для перевода произведений А.И. Солженицына. В июне 1980 года Пекинское издательство иностранных языков издало «Сборник статей советских диссидентов» (внутреннее распространение), в который были включены «Письмо вождям Советского Союза» (пер. Хань Вэй) и «Речь А.И. Солженицын в Вашингтоне» (пер. Чжэн Юэхуа).

2) «Внутреннее распространение» и перевод «Архипелаг ГУЛАГ»

В декабре 1982 года издательство Массы опубликовало художественно-историческое произведение «Архипелаг ГУЛАГ» (внутреннее распространение). Перевод был выполнен по изданию, выпущенному издательством YMCA в Париже в 1973 году. Переводчиками первого и второго томов были Тянь Давэй и Чэнь Ханьчжан, и третьего тома – Цянь Чэн.

Данный перевод входит в серию «Избранные переводы современных зарубежных политических научных произведений» (далее «Избранные переводы»). Как и в других книгах этой серии, на титульном листе имеется такое общее описание: «В целях изучения и обсуждения теории и практики различных социалистических моделей в современном международном коммунистическом движении, доктрин разных школ коммунизма и других политических доктрин, а также для понимания политической, социальной и научной ситуации в зарубежных странах, некоторые издательства в нашей стране организовали переводы ряда представительных современных зарубежных политических научных трудов <...>, и эта книга является одним из них».⁸⁸

После сравнения с названиями других книг в серии «Избранные переводы» заметим, что «Архипелаг ГУЛАГ» был «чуждый» другим. Так зачем же включать его в эту серию?

⁸⁸ Тянь Давэй, Чэнь Ханьчжан. Архипелаг ГУЛАГ. Том 1. Пекин: Издательство Массы, 1982. 636 с. 田大畏, 陈汉章. 古拉格群岛 (上册). 群众出版社, 1982年, 636页.

На самом деле, еще в поздний период Культурной революции, руководитель издательства Масса Юй Хао уже наслал планировать опубликовать «Архипелаг ГУЛАГ». Он сначала обращался к своему однокурснику Тянь Давэя. Затем Тянь Давэй вместе с Чэнь Ханьчжаном и Цянь Чэном завершили перевод в 1979 году. Однако в то время, когда Культурная революция недавно закончилась, ее тень все еще оставалась в сознании многих. Публикация книги была отложена из-за опасения уличения «неполиткорректности».

Окончательная публикация «Архипелага ГУЛАГ» благодаря вышеупомянутому 3-ему пленуму ЦК 11-го созыва в декабре 1978 года. После этого заседания прозвучал призыв «перевести и опубликовать современные зарубежные академические работы о международном коммунистическом движении и различных школах социализма, а также работы, связанные с буржуазией».⁸⁹ «Тогда отдел издательства непрерывно получают предложения от читателей и ученых, которые надеялись, что издательства продолжат выпускать современные зарубежные политические работы для исследования, следуя способу публикации Серых книг»⁹⁰.

В апреле 1980 года в Управлении государственных издательств было проведено специальное собрание, на котором было единогласно принято решение о продолжении выпуска современных зарубежных политических произведений, а также была создана специальная рабочая группа по отбору книг для перевода. В январе 1981 года с согласия Отдела пропаганды ЦК КПК было окончательно определено название этого комплекта книг «Избранные переводы современных зарубежных политических научных произведений», уточнены целевая аудитория и сфера распространения. Первая партия книг составляет 95,

⁸⁹ Кан Лин. Возобновление и конец модели «серой книги»: управление публикацией переведенных западных работ в 1980-х годах // Вестник Университета Гуанчжоу (серия «Социальная наука»). 2020. № 03. С. 90-98 康凌. “灰皮书”模式的重启与终结: 1980年代西学译著的出版管理. 广州大学学报(社会科学版), 2020, 03: 90-98 页

⁹⁰ Сун Инли, Лю Сяоминь. Шестьдесят лет издательской деятельности в новом Китае. Чжэнчжоу: Издательство Хэнаньского университета, 2009. 851 с. 宋应离, 刘小敏. 亲历新中国出版六十年. 河南大学出版社, 2009年, 851页 (第400页)

вторая и третья всего 72.⁹¹

Именно на этом историческом контексте «Архипелаг ГУЛАГ» был выбран в эту серию и допущен к печати. Конкретные детали о успешном издании книги уже невозможно узнать, но включение этой книги в серию книг, разрешенных государством, возможно, было своего рода «стратегии» издателя и переводчиков.

Перевод «Архипелага ГУЛАГ» был напечатан в декабре 1982 года. Следует отметить, что 21 августа того же года Отдел пропаганды ЦК КПК выпустило «Уведомление о улучшении работы по переводу и изданию современных зарубежных политических научных произведений», в котором, с одной стороны, было признано значение «Избранных переводов», а с другой, было заявлено, что некоторые книги, «злбно нападающие на коммунизм» и «крайне реакционные по содержанию», были «распространены среди простых читателей, особенно студенческой молодежи».⁹²

Исходя из этого, нетрудно понять, почему в «Словах переводчика» в «Архипелаге ГУЛАГ» переводчик Тянь Давэй начинает с таких критических слов: «Это антисоветская и антикоммунистическая книга, которая предоставляет нам материалы с отрицательной стороны, и в целях понимания политико-социальной и академической ситуации в зарубежных странах переводится данная книга».⁹³ Переводчик полагает, что основные произведения А.И. Солженицына «безумно возражают марксизм-ленинизм, коммунизм и социализм, в которых полное отрицание к Ленину и Сталину».⁹⁴ В неясной внутривполитической обстановке того времени эти слова в качестве самозащиты показывают «политкорректности» и «критические цели» переводчика и издателя. Однако стоит отметить, что на следующих страницах

⁹¹ Там же. С.384-410.

⁹² Кан Лин. Возобновление и конец модели «серой книги»: управление публикацией переведенных западных работ в 1980-х годах // Вестник Университета Гуанчжоу (серия «Социальная наука»). 2020. № 03. С. 90-98 康凌. “灰皮书”模式的重启与终结: 1980年代西学译著的出版管理. 广州大学学报(社会科学版), 2020, 03: 90-98 页 (第 93 页)

⁹³ Тянь Давэй, Чэнь Ханьчжан. Архипелаг ГУЛАГ. Том 1. Пекин: Издательство Массы, 1982. 636 с.田大畏, 陈汉章. 古拉格群岛 (上册). 群众出版社, 1982年, 636页(第1页)

⁹⁴ Там же. С. 2

Тянь Давэй объективно знакомит читателей с художественными приемами в «Архипелаге ГУЛАГ».

Первоначально «Архипелаг ГУЛАГ» был выпущен как книга «категории А», высшей категории «внутреннего распространения». Существовало три категории: А, Б и В. К «категории А» относились книги с реакционным содержанием, но имеющие справочную ценность, и их распространение было строго ограничено. Такие книги могли быть изданы только Народным издательством и издательством центрального уровня и использовались только соответствующими руководителями и исследователями, их даже выдавали по спискам. Однако фактически распространение «Архипелага ГУЛАГ» было неограниченным, так как в 1980-е годы характер «внутреннего распространения» на волне идеологического освобождения в Китае уже изменился.

Таким образом, отметим, что успешная публикация «Архипелага ГУЛАГ» в Китае в 1982 году во многом связана с режимом «внутреннего распространения». Хотя этот ярлык долгое время влиял на объективное восприятие «Архипелага ГУЛАГ» китайской аудиторией, но именно эта публикация создала основу для его исследований в Китае с 1990-х годов.

Научное исследование книги «Архипелаг ГУЛАГ»

В 1973 году публикация «Архипелага ГУЛАГ» на Западе вызвала огромный резонанс, и произведение получило признание мирового сообщества. Книга была быстро переведена на многие другие языки и издана во многих странах. В то время в Китае происходила «культурная революция» (1966–1976), которая довела ультралевое направление мысли до крайности. Почти вся иностранная литература была отнесена к категории «феодализм, капитализм и ревизионизм», и исследования советской литературы были прерваны более чем на десятилетие. В результате в 1970-е годы китайские академические круги не обратили должного внимания на этот важный труд А.И. Солженицына и не провели его объективного исследования.

После окончания «культурной революции» и начала политики реформ и открытости впервые фамилия писателя и произведение «Архипелаг ГУЛАГ» были упомянуты в 1979 году в статье Ши Вайю «Литература заговоров, литература реставрации, литература гегемонии: тенденции советской ревизионистской литературы». В то время в связи с недавним завершением «десятилетней катастрофы» атмосфера внутренней антиревизионистской борьбы в Китае еще ощущалась. Так что эта статья имеет явный оттенок приверженности «культурной революции», что можно оценить по названию, способу подписи автора и словам Председателя Мао, приведенным в начале статьи. Это было характерно для «критических» статей того времени.

Автор критикует «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына, указывая, что произведение является одним из «отрицательных образцов» проклятия Сталину и нападения на диктатуру пролетариата и что описание жизни в лагере полностью преувеличено⁹⁵. Далее упоминаются другие произведения писателя, автор статьи пишет, что известность А.И. Солженицыну принесли произведения «В круге первом», «Раковый корпус», «Архипелаг ГУЛАГ» и т. д., которые завоевали не только аплодисменты предателей Востока, но и одобрение Запада. Автор еще подчеркивает, что произведения писателя пользуются широкой популярностью в капиталистических странах⁹⁶. В статье не проводится анализ «Архипелага ГУЛАГ», поскольку китайский перевод в это время еще не появился, и автор статьи, возможно, не читал это произведение. Можно сказать, что эта крайне идеализированная статья является продуктом особой эпохи.

В начале 1980-х годов издательство «Массы» (Пекин) опубликовало перевод «Архипелага ГУЛАГ» (1982). Это было большое культурное событие в Китае того времени. «Архипелаг ГУЛАГ», вызвавший бурные дискуссии на Западе и в Советском Союзе, вошел в читательский кругозор китайских

⁹⁵ Ши Вайю Литература заговоров, литература реставрации, литература гегемонии: тенденция советской ревизионистской литературы // Вестник Центрально-китайского педагогического университета (Серия: Философия. Социальные науки). – 1978. – № 01. – С. 97–105. 施外雨.阴谋文学·复辟文学·霸权文学 – 二十年来苏修文坛的动向 // 华中师院学报 (哲学社会科学版). – 1978. – № 01. – 97–105 页.

⁹⁶ Там же.

читателей на семь лет раньше появления в СССР. Однако в начале 80-х годов А.И. Солженицын и его «Архипелаг ГУЛАГ» все еще служили объектом критики, что видно из «Слова переводчика» в китайском переводе.

«Слово переводчика» можно рассматривать как самый ранний анализ произведения «Архипелаг ГУЛАГ» в Китае. Переводчик трактует его как «антисоветское и антикоммунистическое» произведение и полагает, что «политическая позиция и мировоззрение Солженицына реакционны»⁹⁷. Такой тип «критики» был очень распространен в начальный период после завершения «культурной революции», когда ультралевый курс еще не был полностью ликвидирован и сознание внутри Китая еще не было полностью освобождено. На самом деле вышеприведенное отрицательное суждение о А.И. Солженицыне и «Архипелаге ГУЛАГ» составляет лишь небольшую часть «Слова переводчика». Возможно, это было «стратегией», используемой переводчиком, чтобы «угодить» внутривнутриполитической атмосфере и обеспечить успешную публикацию перевода в условиях особой социальной обстановки Китая того времени.

В «Слове переводчика» представляется А.И. Солженицын, рассматривается значение названия книги, освещается процесс написания, определяются особенности произведения, приводятся специальные термины и история советских органов государственной безопасности. Нужно отметить, что в общем переводчик дает объективное представление о художественных приемах в произведении «Архипелаг ГУЛАГ».

Переводчик проводит анализ и отмечает следующие моменты: 1) А.И. Солженицын использует разные приемы в зависимости от разных объектов описания, в том числе автобиографические повествования и документальные описания, проверку исторических фактов и толкование правовых положений, собственные размышления и заметки об увиденном и услышанном. Жанр произведения трудно классифицировать, поэтому он определяется как «опыт

⁹⁷ Тянь Давэй, Чэнь Ханьчжан Архипелаг ГУЛАГ. Том 1. Пекин: Издательство Массы, 1982. 636 с. 田大畏, 陈汉章 古拉格群岛 (上册). 群众出版社, 1982年, 636页.

художественного исследования»; 2) особенность повествовательного стиля проявляется в наличии в произведении не только кратких и благочестивых рассказов и молитв, но и горячих аргументов и речей, и даже провокационных рассуждений и нападок; 3) с помощью метода «полифонии» вокруг одного вопроса одновременно высказывается множество голосов, которые спорят, опровергают, дополняют и усиливают друг друга, делая описание и обсуждение более глубокими; 4) использование ярких метафор, сарказма, юмора и острых, едких диалогов или явной иронии усиливает выразительный эффект; 5) в языковом плане используется большое количество элементов просторечия, пословиц, средств старорусского и религиозного языка, «лагерного языка», сленга, также ненормативная лексика и т.д.; 6) поскольку произведение было написано в условиях строжайшей секретности, в нем существуют такие недостатки, как повторы, рыхлая структура, и иногда понимание содержания затруднено⁹⁸.

Кроме данного «Слова переводчика», в этот период «Архипелаг ГУЛАГ» упоминался лишь в одном-двух предложениях в некоторых переведенных статьях американских ученых, сводках новостей и статьях, посвященных обзору современной советской литературы и китайской литературы. В целом китайские академические круги не проводили глубокого исследования этого произведения. Мы считаем, что причины такого положения заключаются в следующем. Во-первых, это было связано с внутривосточной и культурной средой и степенью идеологической эмансипации в Китае того времени. Вторая причина – антисоветская, антисоциалистическая и антикоммунистическая позиция А.И. Солженицына и суждения о китайской угрозе в его произведениях, а также недружественная речь о Китае во время визита А.И. Солженицына в Японию и провинцию Тайвань в 1982 году.

Начиная с 1990-х годов внимание китайских ученых к «Архипелагу ГУЛАГ» постепенно возрастало, однако большинство из них в той или иной

⁹⁸ Тянь Давэй, Чэнь Ханьчжан. Архипелаг ГУЛАГ. Том 1. Пекин: Издательство Массы, 1982. С. 3-5. 田大畏, 陈汉章. 古拉格群岛 (上册). 群众出版社, 1982年, 第3-5页.

степени отрицательно относились к этому произведению. В основном в этот период ученые акцентировали внимание на политической направленности произведения, нередко поднимая вопрос о его литературности и подлинности представленных в нем фактов.

В 1990 году исследователь Чжан Цзе в статье «Советская “Возвращенная литература”» ставит под сомнение литературность творчества А.И. Солженицына. Он отмечает, что «Архипелаг ГУЛАГ» имеет явный политический характер и не является продуктом «искусства ради искусства»: это произведение своеобразно и содержит богатый фактический материал, но изложенное в книге – это «далеко не все, с чем мы можем согласиться». Кроме того, Чжан Цзе указывает, что «“Архипелаг ГУЛАГ” не похож на литературное произведение в обычном понимании, что “Факультет ненужных вещей” Домбровского и “Колымские рассказы” Шаламова обладают более яркими литературными качествами»⁹⁹.

В 1991 году ученый Сюй Сяньсуй в труде «Обозрение современной советской беллетристики» пишет, что главная тема в «Архипелаге ГУЛАГ» – это несправедливое заключение, то есть наказание за невиновность и слишком суровое наказание за мелкое преступление. Сюй Сяньсуй считает, что известность А.И. Солженицына связана в основном с политическими факторами и «главная идея его произведений – антисоветская, эта идея и отражается в его лагерной прозе. «Один день Ивана Денисовича», «В круге первом», «Раковый корпус» и «Архипелаг ГУЛАГ», – эти четыре произведения создают у читателя впечатление, что в Советском Союзе было много несправедливых заключений и очевидно, что эти произведения приветствовали диссиденты на Западе и в Советском Союзе»¹⁰⁰.

В 1994 году Чжан Цзе в своей монографии «Последние семь лет советской

⁹⁹ Чжан Цзе. Советская «возвращенная литература» // Советская литература. – 1990. – № 01. – С. 46–53. (张捷. 苏联的“回归文学” // 苏联文学. – 1990. – № 01. – 46–53 页..)

¹⁰⁰ Сюй Сяньсуй. Обозрение современной советской беллетристики / Сюй Сяньсуй. – Шанхай: Шанхайское издательство по обучению иностранным языкам, 1991. – 478 с. (许贤绪. 当代苏联小说史 / 许贤绪. – 上海: 上海外语教育出版社, 1991 年. – 478 页)

литературы» ставит под сомнение подлинность «опыта художественного исследования». Автор утверждает, что в «Архипелаге ГУЛАГ» наблюдается «полное отрицание революции и социалистического строя», указывая на то, что А.И. Солженицын «произвольно искажает и преувеличивает факты»: «Солженицын не только преувеличивает масштабы внутренних репрессий в СССР, но и выражает глубокое сочувствие всем уголовным преступникам, контрреволюционерам и диверсантам, заключенным в трудовые лагеря. Однако он со злорадной враждебностью относится к настоящим жертвам – старым революционерам, членам партии и административным кадрам»¹⁰¹.

В 1998 году в книге «История русской литературы XX века», написанной в соавторстве с Ли Хуэйфаном, Чжан Цзе вновь высказывает сомнения в объективности и достоверности уникального способа творчества А.И. Солженицына, но отношение ученого к «Архипелагу ГУЛАГ» уже немного изменилось. Исследователь признает, что произведение А.И. Солженицына все-таки частично отражает реальность системы наказания и жизни в лагерях СССР, указывая на то, что правовая система в разные периоды была разрушена¹⁰².

Ученый У Цзэлин также выразил сходное мнение. Он отмечает, что книга «Архипелаг ГУЛАГ» непосредственно нацелена на Октябрьскую революцию и советскую социалистическую систему, и называет ее орудием антисоветского и мирового антикоммунистического движения Запада. Но ученый не полностью отрицает подлинность содержания «Архипелага ГУЛАГ». Он указывает, что несмотря на присутствие искажений и преувеличений социальной действительности при сталинском тоталитаризме, нельзя отрицать, что произведение А.И. Солженицына все-таки раскрыло значительные проблемы, существовавшие в советском обществе в рамках сталинской системы¹⁰³.

¹⁰¹ Чжан Цзе Последние семь лет советской литературы / Чжан Цзе. – Пекин: Издательство по гуманитарным и социальным наукам, 1994. – 285 с. (张捷. 苏联文学最后的七年 / 张捷. – 北京: 社会科学文献出版社, 1994年. – 285页)

¹⁰² Ли Хуэйфань, Чжан Цзе. История русской литературы XX века / Ли Хуэйфань, Чжан Цзе. – Циндао: Издательство Циндао, 1998. – 507 с. (李辉凡, 张捷. 20世纪俄罗斯文学史 / 李辉凡, 张捷. – 青岛: 青岛出版社, 1998年. – 507页)

¹⁰³ Тан Дэлин, У Цзэлин. Литература оттепели и возвращенная литература // Пекин: Издательство Пекинского

Хотя большинство китайских ученых в этот период придерживались разной степени негативного отношения к «Архипелагу ГУЛАГ», некоторые ученые также отмечали идейную ценность этого произведения. Например, ученый Фань Син, исходя из социальной полезности литературы, утверждает, что именно такие мыслители, как Сартр и А.И. Солженицын, унаследовали и развили традиционные политические идеалы человечества, в результате литература стала недооцененной силой и начала вмешиваться в политическую жизнь общества. Далее ученый указывает, что все отраженное в «Архипелаге ГУЛАГ» относится не только к Советскому Союзу 1930-х годов, но и является мучительным размышлением века, и «Архипелаг ГУЛАГ» займет уникальное место в истории современной политической мысли¹⁰⁴.

В 2000-е годы отношение китайских ученых к «Архипелагу ГУЛАГ» изменилось от отрицательного к положительному. Их исследования переходят на более объективный и рациональный уровень.

Ученые Ли Вэньси и Линь Цзяньхуа высоко оценивают литературную ценность и историческое значение «Архипелага ГУЛАГ». Однако, они придерживаются своих взглядов на идейную склонность и нравственные качества А.И. Солженицына.

В своей статье Ли Вэньси признает чувство ответственности и гуманистическую озабоченность А.И. Солженицына, заявив, что «Архипелаг ГУЛАГ» – это и литература, и история. Ученый пишет, что опираясь на большое количество материалов из первых рук и описание трагической судьбы заключенных, А.И. Солженицын подвергает резкой критике тоталитарное правление сталинского периода. Используя «простое описание», писатель рассказывает читателям о процессе зарождения, развития и упадка советских трудовых лагерей, изображает ужасные условия жизни политзаключенных и их героическое сопротивление. Ли Вэньси считает, что в этой книге

педагогического университета. – 2001. С. 374. 谭得伶、吴泽霖. 解冻文学和回归文学 // 北京: 北京师范大学出版社. – 2001. С. 374.

¹⁰⁴ Фань Син. Соотношение литературы и политики // Литературная критика. – 1994. – № 04. – С. 30–34. 樊星. 文学政治之缘 // 文艺评论. – 1994. – № 04. – 30–34 页

А.И. Солженицын воплощает идеи антивласти, антинасилия и стремления к истине. В то же время ученый указывает, что мысль А.И. Солженицына отличается односторонностью и радикализмом, демонстрируя ненависть к социализму и социалистическим странам¹⁰⁵.

Исследователи Ван Лисинь, Ли Цзяньцзюнь и Лю Чжужфэн обращают внимание на воплощение гуманизма и моральное сознание в «Архипелаге ГУЛАГ».

Исследователь Ван Лисинь полагает, что А.И. Солженицын всегда стремится к вечности, поиску истины и заботе о человеческой природе, и в его произведениях звучат глубокие человеческие мысли. Идея гуманизма доводится до крайности в «Архипелаге ГУЛАГ»¹⁰⁶. Исследователь Ли Цзяньцзюнь также высоко оценивает гуманистический дух А.И. Солженицына, утверждая, что в «Архипелаге ГУЛАГ» воплощается дух справедливости. Его основным содержанием является раскрытие формирования и распространения зла, повествование о гуманистических бедствиях, порожденных злом. В произведении А.И. Солженицын осуждает античеловеческие «идеологические системы», ликвидирует зло в его крайних формах и завершает праведное суждение¹⁰⁷. Русист Лю Чжужфэн акцентирует внимание на моральном сознании в «Архипелаге ГУЛАГ». Исследователь считает, что в фокусе А.И. Солженицына потенциал, проявляемый людьми, оказавшимися в чрезвычайно трудных обстоятельствах. Этот потенциал означает, что человек даже в период тяжелых испытаний не теряет твердой воли и веры в человеческую природу. Страдания очищают душу человека. Пройдя через страдания, А.И. Солженицын осознает, что вопрос о добре и зле это самый главный вопрос человечества и для человека возвышение души и совершенствование нравственности имеют огромное значение. Такое осознание

¹⁰⁵ Ли Вэньси. Солженицын и его творчество // Русская литература и искусство. – 2003. – № 06. – С. 58–60. (李文思. 索尔仁尼琴及其创作 // 俄罗斯文艺. – 2003. – № 06. – 58-60 页)

¹⁰⁶ Ван Лисинь. Солженицын и творческий стиль «Архипелага ГУЛАГ» // Сборник статей Северного Китая. – 2004. – № 02. – С. 45-47. 王丽欣. 索尔仁尼琴及其《古拉格群岛》的创作风格 // 北方论丛. – 2004. – № 02. – 45-47 页

¹⁰⁷ Ли Цзяньцзюнь. Осуждение Солженицына // Свободный разговор о литературе. – 2010. – № 6. – С. 22-33. 李建军. 索尔仁尼琴的审判 // 文学自由谈. – 2010. – № 6. – 22-33 页

писателя представляет собой самый шокирующий смысл «Архипелага ГУЛАГ», а также является основной причиной длительного очарования и огромного влияния произведения¹⁰⁸.

Ван Лисинь и Ли Цзяньцзюнь также исследуют творческий метод автора «Архипелага ГУЛАГ». Ван Лисинь утверждает, что творческий стиль произведения проявляется в следующих аспектах: 1) создание уникального гибридного жанра. Писатель совмещает в себе функции литературоведа, историка, политика, культуролога, философа и социолога, опираясь на литературные произведения для изучения и осмысления истории; 2) умение использовать русскую иронию и юмор; 3) неоднократное появление одного и того же персонажа – примечательная особенность структуры «Архипелага ГУЛАГ». Появление одного и того же человека в разных главах, в разное время и в разных местах позволяет читателям увидеть жизнь этого человека в целом¹⁰⁹. В то же время Ли Цзяньцзюнь считает «Архипелаг ГУЛАГ» наиболее новаторским в художественном отношении текстом. Исследователь отмечает, что в своем творчестве А.И. Солженицын отказался от вымысла, нарушил правила и нормы романного повествования и выбрал более инклюзивный повествовательный подход, создав тем самым текстовый мир, сочетающий в себе историческую запись, религиозное откровение, философское размышление, беллетристическое повествование и драматическое представление¹¹⁰.

Профессор Столичного педагогического университета Лю Вэньфэй в статье «Солженицын: жизнь и творчество» дает всесторонний обзор жизненного опыта А.И. Солженицына и конкретный анализ его творчества. Анализируя «Архипелаг ГУЛАГ», профессор называет его «энциклопедией советского каторжного труда», и отмечает, что это произведение в большей

¹⁰⁸ Лю Чжунфэн. О нравственном сознании в «Архипелаге ГУЛАГ» // Вестник Муданьцзянского университета. – 2015. – № 7. – С. 100-102. 刘珠凤. 论《古拉格群岛》的道德意识 // 牡丹江大学学报. – 2015. – № 07. – 100-102 页

¹⁰⁹ Ван Лисинь. Солженицын и творческий стиль «Архипелага ГУЛАГ» // Сборник статей Северного Китая. – 2004. – № 02. – С. 45-47. 王丽欣. 索尔仁尼琴及其《古拉格群岛》的创作风格 // 北方论丛. – 2004. – № 02. – 45-47 页

¹¹⁰ Ли Цзяньцзюнь. Осуждение Солженицына // Свободный разговор о литературе. – 2010. – № 6. – С. 22-33. 李建军. 索尔仁尼琴的审判 // 文学自由谈. – 2010. – № 6. – 22-33 页

степени является литературной эпопеей, сочетая в себе личный опыт и национальные страдания, историческое мышление и литературное выражение. Ученый отмечает, что жанр этого произведения уникален: А.И. Солженицын пытался использовать литературные приемы для проведения исторических исследований. Разница между «художественным исследованием» и «научным исследованием» не только подчеркивает литературную атрибутику «Архипелага ГУЛАГ», но и делает «художественное исследование» самостоятельным жанром в русской литературе XX века. Лю Вэньфэй считает, что «литературность» этого произведения проистекает не только из образа и голоса рассказчика, но и из цельной структуры и прекрасного языка изложения, а еще больше из глубокого сострадания и гуманизма, заложенных в произведении¹¹¹.

В 2013 году в свет вышла работа «Вместе читаем “Архипелаг ГУЛАГ”» под редакцией профессора Юй Ичжуна, куда были включены 27 откликов на «Архипелаг ГУЛАГ» из России, США, Великобритании, Франции и Китая. Эти отклики «предоставляют читателям подробные доказательства и различные точки зрения для понимания процесса создания «Архипелага ГУЛАГ», его идеологических коннотаций и эстетических качеств, а также для выяснения причин нападок на данное произведение»¹¹².

Вывод к параграфу 2.1: Итак, можно утверждать, что отношение китайских ученых к «Архипелагу ГУЛАГ» прошло путь от отрицания к утверждению, от критики к восхвалению. В силу отношений между Китаем и Советским Союзом и идеологических причин «Архипелаг ГУЛАГ» долгое время считался чисто политическим разоблачением, особенно после его публикации на Западе. В конце 1970-х годов под влиянием идеологии самое раннее упоминание об «Архипелаге ГУЛАГ» продолжило иррациональное критическое отношение к советской литературе периода «культурной

¹¹¹ Лю Вэньфэй. Солженицын: жизнь и творчество / Лю Вэньфэй // Изучение России. – 2020. – № 04. – С. 118-152. (刘文飞. 索尔仁尼琴: 生活与创作 // 俄罗斯研究. – 2020. – № 04. – 118-152 页).

¹¹² Юй Ичжун Вместе читаем «Архипелаг ГУЛАГ» / Юй Ичжун. – Пекин: издательство Массы, 2013. – С. 303. (余一中. 古拉格群岛大家读 / 余一中. 北京: 群众出版社, 2013 年. – 303 页).

революции». В 1980-е годы, с появлением перевода «Архипелага ГУЛАГ», произведение вошло в поле зрения читателей и ученых. Однако в эти годы, кроме «Слова переводчика» к китайскому переводу, не появилось научных статей, посвященных «Архипелагу ГУЛАГ». Причина такого положения связана с политической позицией А.И. Солженицына и его недружественным суждением о Китае. Отношение китайских ученых к политическим взглядам писателя препятствовало изучению произведения. В 1990-е годы большинство ученых отрицательно относились к «Архипелагу ГУЛАГ». Исследователи в основном критиковали политический характер произведения, подвергали сомнению его подлинность и литературность. В этот период дискуссии встречаются в основном в монографиях по советской литературе, научные статьи, посвященные «Архипелагу ГУЛАГ» по-прежнему отсутствуют. Начиная с 2000-х годов ученые начинают осознавать литературную ценность и историческую значимость произведения. При этом появляется все больше статей, в которых исследуются гуманизм, художественные приемы, творческий стиль, жанровые характеристики и литературность произведения. По мере того как полемика идеологии затихает, исследование «Архипелага ГУЛАГ» в Китае углубляется.

2.2. Книга А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» и современная китайская литература (оценка и влияние)

После «культурной революции», когда литературно-издательская и переводческая деятельность была сведена практически к нулю, в Китае начался период политики реформ и открытости, характеризующийся постепенным восстановлением литературно-художественных связей, возрождением переводов и распространением современной советской литературы, в основном произведений 1960-х годов. Это явление объясняется, с одной стороны, тем, что советской литературе вновь стало уделяться больше внимания в китайских академических кругах, а с другой – улучшением политических отношений и

увеличением культурных обменов между КНР и СССР в этот период. Все это создавало благоприятные условия для восприятия советско-русской литературы китайскими читателями.

Именно в этот период на горизонте китайской читательской аудитории вновь появляется А.И. Солженицын, «забытый» китайскими академическими кругами на протяжении почти двух десятилетий. С углублением политики реформ и открытости и движения освобождения идеологии, а также проведением объективных и рациональных исследований творчества А.И. Солженицына, все больше китайских ученых начинают осознавать значение и ценность «Архипелага ГУЛАГ» для современной китайской литературы. Следует отметить, что под «современной китайской литературой» мы понимаем в основном литературу материкового Китая, созданную после 1949 года.

В данном параграфе мы пытаемся решить две задачи: 1) разобраться в размышлениях китайских ученых о современной китайской литературе относительно идей, выраженных в «Архипелаге ГУЛАГ»; 2) проанализировать влияние «Архипелага ГУЛАГ» на создание Ян Сяньхуэем «Памяти Цзябяньгоу».

2.2.1 Размышления китайских ученых, вызванные «Архипелагом ГУЛАГ»

Китайский ученый Лю Вэньфэй указывает, что «После переживания крупной катастрофы государственного масштаба в стране часто появляются соответствующие эпические литературные произведения, отражающие ее. В России, например, во время наполеоновских войн появился роман “Война и мир”; во время отечественной войны – “Тихий Дон”; когда интеллигенция страдала от несправедливости – “Доктор Живаго”»¹¹³. На самом деле, не только «после переживания крупной катастрофы», но даже «во время катастрофы» советско-русские писатели с большим мужеством и совестью создавали такие

¹¹³ Лю Вэньфэй. Индивидуальность из неправильного прочтения // Китайская драма. – 2003. – № 04. – С. 19. 刘文飞. 误读出来的个性. 中国戏剧. 2003年. 第4期. 第19页.

произведения, как «Теркин на том свете» (А.Т. Твардовский), «Реквием» (А.А. Ахматова), «Мастер и Маргарита» (М.А. Булгаков), «Жизнь и судьба» (В.С. Гроссман) и т.д. Некоторые из них были написаны в самых суровых условиях и изданы только через десятки лет после создания.

Китайский народ, как и русский, тоже прошел через много бедствий. После образования КНР китайский народ пережил «антиправую борьбу и ее серьезное расширение» (8 июня 1957 г. – лето 1958 г.), а также последовавшие за этим «Три года стихийных бедствий» (1959–1961 гг.) и «Великую пролетарскую культурную революцию» (май 1966 – октябрь 1976). Как говорит писатель и профессор Китайского народного университет Янь Лянкэ, эта бурная история – не только новая история китайской нации, но и новая история страданий китайской нации¹¹⁴.

Однако некоторых радикальных китайских интеллектуалов огорчает то, что Китай не породил великих произведений, отражающих эти страдания. Оглядываясь на современную китайскую литературу, некоторые ученые, такие как Шэнь Дунцзы, Чжу Сюэцин, Чжоу Лунью, Ди Ма и другие, выражали одно и то же мнение: Китай и Россия обладают сходством в исторических процессах, идеологических основах и пережитых страданиях, почему же в Советском Союзе появился «Архипелаг ГУЛАГ», а в Китае нет подобного выдающегося произведения, нет своего «Архипелага ГУЛАГ»? Этот феномен стал общим размышлением этих интеллектуалов.

Известно, что литература тесно связана с политикой, экономикой, культурой и другими сферами социальной жизни. Однако, по мнению этих ученых, причина того, что в современной китайской литературе до сих пор не появился «Архипелаг ГУЛАГ», кроется не в социальной среде, а в творческом субъекте, так как в качестве предпосылки и отправной точки для сравнения они взяли «те же страдания» и «тот же ультралевый период».

Мнения ученых Ли Яна и Чжоу Цзэсюна являются репрезентативными.

¹¹⁴ Янь Лянкэ. Национальные страдания и литературные пробелы – Лекция на факультете востоковедения Кембриджского университета // Вестник Бохайского университета (Серия Философия и социальные науки). – 2009. – № 2. – С. 5-6. 阎连科. 民族苦难与文学的空白 – 在剑桥大学东方系的讲演. 渤海大学学报.

Обсуждая причины застоя китайской литературы в XX веке, Ли Ян считает, что главная причина заключается не во внешней объективной среде, а в слабости личности писателя¹¹⁵. Чжоу Цзэсюн отмечает: «С точки зрения достижений китайская литература в XX-м веке фактически пошла по нисходящей линии <...> Мы должны изучать успехи и неудачи китайской литературы в этом столетии внутри себя, а не снаружи. Я не хочу приводить различные нелитературные факторы, например, не буду анализировать причины отсутствия мастеров в области литературы после 1949 года исходя из конкретных исторических событий, таких как «антиправая кампания» и «культурная революция», потому что, во-первых, та же суровая внешняя среда <...> не помешала советским писателям написать «Доктора Живаго» и «Архипелаг ГУЛАГ», <...> или «Тихий Дон»; во-вторых, поиск внешних причин унижает достоинство литературы. <...> Достоинство литературного таланта никогда не желало быть зависимым или подчиненным другим силам, какими бы могущественными и жестокими они ни казались»¹¹⁶. По мнению ученых, надо искать причины в творческом субъекте современной китайской литературы, то есть в китайских писателях.

Анализируя причины, некоторые ученые считают, что сложившееся положение связано с тем, что современным китайским писателям не хватает присущего А.И. Солженицыну глубокого чувства самосозерцания, смелости повествования о страданиях и гуманистической озабоченности.

1) Глубокое чувство самосозерцания

Находясь под высоким давлением тоталитарного режима, в условиях жизни в трудовых лагерях, советско-русские писатели не задумывались о собственной безопасности и писали о реальной жизни и судьбах простых людей, оказавшихся под ударами времени. Они оставили в ту эпоху много примеров «неформальной» классики, сопоставимых с мейнстримной литературой.

¹¹⁵ Ли Ян. О механизме внутреннего износа развития китайской литературы XX века: размышление и наблюдение над субъектом творчества // Исследования по теории литературы. – 1999. – № 03. – С. 83-92. 李扬. 论二十世纪中国文学发展的内耗机制 – 对创作主体的一种反思与省察. 文艺理论研究. 1999年. 第3期. 第83-92页

¹¹⁶ Чжоу Цзэсюн. Обзор китайской литературы XX века // Форум социальных наук. – 2002. – № 4. – С. 38. 周泽雄. 20世纪中国文学的检讨. 社会科学论坛. 2002年. 第4期. 第38页

Эпоха, отраженная в «Архипелаге ГУЛАГ», имеет сходство с эпохой «антиправой борьбы» и «культурной революции» в Китае 1950–1970-х годов. Однако, по мнению части ученых, достижения современной китайской литературы не могут сравниться с достижениями русской и советской литературы. Они считают, что это происходит потому, что современным китайским писателям не хватает глубокого чувства самосозерцания.

Литературовед Сэ Юшунь отмечает: «В течение всего периода “культурной революции” никто тайно не написал ни одного произведения, отражающего совесть времени <...> спустя десятилетия после случившегося все еще <...> не смели взглянуть в лицо своему прошлому»¹¹⁷. Призывая к созданию «собственной духовной эпопеи китайского народа», Шэнь Дунцзы указывает, что «сможет ли китайская литература затронуть сердца читателей во всем мире, зависит, прежде всего, от того, испытывают ли китайские писатели боль, чувствуют ли они боль времени, могут ли они передать эту боль, обладают ли они чувством самосозерцания и ясными социальными идеалами». Исследователь считает, что необходимо «не только размышлять об обществе и истории, но и о своей душе»¹¹⁸. Ли Ян указывает, что несмотря на то, что между китайскими и советскими культурно-литературными веяниями и политикой всегда существовало чрезвычайное сходство, почему-то в Советском Союзе появился ряд шедевров, таких как «Тихий Дон», «Теркин на том свете», «Доктор Живаго», «Архипелаг ГУЛАГ», напрямую отражающих жизнь и судьбы реальных людей, а в Китае в тех же экзистенциальных обстоятельствах этого не произошло. Ученый задается вопросом, всерьез ли китайские писатели размышляют о том, что происходит с китайским народом?¹¹⁹ В одном интервью писатель Ю Фэнвэй говорит, что если бы в Китае появились такие произведения,

¹¹⁷ Сэ Юшунь. Наша трусость и бедность // Обзор художественной прозы. – 1998. – № 1. – С. 19. 谢有顺. 我们的怯懦与贫困. 小说评论. 1998年. 第1期. 第19页

¹¹⁸ Шэнь Дунцзы. В погоне за страданием // Свободная беседа о литературе. – 1993. – № 2. – С. 58. 沈东子. 追寻苦难. 文学自由谈. 1993年. 第2期. 第58页

¹¹⁹ Ли Ян. О механизме внутреннего износа развития китайской литературы XX века: размышление и наблюдение над субъектом творчества // Исследования по теории литературы. – 1999. – № 03. – С. 89. 李扬. 论二十世纪中国文学发展的内耗机制—对创作主体的一种反思与省察. 文艺理论研究. 1999年. 第3期. 第89页

как «Доктор Живаго», «Архипелаг ГУЛАГ», «Невыносимая легкость бытия» и «Сто лет одиночества», китайские писатели тоже могли бы получить Нобелевскую премию: «Проблема в том, что у нас этого нет <...> Говоря о нынешнем положении современной китайской литературы, я чувствую, что китайским писателям вроде бы не хватает духа самосозерцания»¹²⁰ – отмечает автор. Аналогичную точку зрения выражает также Чжоу Цзэсюн в своей статье: «все это зависит, в первую очередь, от искренности и глубины нашего самообвинения и самоанализа»¹²¹.

2) Смелость повествования о страданиях

Судьба А.И. Солженицына, как и многих писателей его поколения, сложилась неудачно. После начала Отечественной войны он был призван в армию. В 1945 году писатель был арестован за критику Сталина в письмах старому другу Николаю Виткевичу и приговорен к восьми годам лишения свободы. После отбытия срока наказания он был сослан в Казахстан, и лишь в 1956 году был освобожден. Однако арест и жизнь в лагере способствовали рождению великого писателя и произведения «Архипелаг ГУЛАГ».

Исследователь Се Юшунь отмечает: «Страдания на русской земле <...> дали русским писателям возможность выразить свою совесть <...>, те же горькие годы у нас не породили таких писателей, как Булгаков, Пастернак, Солженицын»¹²². Шэнь Дунцзы пишет: «Великие писатели любой эпохи не могут игнорировать боль времени и не должны использовать литературу как лодку, чтобы избежать реальности страданий <...> Для того чтобы писатель завоевал уважение мира, необходимы совесть и смелость. Такую совесть и мужество мы видели у Пастернака и Солженицына, у Сейферта и Милана Кундеры, у Гюнтера Грасса и Кэндзабуро Оэ. Напротив, китайские писатели того же поколения, кажется, больше интересовались тем, как писать, а не тем,

¹²⁰ Ю Фэнвэй, Хэ Сянъян. Литература и положение человека // Обзор современных писателей. – 1999. – № 2. – С. 11. 尤凤伟,何向阳. 文学与人的境遇. 当代作家评论. 1999年. 第2期. 第11页

¹²¹ Чжоу Цзэсюн. Обзор китайской литературы XX века // Форум социальных наук. – 2002. – № 4. – С. 38. 周泽雄. 20世纪中国文学的检讨. 社会科学论坛. 2002年. 第4期. 第38页

¹²² Се Юшунь. Наша трусость и бедность // Обзор художественной прозы. – 1998. – № 1. – С. 19. 谢有顺. 我们的怯懦与贫困. 小说评论. 1998年. 第1期. 第19页

что писать, и чаще всего не сталкивались с многовековыми страданиями народа»¹²³.

В «Архипелаге ГУЛАГ» А.И. Солженицын объединил страдания, пережитые им самим и русским народом. Его смелость повествования о страданиях – это то, чего не хватает современным китайским писателям. По мнению некоторых исследователей, это также одна из причин, почему в Китае во время и после «культурной революции» не было произведений, подобных «Архипелагу ГУЛАГ».

3) Гуманистическая озабоченность

Знаменитое произведение А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» положило начало «лагерной прозе» и внесло огромный вклад в продолжение и развитие глубокой традиции гуманизма в русской литературе второй половины XX века¹²⁴. Последующие его произведения, в том числе и «Архипелаг ГУЛАГ», все сияют блеском гуманизма. Отталкиваясь от собственного нелегкого жизненного опыта, А.И. Солженицын предлагал свои наблюдения и размышления о людях, жизни и обществе литературным способом и привносил личные заботы в плоскость общечеловеческой судьбы.

По мнению некоторых критиков, современным китайским писателям не хватает гуманистической озабоченности. Исследователь Гэн Чуаньмин пишет: «Осмысливая движения идеализма человечества в этом столетии, западная литература создала ряд литературных шедевров, став совестью времени: в Соединенных Штатах есть “Прощай, оружие” Хемингуэя, “Уловка-22” Джозефа Хеллера, “Бойня номер пять” Курта Воннегута, “Радуга тяготения” Томаса Пинчона и др.; в Великобритании есть “Скотный двор” и “1984” Джорджа Оруэлла, “Повелитель мух” Голдинга, “О дивный новый мир” Хаксли; в СССР – “Доктор Живаго” Пастернака, “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына, “Мастер и

¹²³ Шэнь Дунцзы. Почему китайские писатели до сих пор не были удостоены Нобелевской премии по литературе // Информация о публикации. – 1996. – № 3. – С. 34. 沈东子. 中国作家缘何至今与诺贝尔文学奖无缘. 出版广角. 1996年. 第3期. 第34页

¹²⁴ Лю Вэньфэй. Солженицын: жизнь и творчество // Изучение России. – 2020. – № 04. – С. 124-125. 刘文飞. 索尔仁尼琴: 生活与创作. 俄罗斯研究. 2020年. 第04期. 第124-125页

Маргарита” Булгакова; в Чехии – “Невыносимая легкость бытия” Милана Кундеры. А в Китае таких произведений пока не создавали <...> это напрямую связано с отсутствием у них (китайских писателей) трансцендентной ценностной заботы вне “эпохи”»¹²⁵. Ди Ма указывает, что русский народ – это народ с религиозными убеждениями и у русских писателей есть традиция допрашивать душу и выражать гуманистическую заботу. Поскольку у китайцев слабые убеждения в религии, писателям обычно не хватает такой традиции и способности¹²⁶. Чжоу Цзэсюн считает, что значительное число современных писателей заботятся только о своей репутации и личности, не интересуясь «народом». Когда эти писатели пишут, у них в мозгу отсутствует сознание «народа» и так называемое «сочувственное понимание»¹²⁷. Если писатели не могут почувствовать страдания «индивидуумов» в народе, то, естественно, не могут обратить внимания на человеческую природу в своем творчестве.

Вывод к параграфу 2.2.1: Вышеизложенное является размышлениями и призывом к современной китайской литературе со стороны части китайских ученых и интеллектуалов к созданию произведения, подобного «Архипелагу ГУЛАГ» А.И. Солженицына. Хотя в современном Китае нет произведения, которое имело бы такой же «вес», как «Архипелаг ГУЛАГ», однако, на размышления этих интеллектуалов появились отклики. В Китае были созданы «Память Цзябяньгоу» (2000) Ян Сяньхуэя, «К хаосу» (2001) Цун Вэйси, «Китай 1957» (2001) и «Может ли змея сама себя отравить» (2004) Ю Фэнвэя, в которых отражены размышления о «антиправой борьбе»; «Думы» (2009) Ба Цзиня о бедствиях, вызванных «культурной революцией» и т.д.

2.2.2 Влияние «Архипелага ГУЛАГ» на творчество Ян Сяньхуэя на примере книги «Памяти Цзябяньгоу»

Известный китайский писатель и критик Лу Синь сказал: «Русская

¹²⁵ <http://www.aisixiang.com/data/558.html>

¹²⁶ Ди Ма. Чего нам не хватает по сравнению с русскими писателями // Журнал Тунчжоу гунцзинь. – 2012. – № 05. – С. 57. 狄马. 我们比俄罗斯作家少了什么. 同舟共进. 2012年. 第5期. 第57页

¹²⁷ Чжоу Цзэсюн. Обзор китайской литературы XX века // Форум социальных наук. – 2002. – № 4. – С. 38. 周泽雄. 20世纪中国文学的检讨. 社会科学论坛. 2002年. 第4期. 第38页

литература – наш наставник и друг, потому что там мы увидели добрые души угнетенных, их горе и борьбу, мы сожгли надежду вместе с русскими произведениями 40-х годов, и мы грустим вместе с русскими произведениями 60-х годов»¹²⁸. В связи с продолжительной историей тесных культурных обменов между Китаем и Россией русская литература оказала глубокое влияние на китайскую литературу со времен «Движения четвертого мая» (1919 год).

В 1980-е годы с углублением политики реформ и открытости начинается расцвет переводов и распространения современной европейской и американской литературы. Под «натиском» западной литературы, русские и советские писатели, имевшие когда-то огромное влияние в Китае, постепенно исчезают из поля зрения китайской аудитории, и значение советско-русской литературы в Китае снижается. Модернистская литература Великобритании, США, Франции и даже произведения латиноамериканского магического реализма оказали на китайских писателей значительно большее воздействие, чем советско-русская литература. Но тем не менее влияние советско-русской литературы на современную китайскую литературу все же оставалось значительным, глубоко засев в сознании многих китайских писателей.

Современный китайский писатель Ян Сяньхуэй – один из тех, кто впитывал идеи русской и советской литературы. Как он говорил: «Русская литература оказала на меня глубокое влияние. Она серьезна и весома, изображенные в ней сцены грандиозны. И любовь писателя к жизни сильна»¹²⁹. Его документальный роман «Память Цзябяньгоу» называют китайским «Архипелагом ГУЛАГ».

1) Ян Сяньхуэй и его «Память Цзябяньгоу»

Ян Сяньхуэй родился в городе Ланьчжоу провинции Ганьсу в 1946 году. Он начал писать и публиковать произведения в 1980-х годах. Его произведение «Длинный пляж» было удостоено Восьмой китайской премии в области художественного рассказа в 1988 году. Но после этого Ян Сяньхуэй постепенно

¹²⁸ Лу Синь. Полное собрание сочинений. Т. 4. Пекин: Народная литература. 1982. С.460 鲁迅. 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 1982年. 第460页

¹²⁹ Сочинение – это процесс радости и печали: интервью с г-ном Ян Сяньхуэй. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.xuemo.cn/show.asp?id=13691>

сошел с основной литературной сцены. С 1990-х годов он неоднократно отправлялся в пустыню Гоби (северо-запад Китая, город Цзюцюань) для проведения исследований. После более чем десятилетнего «молчания» писателя выход «Памяти Цзябяньгоу» в 2000 году произвел фурор в обществе.

«Память Цзябяньгоу» – документальное произведение на тему «антиправой борьбы». На самом деле после окончания «культурной революции» появилось много исторических работ и мемуаров на эту тему, но большинство из них были написаны о крупных деятелях и важных событиях, произведений о простых людях было очень мало. «Память Цзябяньгоу» является произведением, в котором голос отдается пострадавшим из числа «маленьких людей». Его основное содержание – это трагическая судьба более 3000 «правых», находящихся в трудовом лагере Цзябяньгоу в конце 1950-х годов. Трудовой лагерь Цзябяньгоу расположен на краю пустыни в городе Цзюцюань провинции Ганьсу. Во время заключения политический удар, тяжелые психологические нагрузки, чрезвычайно суровые природные условия и голод, тяжелый физический труд поставили «правых» в Цзябяньгоу на грань жизни и смерти: некоторые из них питались крысами, дикими овощами, и даже чужой рвотой и плотью мертвецов¹³⁰.

Хотя «Память Цзябяньгоу» известна как «Китайский архипелаг ГУЛАГ», Ян Сяньхуэй ясно понимает разницу между своим произведением и произведением А.И. Солженицына. Писатель смиренно признается: «Я – песчинка, Солженицын – большая гора, нет никакой возможности для сравнения. Не говоря даже о содержании “Архипелага ГУЛАГ”, книга сама по себе очень толстая, а я написал всего лишь одну тоненькую брошюрку»¹³¹.

«Память Цзябяньгоу» состоит из независимых историй, полученных в результате многолетних бесед писателя с людьми, так или иначе связанными с

¹³⁰ Пэн Цизнься. Проста, весома и сильна: исследование языкового стиля «Памяти Цзябяньгоу» Ян Сяньхуэя // Передовая. – 2012. – № 16. – С. 159. 彭金祥. 朴实厚重,力透纸背—杨显惠“命运三部曲”语言风格研究. 前沿. 2012年. 第16期. 第159页

¹³¹ Сочинение – это процесс радости и печали: интервью с г-ном Ян Сяньхуэй. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.xuemo.cn/show.asp?id=13691>

событиями, описанными в произведении. В ходе повествования Ян Сяньхуэй иногда использует третье лицо для непосредственного рассказа, иногда повествование ведется попеременно то от первого, то от третьего лица. Первоначально рассказы «Памяти Цзябяньгоу» были опубликованы в журнале «Шанхайская литература и искусство» в 2000 году, затем были собраны и изданы Тяньцзиньским издательством древних книг, Шанхайским издательством литературы и издательством Хуачэн в 2002, 2003 и 2008 годах соответственно. Объем книги не превышает 300 тысяч китайских иероглифов. «Архипелаг ГУЛАГ» создан на основе личного опыта А.И. Солженицына, воспоминаний, записей и писем сотен людей и официальных документов. Перевод книги на китайский язык составляет почти 1,4 миллиона слов. По объему и широте охватываемой истории произведение Ян Сяньхуэя несравнимо с «Архипелагом ГУЛАГ». Однако эти две работы имеют сходное значение и ценность в истории человеческих страданий.

2) Влияние «Архипелага ГУЛАГ» на «Память Цзябяньгоу»

В одном интервью, когда Ян Сяньхуэя спросили, повлиял ли на создание «Памяти Цзябяньгоу» «Архипелаг ГУЛАГ», писатель ответил: «Безусловно есть влияние. Я перечитывал «Архипелаг ГУЛАГ» и «Доктора Живаго» снова и снова. На мой взгляд, вес всех китайских писателей вместе взятых не так велик, как вес автора «Архипелага ГУЛАГ»»¹³². На вопрос, на чем основано сходство с произведением А.И. Солженицына, Ян Сяньхуэй ответил: «Солженицын осмелился писать о страданиях народа, и я подумал, что тоже смогу. Что касается мастерства и творческого метода, то я не изучил ни одной из его техник»¹³³.

Первый аспект влияния: миссия исторического свидетельства.

В 1982 году издательство «Масса» опубликовало произведение «Архипелаг ГУЛАГ», которое потрясло китайских читателей, в том числе, конечно, и Ян Сяньхуэя. Писатель когда-то рассказывал другу, что несколько раз прочитал

¹³² Сочинение – это процесс радости и печали: интервью с г-ном Ян Сяньхуэй. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.xuemo.cn/show.asp?id=13691>

¹³³ Там же.

«Архипелаг ГУЛАГ» и самое большое влияние на него оказала заложенная в произведении «историческая память»¹³⁴.

Действительно, «Архипелаг ГУЛАГ» – это память, которую А.И. Солженицын оставил народам всего мира о трагической истории, пережитой русским народом в условиях тоталитарного режима. Десять лет Солженицын собирал материал и работал над произведением в крайне тяжелых условиях. В автобиографии он писал: «До ареста я тут многого не понимал. Неосмысленно тянул я в литературу, плохо зная, зачем это мне и зачем литературе <...> Страшно подумать, что б я стал за писатель (а стал бы), если б меня не посадили. <...> С ареста же, года за два тюремно-лагерной жизни, изнывая уже под горами тем, принял я как дыхание, понял как все неоспоримое, что видят глаза: не только меня никто печатать не будет, но строчка единая мне обойдется ценой в голову. Без сомнения, без раздвоения вступил я в удел современного русского писателя, озабоченного правдой: писать надо только для того, чтоб об этом обо всем не забылось, когда-нибудь известно стало потомкам. При жизни же моей даже представления такого, мечты такой не должно быть в груди – напечататься»¹³⁵. То, что, А.И. Солженицын хотел, чтобы «когда-нибудь известно стало потомкам» – это и есть память и правда истории. И в этом же заключается его ощущение миссии как писателя – он должен свидетельствовать об истории.

Отношение А.И. Солженицына к исторической правде и чувство миссии свидетельствовать об истории в «Архипелаге ГУЛАГ» в определенной степени повлияло на творчество Ян Сяньхуэя и его взгляд на историю.

На раннем этапе творчества Ян Сяньхуэя, то есть в 1980-е годы, содержанием и темами его произведений были труд и любовь: он писал о жизни образованной молодежи, направляемой в деревню, о жизни рыбаков. Но затем он стал обращаться к историческим темам: истории народа и страданиям народа. Этот поворот начался с «Памяти Цзябяньгоу».

¹³⁴ Ян Гуанцзу. О писателе Ян Сяньхуэе // Обзор Янцзы. – 2012. – № 2. – С. 23. 杨光祖. 杨显惠论. 扬子江评论. 2012年. 第2期. 第23页

¹³⁵ Солженицын. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. М.: Согласие. 1996. С.10

Ян Сяньхуэй говорил, что его книга предназначена для тех, у кого нет «истории». Основным событием, отраженным в «Памяти Цзябяньгоу», является «антиправая борьба» и ее расширение с конца 1950-х по начало 1960-х годов. В этой политической катастрофе политическое давление привело к «отчуждению» людей, их душа стала холодной и жестокой от страха и обостренного чувства самосохранения, и человеческая природа была сильно искажена. Однако с течением времени эта часть истории постепенно «забывается» писателями, историками и даже теми, кто пережил это время. Литературовед Ян Гуанцзу указывает, что «китайцы легко забывают историю и часто рассматривают жестокую историю как предмет разговора после ужина или средство развлечения. Например, в фильмах <...> в сериалах <...> часто не хотят или боятся смотреть в лицо истории, а делают все возможное, чтобы сделать ее средством развлечения, потребления и вульгаризировать»¹³⁶. Таким образом, Ян Сяньхуэй пытается «восстановить» поток длинной реки истории и оставить что-то будущим поколениям, которые не переживали этот исторический период. «Я думаю, что нехудожественная литература может записывать историю по-настоящему. Ее ценность и значение заключаются не в сегодняшнем, а в завтрашнем дне. Если не будет нехудожественной литературы, то в будущем люди будут рассматривать искаженную историю в художественной литературе как официальную и настоящую историю. В этом случае для нашего народа нет абсолютно никакой надежды»¹³⁷.

Ян Сяньхуэй считает, что должно осмыслить эту «искаленную» историю, а затем изучить и подвергнуть критике неправильный путь, по которому пошла наша страна, чтобы трагедия никогда не повторилась. Он говорил: «В истории нашей республики 1950-х годов еще много пробелов, которые необходимо отразить в нашей литературе, таких как земельная реформа, сельскохозяйственная кооперация, народные коммуны. Конечно, на эти темы с

¹³⁶ Ян Гуанцзу. О писателе Ян Сяньхуэ // Обзор Янцзы. – 2012. – № 2. – С. 23. 杨光祖. 杨显惠论. 扬子江评论. 2012年. 第2期. 第23页

¹³⁷ «Хроники Ганьяна» Ян Сяньхуэ: я не могу придумывать истории, а просто правдиво записываю ее. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.tibetcul.com/news/wx/1364.html>

1949 по 1966 годы было издано множество литературных произведений, но в этих произведениях присутствует масса исторических недочетов из-за ограниченности знания истории. Сегодняшним писателям, стоящим на пороге нового времени, необходимо переосмыслить тот период истории, <...> рассказать читателям о реальной истории и вернуть истории ее истинное лицо»¹³⁸.

И А.И. Солженицын, и Ян Сяньхуэй надеются зафиксировать в литературе политические катастрофы, произошедшие в нашей истории, чтобы осмыслить ошибки и избежать повторения подобных катастроф.

Второй аспект влияния: ответственность свидетельства о пострадавших.

А.И. Солженицын был не только писателем, но и пострадавшим и выжившим при тоталитарном правлении. Пережив большие страдания эпохи и страны, писатель мужественно выстоял в этих страданиях и посвятил миру «Архипелаг ГУЛАГ», содержащий в себе гуманистическую озабоченность.

«Архипелаг ГУЛАГ» начинается пронзительным эпитафией: «Посвящаю всем, кому не хватило жизни об этом рассказать. И да простят они мне, что я не все увидел, не все вспомнил, не обо всем догадался»¹³⁹. Иными словами, это было чувство долга А.И. Солженицына перед бесчисленными жертвами.

Полагаясь на свое необычайное мужество и чувство моральной ответственности, А.И. Солженицын по совести записывает историю «отличную» от официальной. Будучи свидетелем и выжившим в советском трудовом лагере, писатель жил не для себя, а для погибших жертв. Как он говорил: «Однако я не имел права считаться с личной точкой зрения и что обо мне подумают <...>, а лишь из того исходить постоянно, что я – не я, и моя литературная судьба – не моя, а всех тех миллионов, кто не доцарапал, не дошептал, не дохрипел своей тюремной судьбы, своих поздних лагерных

¹³⁸ Люй Дунлян, Ян Сяньхуэй. Интервью с Ян Сяньхуэем // Обзор художественной прозы. – 2012. – № 1. – С. 70-71. 吕东亮, 杨显惠. 为时代立心, 为生民立命-杨显惠访谈录. 小说评论. 2012年. 第1期. 第70-71页

¹³⁹ Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956: Опыт художественного исследования. Часть I-II. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022.

открытий»¹⁴⁰.

Именно такое чувство ответственности за описание страданий и свидетельство о пострадавших дало Ян Сяньхуэю смелость и силу: «Солженицын осмелился написать о страданиях народа, и я подумал, что тоже смогу»¹⁴¹.

Хотя Ян Сяньхуэй никогда не переживал политических катастроф, жизненный опыт, полученный в молодости, произвел на него глубокое впечатление. В 1960-е годы Ян Сяньхуэй, как и многие представители интеллигенции, после окончания средней школы поехал на ферму в провинции Ганьсу по призыву правительства. Такие интеллигенты имеют общее название – «чжиши циннянь» или «чжицин», то есть «образованная молодежь». После образования Китайской Народной Республики для решения проблемы занятости в городах с середины 1950-х годов стали организовывать переезд молодежи из городов в сельскую местность, особенно в отдаленные сельские районы, для создания фермерских хозяйств. Подавляющее большинство из числа этой «образованной молодежи» получили образование начальной или средней школы, и лишь незначительное меньшинство поступило в высшие учебные заведения.

Когда Ян Сяньхуэй был на ферме в сельской местности, от директора фермы и нескольких «правых» он узнал о трудовом лагере Цзябяньгоу, где содержались «правые» заключенные и было больше всего погибших. Как ему стало известно позже, после завершения «культурной революции», когда «правые» были реабилитированы, по данным официальной статистики количество «правых» в Цзябяньгоу составляло 2400 человек, 40 % из которых вернулись живыми. Но те, кто работал в трудовом лагере и выжил, сказали ему, что их число на самом деле составляло 3000 человек, выживших при этом было менее 500 человек. И с тех пор Ян Сяньхуэй стал уделять пристальное внимание

¹⁴⁰ Солженицын. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. М.: Согласие. 1996. С.51

¹⁴¹ «Хроники Ганьнаня» Ян Сяньхуэя: я не могу придумывать истории, а просто правдиво записываю ее. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.tibetcul.com/news/wx/1364.html>

событиям того времени и людям, связанным с ними. Он посещал их, расспрашивал о них и беседовал с ними.

Рассказы выживших «правых» вызвали у Ян Сяньхуэя сильное потрясение, так что спустя много лет, в 1997 году он начал расследовать инцидент в Цзябяньгоу. Чтобы понять историческую правду, Ян Сяньхуэй раз в год возвращался в провинцию Ганьсу за свой счет и тратил 2–3 месяца на посещение выживших и управленческого персонала того времени. Из-за деликатности темы писатель не смог получить финансирование, но он все же продолжал собирать материал, беседовать и за три года посетил более сотни выживших в Цзябяньгоу. Как говорил сам писатель: «хотел выяснить, что там произошло на самом деле»¹⁴². Но процесс сбора данных был полон трудностей, поскольку в настоящее время не так много людей знают эту историю, и большинство выживших ушли из жизни, а выжившее меньшинство держит язык за зубами.

В процессе сбора информации страдания и зло, произошедшие в Цзябяньгоу, постепенно стали ясны в представлении Ян Сяньхуэя. Как интеллигент и серьезный писатель, он осознал, что свидетельствовать об истории и жертвах – это ответственность, от которой нельзя уклоняться. Именно поэтому он зафиксировал эти национальные травмы и человеческие катастрофы, такие как «антиправая кампания», «Великий голод», «культурная революция» и т.д., которые намеренно «игнорировались» в современной мейнстримной литературе материкового Китая. Как считает писатель, «в истории китайского общества случилось такое большое событие, а наша современная литература его не показала, такого не должно быть». Его цель – «оставить несколько полезных страниц для будущих исследователей истории»¹⁴³.

Ян Сяньхуэй позволил нам снова увидеть тот период истории, полный

¹⁴² Сун Сюэцин. Историческое повествование и литературная реконструкция в «Памяти Цзябяньгоу» // Вестник Хайнаньского педагогического университета (серия Социальные науки). – 2016. – № 11. – С. 38. 宋学清. 《夹边沟记事》中的历史叙事与文学重构. 海南师范大学学报(社会科学版). 2016年. 第11期. 第38页

¹⁴³ Углубление в историю: Интервью с Ян Сяньхуэем, автором книги «Детский дом Динси». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://news.cctv.com/performance/20070730/114915.shtml>

страданий, и прозвучал тревожный сигнал для современных людей. Чтобы не допустить повторения подобных трагедий и страданий, мы можем лишь мужественно оглянуться на прошлое и объективно осмыслить и оценить его. «Я надеюсь, что такая трагедия никогда больше не повторится, и я хотел бы утешить эти души, спящие в пустыне: история не забудет Цзябяньгоу. Забота об истории наших предшественников – это забота о себе»¹⁴⁴.

Вывод к параграфу 2.2.2: И «Архипелаг ГУЛАГ», и «Память Цзябяньгоу» литературным образом вмешиваются в историю, восстанавливают и реконструируют историю страданий китайского и русского народов в особые исторические периоды. Как сказал американский литературовед Эдвард Саид, интеллигенция должна «представлять коллективные страдания своего народа, свидетельствовать о его невзгодах, вновь подтверждать их непреходящее существование и укреплять память о них»¹⁴⁵. Это чрезвычайно важная задача для интеллигенции, ее выполнили как А.И. Солженицын, так и Ян Сяньхуэй.

¹⁴⁴ Ян Сяньхуэй. Память Цзябяньгоу. Тяньцзинь: Издательство древних книг Тяньцзиня. 2002. С.356. 杨显惠. 夹边沟记事. 天津: 天津古籍出版社. 2002年. 第356页

¹⁴⁵ Эдвард Саид. Представления интеллектуала. Переводчик Шань Дэксин. Пекин: Жизнь · Чтение · Новые знания · Книжный магазин Санлиан. 2002. С.41. 萨义德. 知识分子论. 单德兴译. 北京: 生活·读书·新知三联书店. 2002年. 第41页

Глава 3. Творчество С.А. Алексиевич в китайском литературоведении

3.1. Восприятие творчества С.А. Алексиевич в Китае

Книга С.А. Алексиевич «У войны не женское лицо» была впервые переведена на китайский язык и издана в 1985 году. Следует отметить, что произведение не вызвало большого резонанса среди критиков и читающей публики, писательница была еще малоизвестна. Долгое время творчество писательницы рассматривалось исключительно как составная часть советской военной прозы. Однако после присуждения ей Нобелевской премии в 2015 году популярность произведений С.А. Алексиевич резко возросла не только среди читателей, но и в научных кругах. Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью проследить историю переводов произведений С.А. Алексиевич в Китае и определить аспекты научного интереса к творчеству писательницы в китайских академических кругах, что позволит углубить понимание ее творчества и будет способствовать дальнейшим исследованиям в данном направлении.

В процессе работы были поставлены следующие задачи: изучить историю переводов произведений С.А. Алексиевич в Китае; выявить степень интереса к творчеству писательницы в периоды до и после присуждения ей Нобелевской премии; проанализировать научные исследования, посвященные творчеству С.А. Алексиевич в Китае, и выявить основные аспекты данных научных исследований. Для решения поставленных задач используются культурно-исторический и биографический методы исследования.

Переводы произведений С.А. Алексиевич

История переводов произведений С.А. Алексиевич в Китае началась в 1985 году. К 2016 году все пять книг «Красного цикла» были переведены на китайский язык. Публикация переводов книг С.А. Алексиевич приведена в таблице 3.

Таблица 3.

Статистика публикаций переводов произведений С. Алексиевич

Год публикации перевода	Произведение	Переводчик	Издательство/ журнал	Перевод названия произведения
1985	У войны не женское лицо	Люй Нинсы 吕宁思	Издательство Куньлунь 昆仑出版社	战争中 没有 女性
1991	Последние свидетели (перевод отрывки)	Ли Чжэньцзы 李真子	Журнал «Советская литература» 《苏联文学 (联刊)》	最后的 见证 人
1993	Последние свидетели (перевод отрывки)	Дэн Шупин 邓蜀平	Чунцинское издательство 重庆出版社	最后的 见证 人
1993	У войны не женское лицо (перевод отрывки)	Дэн Шупин 邓蜀平	Чунцинское издательство 重庆出版社	战争的 面孔 不是 女性的
1995	Цинковые мальчики (перевод отрывки)	У Ланьхань 乌兰汗	Журнал «Мировая литература» 《世界文学》	锌皮 娃娃 兵
1999	Цинковые мальчики	У Ланьхань 乌兰汗	Издательство Куньлунь 昆仑出版社	锌皮 娃娃 兵
1999	Чернобыльская молитва	Тянь Давэй	Издательство Куньлунь	切尔 诺贝 利

		田大畏	昆仑出版社	的祈祷（未来的记事）
2012	Чернобыльская молитва	Ван Тяньтянь 王甜甜	Издательство Феникс 凤凰出版社	切尔诺贝利的回忆：核灾难口述史
2014	Чернобыльская молитва	Фан Цзифан, Го Чэнье 方祖芳、郭成业	Издательство ХуаЧэн 花城出版社	我不知道该说什么，关于死亡还是爱情：来自切尔诺贝利的声音
2014	Цинковые мальчики	Гао Ман 高莽	Издательство Цзючжоу 九州出版社	锌皮娃娃兵
2015	Чернобыльская молитва	Фан Цзифан, Го Чэнье 方祖芳、郭成业	Издательство ХуаЧэн 花城出版社	切尔诺贝利的悲鸣
2015	У войны не женское лицо	Люй Нинсы 吕宁思	Издательство Цзючжоу 九州出版社	我是女兵，也是女人
2015	Последние свидетели	Цинлан Ли Хань 晴朗李寒	Издательство Цзючжоу 九州出版社	我还是想你，妈妈
2016	Время секунд хэнд	Люй Нинсы 吕宁思	Издательство Чжунсинь	二手时间

			中信出版社	
2018	Чернобыльская молитва	Сунь Юэ 孙越	Издательство Чжунсинь 中信出版社	切尔诺贝利 的祭祷

Таким образом, перевод произведений автора длился в целом более тридцати лет. Историю переводов можно разделить на два этапа. **Первый этап охватывает 1985-1999 гг.** Первая книга «Красного цикла» «У войны не женское лицо» была переведена Люй Нинсы в 1985 году (Пекин: Куньлунь). Книга была издана в серии «Зарубежная военная литература». Люй Нинсы, ставший первым переводчиком книг писательницы, в одном из интервью рассказывал о мотивах и причинах, которые заставили его обратиться к данному тексту. В 1984 году Люй Нинсы только начал работать редактором и журналистом. Однажды, когда он просматривал советский журнал «Октябрь», его внимание привлекло непривычное для читателя название книги, в котором сочетались слова «война» и «женщина». Чуткий и острый взгляд журналиста сразу выделил из потока работу, которую нужно немедленно прочитать. Таким образом, китайский журналист высоко оценил оригинальность и художественную значимость текстов писательницы за тридцать лет до присуждения ей самой известной литературной премии мира.

Стоит отметить, что в заочном знакомстве с белорусской писательницей определенную роль сыграли биография и жизненный опыт Люй Нинсы. В возрасте 17 лет он служил в армии и изучал русский язык. В 1977 году поступил в университет, а после его окончания пошел в журналистику.

Следствием публикации творчества С.А. Алексиевич на китайском языке стала ее популярность в Китае. Позднее книги писательницы оказались предметом изучения в китайском литературоведении.

В 1991 году отрывок «Последних свидетелей», переведенный Ли Чжэньцзы, был опубликован в китайском журнале «Советская литература» (журнал в 1994 году был переименован в «Русская литература и искусство» и является одним

из авторитетных журналов в области русского литературоведения и искусствоведения).

В 1993 году отрывки «Последних свидетелей» и «У войны не женское лицо» в переводе Дэн Шупина были изданы в серии «Библиотека мировой антифашистской литературы, том 8, СССР» (Чунцин: Чунцин). Нужно отметить, что в данную серию включен также ряд работ известных советских писателей: М.А. Шолохова, А.А. Фадеева, И.Г. Эренбурга, К.М. Симонова и т. д.

В 1995 году к 50-летию Победы в антифашистской войне отрывки «Цинковых мальчиков» в переводе известного русиста Гао Мана (1926-2017 гг.) (под псевдонимом У Ланьхань) были опубликованы в китайском журнале «Мировая литература». Гао Ман является ведущей фигурой в области перевода русской советской литературы. Он познакомился со С.А. Алексиевич в 1989 г., когда вместе с делегацией советских писателей она посетила Китай. Рассказ писательницы о ее творческом процессе, о стремлении к раскрытию истины в документальной литературе произвел на Гао Мана сильное впечатление.

В 1999 году, спустя четыре года после первой встречи со С.А. Алексиевич, Гао Ман завершил полный перевод произведения «Цинковые мальчики», который вместе с «Чернобыльской молитвой» в переводе Тянь Давэя был включен в сборник книг писательницы на китайском языке и издан в серии «Новая русская литература». Это событие ознаменовало собой завершение первого этапа истории переводов произведений С.А. Алексиевич на китайский язык.

Второй этап охватывает 2012-2018 гг. В 2012 и 2014 годах появились две новые версии переводов «Чернобыльской молитвы», которые были выполнены Ван Тяньтянем, Фан Цзуфаном и Го Чэнье. Стоит отметить, что эти две версии были переведены с английского языка.

В 2014 году по просьбе редактора книжной компании Моте переводчик Ли Шудун (под псевдонимом Цинлан Ли Хань) сверил «Цинковых мальчиков» в переводе Гао Мана с последней версией на русском языке. Далее «Цинковые мальчики» были переизданы издательством «Цзючжоу». По словам

переводчика, в процессе сверки произведение С.А. Алексиевич глубоко тронуло его. Читая рассказы выживших о их переживаниях во время войны, он испытал сильное потрясение.

В 2015 году издательство «Цзючжоу» опубликовало первый полный перевод «Последних свидетелей» (пер. Цинлан Ли Хань) и новый перевод книги «У войны не женское лицо» (пер. Люй Нинсы).

В 2016 году издательство «Чжунсинь» выпустило «Время секунд хэнд» в переводе Люй Нинсы. Ставший главным редактором и заместителем директора “Phoenix InfoNews Channel” (новостного канала Гонконгского телевидения), Люй Нинсы вновь выступил в роли переводчика произведения С.А. Алексиевич. Новая книга писательницы потрясла переводчика. По его словам, перевод этой книги – это историческая ответственность. В процессе перевода он стремился использовать простой язык, чтобы читатели лучше поняли описанную эпоху.

В 2018 году появилась новая версия перевода «Чернобыльской молитвы» (Пекин: Чжунсинь). Переводчиком данного варианта является Сунь Юэ, который в одном из своих интервью утверждал, что версии 2012 г. и 2014 г., первоисточником которых послужили издания на английском языке, вследствие такого опосредованного перевода содержат неточности, в них можно заметить пропуски фрагментов текста и ошибки смыслового характера. Данное обстоятельство и послужило причиной организации повторного перевода.

Изучая историю переводов произведений С.А. Алексиевич в Китае, отметим, что первый этап (1985-1999 гг.) длился пятнадцать лет. За это время были изданы только три книги писательницы: «У войны не женское лицо», «Цинковые мальчики» и «Чернобыльская молитва». Из «Последних свидетелей» появились лишь переводы отрывков. После первого этапа за более чем десять лет в Китае не появилось ни одного нового перевода, несмотря на то, что прозаик много раз редактировала и переиздавала свои произведения и к этому времени получила известность на Западе. Только в 2012 году начался второй этап «китайской истории» С.А. Алексиевич. В связи с повышенной популярностью и номинацией на Нобелевскую премию по литературе в 2013

году количество изданий произведений литератора стремительно росло. Возрастало внимание к ее творчеству и со стороны ученых-литературоведов. Подводя итог, можно констатировать, что с 2012 г. по 2018 г. творчество С.А. Алексиевич, включающее все книги «Красного цикла», стало полностью известно китайскому читателю.

Научное изучение творчества С.А. Алексиевич

Исходя из приведенного выше обзора, изучение творчества писательницы очевидным образом распадается на два периода: этап начального исследования (до присуждения Нобелевской премии) и этап углубленного исследования (после этого события).

До присуждения Нобелевской премии китайская читательская аудитория и ученые были недостаточно хорошо знакомы с писательницей и ее творчеством, несмотря на то, что четыре ее произведения уже были переведены на китайский язык. Первыми исследователями творчества писательницы можно считать китайских переводчиков, авторов предисловий, послесловий к переводам. Так, Люй Нинсы в послесловии к переводу книги «У войны не женское лицо» (1985 г.) дает краткое представление об особенностях жанра «документальной прозы», высоко оценивая выбранную беллетристкой женскую точку зрения в повествовании, что способствует полному раскрытию проблемы жестокости войны. Гао Ман в предисловии к сборнику «Цинковые мальчики» (1999 г.) подробно знакомит китайскую аудиторию с контекстом времени творчества С.А. Алексиевич, раскрывает особенности жанра документальной прозы, указывает на ценность прозы как «документа» времени, отмечает специфику понятия «подлинность текста». Обращаясь к произведениям писательницы, в большинстве случаев к произведению «У войны не женское лицо», китайские исследователи отмечают, что книги С.А. Алексиевич соответствуют жанрово-стилевому руслу развития советской военной и документальной прозы. Рассмотрению общих вопросов развития советской литературы и места в ней С.А. Алексиевич посвящены статьи китайских литературоведов Чэнь Цзинюна

«Советская документальная литература на тему войны»¹⁴⁶, Чжан Цзе «Документальность и вымысел в современной советской прозе»¹⁴⁷, Ли Хаочжи «Художественный процесс советской литературы о Великой Отечественной войне»¹⁴⁸, Хоу Вэйхуна «Развитие литературы о Великой Отечественной войне в современном обществе»¹⁴⁹.

В целом до 2015 года творчество С.А. Алексиевич лишь упоминается в вышеуказанных научных источниках, более глубокие исследования с детальным изучением творческого метода писательницы отсутствуют.

Этап углубленного исследования начинается в 2015 году, после присуждения С.А. Алексиевич Нобелевской премии в области литературы. Это событие вызвало оживленные дискуссии по всему миру и, в частности, в Китае. Пресса немедленно и бурно отреагировала на эту новость. Анализируя содержание произведений и их жанровые особенности, исследователи отмечали, что С.А. Алексиевич «записывала судьбы человечества с помощью силы правды»¹⁵⁰ и что «такой подход к творчеству и ее уникальный женский взгляд ценны для изучения специфики описания того времени и развития документальной литературы»¹⁵¹. Некоторые авторы высоко оценивали жанровую специфику произведений писательницы и рассматривали вручение Нобелевской премии С.А. Алексиевич как «победу писателей нон-фикшн»¹⁵². Одни полагали, что писательница «подняла документальную литературу на новый уровень»¹⁵³. Другие усматривали в творчестве С.А. Алексиевич традиции

¹⁴⁶ 陈敬咏. 苏联战争题材的纪实文学 // 当代外国文学. 1987. 第 02 期 (Чэнь Цзинюн. Советская документальная литература на тему войны // Современная зарубежная литература. 1987. № 02).

¹⁴⁷ 张捷. 当代苏联小说中的纪实与虚拟 // 文艺评论. 1988. 第 02 期 (Чжан Цзе. Документальность и вымысел в современной советской прозе // Современная зарубежная литература. 1988. № 02).

¹⁴⁸ 黎浩智. 苏联卫国战争文学的艺术历程 // 外国文学评论. 1995. 第 03 期 (Ли Хаочжи. Художественный процесс советской литературы о Великой Отечественной войне // Обзор зарубежной литературы. 1995. № 03).

¹⁴⁹ 侯纬红. 卫国战争文学的当代发展 // 文艺理论与批评. 2015. 第 04 期 (Хоу Вэйхун. Развитие литературы о Великой Отечественной войне в современном обществе // Литературная теория и критика. 2015. № 04).

¹⁵⁰ 陈亮. 阿列克西耶维奇: 用直面真实的力量记录人类的命运. 2015 年 (Чэнь Лян. Алексиевич: запись судьбы человечества без страха смотреть в лицо реальности. 2015. URL: https://culture.ifeng.com/a/20151008/44797144_0.shtml).

¹⁵¹ 李婧璇. 描绘世界, 也书写历史 // 中国新闻出版广电报. 2015 年 10 月 16 日第 005 版 (Ли Цзинсюань. Изображение мира и описание истории // Газета радио и телевидения издания китайской прессы. 2015. 16 октября).

¹⁵² 路艳霞, 陈涛. 非虚构写作者的一次胜利 // 北京日报. 2015 年 10 月 9 日第 012 版 (Лу Янься, Чэнь Тао. Победа писателя «нон-фикшн литературы» // Пекинская газета. 2015. 9 октября).

¹⁵³ 傅小平. 《非凡》的作家, 不一样的《非虚构》 // 文学报. 2015 年 10 月 15 日第 002 版 (Фу Сяопин.

русской литературы, отмечая, что писательница «продолжает славу русской литературы»¹⁵⁴. Кроме положительных мнений о писательнице и ее творчестве, существовали и отрицательные. В некоторых статьях встречаем высказывания о том, что «творчество Алексиевич не является типичным для русской литературы», «эта победа не принадлежит глубокой русской литературе»¹⁵⁵, «(присуждение ей Нобелевской премии) очень странно и спорно»¹⁵⁶, в ее произведениях наблюдается «избыток женских субъективных эмоций», перед нами «переоцененные женские документальные произведения»¹⁵⁷ (黎杰俊, 2015). Хотя люди по-разному относились к награждению писательницы Нобелевской премией и к ее творчеству, в целом положительных высказываний было больше, чем отрицательных.

В приведенной ниже Таблице 4 показывается количество опубликованных научных статей и магистерских диссертаций, исследующих творчество С.А. Алексиевич. Данные получены из крупнейшей китайской базы данных CNKI (China National Knowledge Infrastructure. URL: <https://www.cnki.net/>). Собранные данные охватывают период с октября 2015 года по июль 2022 года.

Таблица 4.

Статистика количества научных статей и магистерских диссертаций, посвященных С.А. Алексиевич (при условии поиска – слово «Алексиевич»)

Год	Количество статей в журналах	Количество магистерских диссертаций	Итого
С октября 2015 г. по декабрь 2015 г.	19	0	19
2016	40	0	40

«Необыкновенный» писатель, своеобразная «нон-фикшн литература» // Литературная газета. 2015. 15 октября).
¹⁵⁴ 于清明. 阿列克谢耶维奇: 续写俄语文学辉煌. 2015 (Юй Цинмин. Алексиевич: продолжение блеска русской литературы. 2015. URL: <https://www.toutiao.com/article/6203716325018878465/>).

¹⁵⁵ 王彦. 这一次, 俄语系文学却没胜利 // 文汇报. 2015年10月9日第001版 (Ван Янь. На этот раз победа не принадлежит русской литературе // Вэй Хуэй. 2015. 9 октября).

¹⁵⁶ 柏林. 专家谈阿列克谢耶维奇获奖: 很奇怪, 争议性很大 // 新京报. 2015年10月9日第001版 (Бо Лин. Эксперты о награждении С. Алексиевич Нобелевской премией: странно и спорно // Синьцзин. 2015. 9 октября).

¹⁵⁷ 黎杰俊. 阿列克谢耶维奇: 当纪实作品过于情感化 // 文学报. 2015年11月5日第23版 (Ли Цзецзюнь. С. Алексиевич: когда документальная проза переполнена эмоцией // Литературная газета. 2015. 5 ноября).

2017	13	6	19
2018	11	4	15
2019	7	11	18
2020	6	1	7
2021	9	2	11
2022	6	1	7
Итого	111	25	136

Информация, представленная в Таблице 1, свидетельствует о том, что в связи с «ореолом Нобелевской премии» в 2015 и 2016 годах китайские ученые стали уделять больше внимания творчеству С.А. Алексиевич. Кроме того, по приблизительной статистике, охватывающей тематику научных статей, среди пяти книг «Красного цикла» наибольший интерес вызывают «Чернобыльская молитва» и «У войны не женское лицо».

Новость о вручении Нобелевской премии С.А. Алексиевич также способствовала расширению исследований документальной литературы и ее развитию в Китае. В 1980-х годах понятие «нон-фикшн литература» уже бытовало в китайских академических кругах, однако только в 2012 году, когда китайский журнал «Народная литература» открыл специальную рубрику «нон-фикшн», последняя получила официальное признание. Факт присуждения писателю «нон-фикшн» Нобелевской премии в 2015 году дал сильный импульс к дальнейшему изучению этого явления. Согласно статистике, количество научных статей в CNKI, посвященных темам «документальной литературы» или «нон-фикшн литературы» (Рисунок 1), неуклонно растет, что подтверждает факт повышения научного интереса к этому феномену.

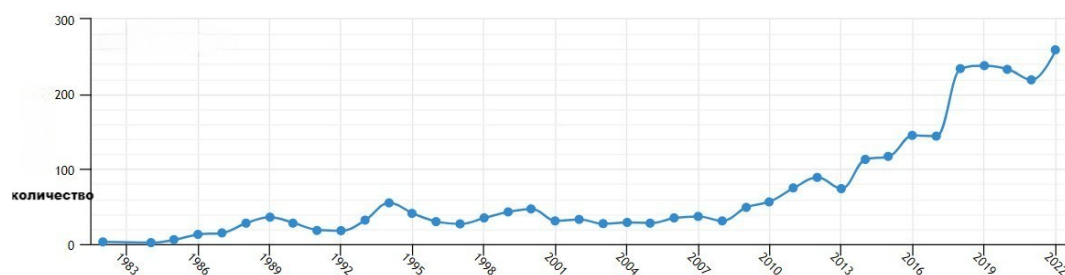

Рисунок 1. Количество публикаций, посвященных «нон-фикшн» в динамике

(при условии поиска – слово «нон-фикшн» или «документальная проза»)

Далее более подробно рассмотрим некоторые аспекты исследования китайскими литературоведами творчества С.А. Алексиевич.

Специфика жанра документальной прозы С.А. Алексиевич – один из наиболее дискуссионных вопросов. Некоторые китайские ученые рассматривают творчество С.А. Алексиевич как новый этап в развитии русской литературы, акцентируя внимание на уникальности воплощения особенностей жанра. Так, литературовед Тянь Хунмин видит особенности индивидуального подхода писательницы в том, что «опираясь на устные свидетельства очевидцев, она создала уникальный литературный стиль (художественно-документальный стиль)»¹⁵⁸. Исследователи Чжан Дун, Ду Сяомэй и Ван Ямин полагают, что творчество С.А. Алексиевич ознаменовало собой начало нового этапа развития документального стиля, унаследовавшего также классические традиции русской литературы. В частности, Чжан Дун указывает на роль авторского «голоса», который находит свое воплощение в «каждом фрагменте» текста произведения. Ученый придает этому особое значение, считая, что этот факт знаменует «переворот» в жанре документальной литературы¹⁵⁹. Ученые Ду Сяомэй и Ван Ямин полагают, что по сравнению с традиционной русской документальной прозой в сочинениях писательницы прослеживается новаторство, прежде всего в «реализации творческого метода»¹⁶⁰. Анализируя творчество американского писателя Нормана Мейлера (Norman Mailer, 1923-2007), С.А. Алексиевич и китайской писательницы Лян Хун, китайский ученый-литературовед Ван Хуэй указывает на черты общности писателей разных стран,

¹⁵⁸ 田洪敏. 倾听心灵的声音 – 斯·阿列克西耶维奇的非虚构文学 // 外国文学动态研究. 2015. 第 6 期 (Тянь Хунмин. Прислушаться к голосу души: документальная проза С. Алексиевич // Исследование динамики зарубежной литературы. 2015. № 6).

¹⁵⁹ 张栋. 作者的声音:俄罗斯文献文学中的《变革》– 以阿列克谢耶维奇《切尔诺贝利的祈祷:未来纪事》为例 // 俄罗斯文艺. 2016. 第 2 期 (Чжан Дун. Голос автора: «переворот» в русской документальной прозе – на примере «Чернобыльской молитвы» С. Алексиевич // Русская литература и искусство. 2016. № 2).

¹⁶⁰ 杜晓梅, 王亚民. 文艺文献文学:俄罗斯纪实文学的继承与发展——以《切尔诺贝利的祈祷_未来纪事》// 俄罗斯研究. 2016. 第 6 期 (Ду Сяомэй, Ван Ямин. Документально-художественная литература: наследие и развитие русской документальной литературы – на примере «Чернобыльской молитвы» // Изучение России. 2016. № 6).

отмечая, что ценность художественно-документальной прозы связана с реализацией чувства озабоченности и тревоги за судьбу человечества¹⁶¹.

Исследованию тематики и проблематики творчества С.А. Алексиевич также посвящено немало научных статей. По мнению многих ученых, факт появления книг С.А. Алексиевич является свидетельством обеспокоенности русских интеллигентов судьбами простых людей, сочувствия их страданиям. Чжан Бяньгэ считает, что С.А. Алексиевич, как настоящий русский интеллигент, раскрывая социальные проблемы, берет на себя личную ответственность за происходящее в обществе¹⁶². Другой литературовед Чжу Янь полагает, что, описывая личные и общественные травмы, писательница напоминает людям о необходимости «сохранить человеческую природу и ценность человеческого существования в возможных будущих катаклизмах и в конечном итоге спасти себя и природу»¹⁶³. Авария на Чернобыльской АЭС в 1986 году превратила дома многих людей в «руины». Обращаясь к текстам «Чернобыльской молитвы», критик Гуо Сяоши выявляет два уровня «руин» – физический и духовный. Из-за существования духовных руин чернобыльцы не могут достичь идентичности¹⁶⁴. В статье Ли Чуньюя также затронут вопрос идентичности героев в творчестве С. С.А. Алексиевич. На основе внимательного прочтения текстов автор приходит к выводу о кризисе идентичности различных групп людей, испытавших на себе тяготы существования в XX веке: женщин-солдат, «цинковых мальчиков» и “homo soveticus”¹⁶⁵.

Ряд китайских ученых-литературоведов проявляют интерес к особенностям повествовательной манеры С.А. Алексиевич, в частности,

¹⁶¹ 王晖. 现实与历史: 非虚构文学的独特叙述 // 当代作家评论. 2017. 第 1 期 (Ван Хуэй. Реальность и история: уникальный нарратив в нон-фикшн литературе // Обзор современных писателей. 2017. № 1).

¹⁶² 张变革. 以情感唤醒理性:阿列克谢耶维奇创作中的知识分子话语 // 俄罗斯文艺. 2016. 第 22 期 (Чжан Бяньгэ. Пробуждение разума эмоциями. Интеллектуальный дискурс в творчестве С. Алексиевич // Русская литература и искусство. 2016. № 22).

¹⁶³ 朱研. 阿列克西耶维奇的创伤书写 – 以《来自切尔诺贝利的声音》为中心 // 当代外国文学. 2016. 第 2 期 (Чжу Янь. Описание травмы в творчестве С. Алексиевич – на примере «Чернобыльской молитвы» // Современная зарубежная литература. 2016. № 2).

¹⁶⁴ 郭小诗. 《切尔诺贝利的悲鸣》中的废墟意象 // 俄罗斯文艺. 2019. 第 3 期 (Гуо Сяоши. Образ руин в «Чернобыльской молитве» // Русская литература и искусство. 2019. № 3).

¹⁶⁵ 13. 李春雨. 阿列克谢耶维奇纪实作品主人公的身份认同危机 // 外国文学. 2019. 第 4 期 (Ли Чуньюй. Кризис идентичности героев в документальной прозе С. Алексиевич // Зарубежная литература. 2019. № 4).

акцент сделан **на специфике полифонизма**. Именно эту характеристику нарратива С.А. Алексиевич отметил Ван Ган. Он указывает на тот факт, что «Чернобыльская молитва» содержит в себе характерные признаки полифонического романа, такие как специфика «отношений между автором и многочисленными персонажами, в многоголосой структуре, в незавершенности сюжета»¹⁶⁶. Китайские литературоведы Хоу Хайжун и Ху Тешэн полагают, что воздействующая сила искусства повествования С.А. Алексиевич во многом обусловлена мастерским использованием принципа контраста. Характерные антитезы находим в со-противопоставлении отдельных сцен и фрагментов текста, отдельных лиц и характеров. В создании противопоставленных друг другу элементов текста важную роль играют художественное пространство и художественное время¹⁶⁷. Гао Цзяньхуа и Цао Шуан исследуют преимущественно нарративные стратегии, использующиеся в произведениях нон-фикшн писательницы, которые осуществляются «полифоническим повествованием в устном жанре, монологом посреди “шума” и пространственно-временным континуумом в ретроспективных рассказах»¹⁶⁸.

Приоритетное значение для китайских литературоведов имеет исследование **творческой позиции автора**. Высоко оценены смелость и ответственность писательницы, одобрена достоверность изображения событий. Так, Лю Шитун отмечает такие особенности авторской позиции в повествовании, как бескомпромиссный поиск истины и приближение к ней, наличие «трезвого реализма, идущего от Пастернака и Солженицына»¹⁶⁹. В связи с этим критик размышляет о проблемах творчества китайских писателей и считает, что писатель должен придерживаться ответственной нравственной

¹⁶⁶ 王刚. 《切尔诺贝利的回忆:核灾难口述史》中的复调特征分析 // 山东社会科学. 2016. 第 S1 期 (Ван Ган. Анализ полифонических особенностей в «Чернобыльской молитве» // Шаньдунские социальные науки. 2016. № S1).

¹⁶⁷ 侯海荣, 胡铁生. 阿列克西耶维奇的纪实小说叙事艺术 // 学术研究. 2016. 第 11 期 (Хоу Хайжун и Ху Тешэн. Повествовательное искусство в документальной прозе Алексиевич // Научные исследования. 2016. № 11).

¹⁶⁸ 高建华, 曹爽. 阿列克谢耶维奇作品中的叙事策略及生命书写 // 俄罗斯文艺. 2017. 第 3 期 (Гао Цзяньхуа, Цао Шуан. Нарративная стратегия и описание жизни в творчестве Алексиевич // Русская литература и искусство. 2017. № 3).

¹⁶⁹ 柳士同. 文学的力量从何而来 // 社会科学论坛. 2016. 第 10 期 (Лю Шитун. Откуда берется сила литературы // Форум социальных наук. 2016. № 10).

позиции и брать на себя должную историческую и социальную ответственность. По мнению Лю Шитуня, сила литературы исходит из совести и мужества писателя. Литература представляет собой художественное творчество, основанное на определенных позициях, взглядах и методах ее создателей. Отношение к предмету изображения и «фигура» автора неизбежно находят свое отражение в тексте. Анализируя, в частности, историю создания и редактирования содержания в цикле «Голоса утопии», исследователь Ли Чжэнжун указывает на такие «инструменты» творческого метода, как «отбор материала в процессе создания многоголосного текста и технология монтажа»¹⁷⁰, при этом отбор и монтаж, в свою очередь, являются свидетельством особенностей мировоззрения и позиции писательницы.

Китайские ученые не могли обойти стороной и вопрос о **литературном генезисе феномена С.А. Алексиевич**. С.А. Алексиевич – белорусская писательница, пишущая на русском языке. Она родилась в Советском Союзе и воспитывалась на русской советской литературе. Своими учителями она называет Алеся Адамовича и Василя Быкова. «Красный цикл» посвящен жизни и событиям позднего СССР и постсоветской эпохи. Тематика и содержание повестей служат подтверждением ее принадлежности именно к русской советской литературе.

Китайские русисты исследуют творчество писательницы с точки зрения общего процесса развития русской литературы. И здесь обращает на себя внимание высказанный тезис о факте дезинтеграции литератур. Исследователь русской литературы Линь Цзинхуа в статье «От распада Советского Союза до разложения единой русской литературы: международная политика Нобелевской премии по литературе 2015 года» указывает на идеологическую ангажированность этого события: «Вручение Нобелевской премии С.А. Алексиевич отражает фактор идеологической приверженности самой Нобелевской премии и вызывает огромный международный политический

¹⁷⁰ 李正荣. 斯维特兰娜·阿丽克谢耶维奇诸事考 // 俄罗斯文艺. 2016. 第 2 期 (Ли Чжэнжун. Несколько вопросов о С. Алексиевич // Русская литература и искусство. 2016. № 2).

резонанс, положивший начало общей тенденции отделения белорусской литературы от русской литературы... и начало процессу дезинтеграции единой русской литературы»¹⁷¹. Ли Цзяньцзюнь, исходя из преемственности традиций в русской литературе, полагает, что «творчество С.А. Алексиевич, унаследовавшее великую традицию русской литературы, является блестящим воспроизведением духа реализма и гуманизма»¹⁷².

Стоит отметить, что некоторые китайские ученые отмечают возможность **сравнительного подхода к анализу произведений С.А. Алексиевич**. Назовем статьи, в которых С.А. Алексиевич сопоставляют с другими лауреатами Нобелевской премии по литературе: «Особенности нон-фикшн: на примере книг “Время секонд-хэнд” и “Порабощенный разум”» Гу Чао, «Историческое описание трагедии “ядерного взрыва”: сопоставление произведений “Чернобыльская молитва. Хроника будущего” С. Алексиевич и “В позднем стиле” Кэндзабуро Оэ» Хо Шифу и Ху Лижун. На примере произведений Чеслава Милоша и Светланы Алексиевич исследователь Гу Чао выделяет три особенности литературы нон-фикшн. Во-первых, проникновение тумана истории и постижение правды: историческая правда, которую обоим писателям вместе удалось раскрыть, – это парадокс власти и счастья, свободы и порядка. Вторая особенность заключается в том, что писатели поддерживают вечные ценности – стремление к доброте, при описании крушения ценностей и смысла жизни. Третья проявляется в «присутствии» автора в текстах¹⁷³. Сравнивая произведения «Чернобыльская молитва» и «В позднем стиле», литературоведы Хо Шифу и Ху Лижун анализируют, как С.А. Алексиевич и Кэндзабуро Оэ превратили события, связанные с ядерным взрывом, в трагическое историческое описание через различное восприятие реального мира субъектами

¹⁷¹ 林精华. 从苏联解体到统一的俄罗斯文学被分解: 2015 年诺贝尔文学奖的国际政治学 // 俄罗斯研究. 2017. 第 2 期. (Линь Цзинхуа. От распада Советского Союза до разложения единой русской литературы: международная полтика Нобелевской премии по литературе 2015 года // Изучение России. 2017. № 2).

¹⁷² 李建军. 对俄罗斯文学传统的完美接续——阿列克谢耶维奇的巨型人道主义叙事 // 当代文坛. 2019. 第 3 期 (Ли Цзяньцзюнь. Прекрасное продолжение русской литературной традиции – гигантский гуманитарный нарратив Алексиевич // Современная литература. 2019. № 3).

¹⁷³ 顾超. 非虚构文学的特质——以《被禁锢的头脑》和《二手时间》为例 // 东吴学术. 2018. 第 4 期 (Гу Чао. Особенности нон-фикшн: на примере книг «Время секонд-хэнд» и «Порабощенный разум» // Soochow Academic. 2018. № 4).

и, в конечном счете, записали память людей разных стран об этой страшной катастрофе. Оба писателя используют метафору «голоса» для раскрытия «антиядерной» и «антивоенной» тем, которые касаются судьбы человечества¹⁷⁴.

Вывод к параграфу 3.1: В качестве неотъемлемой составляющей российской художественно-документальной прозы творчество С.А. Алексиевич привлекло внимание китайских читателей и критиков с момента появления переводов ее произведений в Китае. Однако первоначально произведения писательницы не приобрели широкую известность и детальные исследования ее творчества не проводились. Более пристальному вниманию к ее произведениям способствовало вручение писательнице Нобелевской премии. Данное событие послужило импульсом к усилению интереса к С.А. Алексиевич как читателей, так и исследователей-литературоведов и стимулировало более глубокое изучение ее творчества, тем самым в значительной степени способствуя развитию «нон-фикшн литературы» в Китае.

Изучение переводов произведений С.А. Алексиевич на китайский язык и исследований китайских литературоведов, посвященных творчеству писательницы, позволило выделить этапы в истории переводческой и научно-исследовательской деятельности, посвященной С.А. Алексиевич в Китае, и определить основные аспекты научного осмысления ее творчества. Установлено, что внимание и интерес китайских ученых сосредоточены на анализе жанровой специфики произведений, определении тематики и проблематики, изучении нарративного искусства, выявлении авторской позиции, рассмотрении преемственных связей творчества писательницы с русской литературой. Работы китайских исследователей не только способствуют более глубокому изучению творчества С.А. Алексиевич, но и обогащают представления читающей китайской аудитории об исторических событиях и общественной жизни СССР, стимулируя интерес к жанру

¹⁷⁴ 霍士富, 胡莉蓉. “核爆”悲剧的历史书写——S.A. 阿列克谢耶维奇《切尔诺贝利的悲鸣》与大江健三郎《晚年样式集》比较研究 // 湖南科技大学学报(社会科学版). 2020. 第1期 (Хо Шифу и Ху Лижун. Историческое описание трагедии “ядерного взрыва”: сопоставление произведений «Чернобыльская молитва. Хроника будущего» С. Алексиевич и «В позднем стиле» Кэндзабуро Оэ // Русская литература и искусство. 2016. № 2).

документально-художественной прозы.

3.2 Литературный диалог: «У войны не женское лицо» и «Дракон меняет облик: китайцы сегодня» (сопоставительный анализ)

В 1960–1970-е годы развитие советской документальной литературы характеризуется важными достижениями в области формы и содержания; особенно значимым событием становится публикация документального сборника воспоминаний «Я из огненной деревни», составленного А. Адамовичем, В. Колесником и Я. Брылем. Впервые опубликованная в 1980-е годы книга С.А. Алексиевич «У войны не женское лицо» вывела советскую документальную прозу на новый этап развития. Широкое внимание исследователей привлекло использование в данном произведении такого художественного приема, как «устная история».

В этот период Китай переживал ряд трудностей, таких как разрыв китайско-советских отношений, Культурная революция и др. Такое нестабильное внешнее и внутренне положение препятствовало развитию китайской документальной литературы: она потеряла возможность взаимодействия с мировой документальной литературой, особенно с советско-русской, которая всегда вызывала у китайских ученых и читателей чувство близости. В конце 1970-х годов, когда состоялся 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, в Китае начался новый период идеологического раскрепощения, реформ и открытости, а также социалистической модернизации.

В то же время распространение мировой документальной литературы, особенно американской и советской, оказало влияние на китайскую литературную среду. В середине 1980-х годов, когда в Советском Союзе появилась книга С.А. Алексиевич «У войны не женское лицо», вызвавшая бурные дискуссии, в Китае появилось первое документальное произведение, написанное с использованием художественного приема «устная история», – книга Чжан Синьсинь и Сан Е «Дракон меняет облик: китайцы сегодня» (далее – «Дракон меняет облик»), сразу ставшая сенсационной.

Неоспоримым является тот факт, что после Движения четвертого мая китайская литература, в том числе и документальная, находилась под глубоким влиянием советско-русской литературы. Так есть ли какое-то сходство между произведениями «У войны не женское лицо» и «Дракон меняет облик»?

Авторы обеих книг сосредоточили внимание на судьбах «маленьких людей». Собирая материал для своих произведений, они используют магнитофоны: ищут рассказчиков и записывают интервью, чтобы показать жизнь личности, психологические травмы и эмоциональные переживания отдельного человека, которые затемняются господствующей идеологией и великой историей. В произведениях «У войны не женское лицо» и «Дракон меняет облик» рассказчик и писатель вместе становятся «авторами». Произведение больше не является плодом авторского воображения, в нем писатель делает все возможное, чтобы остаться «невидимым», давая рассказчику большую свободу самовыражения.

Между двумя произведениями, практически совпадающими по времени создания и публикации, действительно существует сходство – оно проявляется на уровне творческого метода, формы и ракурса. Мы полагаем, что между этими двумя документальными произведениями существуют очевидные параллели: в обоих случаях писатели-документалисты с помощью приема устной истории фиксируют душевное состояние простых людей, незримо завершая литературный диалог.

Несмотря на то, что между книгами «У войны не женское лицо» и «Дракон меняет облик» существуют много общего, нашего внимания заслуживают различия, такие как темы нарратива и авторская позиция. Сопоставление этих двух произведений позволяет выявить в них не только новаторство, но и ограничения и недостатки.

Знакомство с писателями и их творчеством

Светлана Алексеевич, белорусская писательница и журналист, пишущая на русском языке, родилась в 1948 году. За более чем тридцать лет творчества она завершила художественно-документальный цикл «Голоса Утопии» («У

войны не женское лицо», «Последние свидетели», «Цинковые мальчики», «Чернобыльская молитва», «Время секунд хэнд»), в котором рассказывается о Второй мировой войне, Афганской войне, Чернобыльской атомной аварии и распаде СССР.

В 1980-х годы С.А. Алексиевич начала публиковать документальные произведения, которые получили признание читателей и привлекли внимание критиков. Ее произведения переведены на 35 языков, изданы во многих странах и завоевали множество всемирно известных наград в области литературы, таких как Лейпцигская книжная премия за вклад в европейское взаимопонимание (Германия, 1998), Национальная премия критики (США, 2006), Премия мира немецких книготорговцев (2013), Офицерский крест ордена Искусств и литературы (Франция, 2014) и др. В 2015 году С.А. Алексиевич получила Нобелевскую премию по литературе.

Художественно-документальная книга «У войны не женское лицо» была написана в 1983 году и является первой из цикла «Голоса Утопии». Писательница называет ее «романом голоса». В начале 1984 года произведение было впервые опубликовано в журнале «Октябрь», а в следующем году вышло отдельным изданием в нескольких издательствах.

Рассказчиками в книге являются женщины, пережившие Великую Отечественную войну, среди них снайпер, санитарка, шофер, связистка, регулировщица, врач, медсестра, санинструктор, телефонистка, летчик, фельдшер мотострелкового батальона, пехотинец, шифровальщица, зенитчица, партизанка, автоматчик, повар и другие. Хотя переживания женщин-солдат различны, их рассказы имеют общие черты. С помощью монтажа и синтеза С.А. Алексиевич собрала их истории в книге, создав коллективный исторический портрет женщин на войне.

Китайская писательница **Чжан Синьсинь** родилась в Нанкине в 1953 году. Ее отец был военным, а также историком и писателем. Под влиянием отца она еще в детстве начала читать произведения русских и китайских классиков. Писательница провела годы начальной и средней школы в Пекине. Когда она

была подростком, как и другие молодые люди по всей стране, она направлялась на работу в Бэйдахуан («Большая северная пустошь») под лозунгом национальной политики «ввысь в горы, вниз в села». В 1979 году Чжан Синьсинь поступила на режиссерский факультет Центральной академии драмы. Во время учебы опубликовала произведения «На том же горизонте», «Мечта нашего поколения», «Орхидемания» и другие, став одним из самых известных и самых спорных писателей.

В раннем творчестве Чжан Синьсинь в основном уделяла внимание изучению внутреннего мира женщины, писала о трудностях и препятствиях, с которыми женщины сталкиваются в процессе поиска и реализации себя в контексте идеологической эмансипации и модернизационной реформы Китая. Однако женские образы и женские ценности, воплощенные в книгах Чжан Синьсинь, сильно отличаются от тех, которые утверждаются в традиционных концепциях, поэтому ее произведения вызвали сомнения и резкую критику некоторых ученых.

После этого творческая деятельность Чжан Синьсинь претерпела ряд изменений: она выпустила ряд документальных литературных произведений, таких как «Мертвый свидетель», «Катастрофа», «Десять дней в Гонконге», «В дороге», «Возвращение домой», «Дракон меняет облик» (в соавторстве с Сан Е) и др. В 1988 году Чжан Синьсинь внезапно исчезла из поля зрения читающей публики материкового Китая. Как рассказала в интервью сама писательница, из-за ощущения творческого кризиса она уехала за границу, чтобы получить «питание» от мировой литературы. Сначала она отправилась во Францию, затем училась в США и в настоящее время остается там.

Книга «Дракон меняет облик» известна как первое произведение в форме устной истории в Китае. Авторы записали рассказы ста простых китайцев, показали изменения в их жизни и сознании на протяжении значительного времени: до и после создания нового Китая, в течение десятилетней катастрофы и после проведения реформ и открытости. В книге отражается реальность стремительно развивающейся жизни Китая. Начиная с зимы 1983 года, Чжан

Синьсинь и Сан Е провели почти год в дороге, проехав тысячи километров от провинций Шаньдун, Хэбэй, Хэнань, Шэньси, Сычуань, Хубэй, Хунань, Гуандун, Цзянси, Чжэцзян, Цзянсу до Шанхая, взяли интервью у трехсот человек.

Писатели отобрали сто рассказов и составили книгу, которая была опубликована Шанхайским издательством литературы и искусства в 1986 году. «Дракон меняет облик» была переведена более чем на десять языков и вызвала сильный резонанс внутри страны и за рубежом. В 1992 году книга была переведена на русский язык и опубликована издательством «Прогресс-Академия». Стоит отметить, что китайское название этой книги – «Бэй-цзин-жэнь: Сто рассказов обычных людей». Как пояснила Чжан Синьсинь, «Бэй-цзин-жэнь» означает синантроп – «человек прямоходящий пекинский». Писательница хочет показать, что личные рассказы наполнены духом истории. После выхода «Дракон меняет облик» в китайской литературной среде наблюдается растущее увлечение документальной литературой.

Далее проанализируем различия между произведениями «У войны не женское лицо» и «Дракон меняет облик» в аспектах темы нарратива и авторской позиции.

Сопоставление произведений «У войны не женское лицо» и «Дракон меняет облик»

1. Тема нарратива

С.А. Алексиевич и Чжан Синьсинь используют жанр интервью, чтобы записать воспоминания и чувства простых людей. Классовая принадлежность и жизненный опыт рассказчиков, а также опыт писателей определяют содержание и темы нарратива в художественно-документальной прозе.

В документально-очерковой книге «У войны не женское лицо» автор фокусируется на собирательном образе советских женщин-солдат Второй мировой войны, писательница рассказывает об их физических и душевных страданиях и травмах, которые они пережили в военное и послевоенное время. В книге «Дракон меняет облик» Чжан Синьсинь и Сан Е обращают пристальное

внимание на положение и повседневную жизнь простых людей из всех слоев общества, находящихся на волне экономической реформы в Китае. Полагаем, что различие состоит в том, что тема нарратива в книге «У войны не женское лицо» характеризуется единством и целенаправленностью, а в произведении «Дракон меняет облик» – широтой и разнообразием.

Светлана Алексиевич родилась в 1948 году, чрез три года после окончания войны. Хотя писательница не пережила войну лично, она с детства много слышала о ней, так как выросла в послевоенной деревне. По её воспоминаниям, женщины деревни по вечерам всегда собирались вместе и говорили о своих погибших мужьях. Писательница живет в мире, где люди погружены в ощущение горя и потерь. После окончания университета по специальности журналистика С.А. Алексиевич начала работать репортером в газете. Опыт детских воспоминаний, связанный с рассказами о войне, и профессионализм репортера предоставляют ей возможность обратить внимание на переживания женщин-солдат, которых «игнорировал» доминирующий дискурс во время войны и после её окончания. Писательница намерена побудить людей к размышлениям о войне через описание опыта женщин на войне: «Написать бы такую книгу о войне, чтобы от войны тошнило, и сама мысль о ней была бы противна. Безумна. Самих генералов бы тошнило...»¹⁷⁵.

С помощью приема устной истории С.А. Алексиевич восстанавливает реальное положение женщин-солдат на войне. Во время Отечественной войны на фронт ушло более миллиона женщин в возрасте от 15 до 30 лет. С.А. Алексиевич провела подробные интервью с сотнями свидетелей войны, уделив внимание «молчаливому» коллективу, заглушенному грандиозным историческим нарративом, и показала жестокость войны с позиции женщины. «Оригинальный» разговорный язык книги отражает боль, тревожность идентичности и гендера и невысказанные судьбы женщин-солдат: «Я хочу говорить... Говорить! Выговорить! Наконец-то и нас хотят выслушать. Мы столько лет молчали, даже дома молчали. Десятки лет. Первый год, когда я

¹⁷⁵ Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. М.: Время, 2022. С. 17.

вернулась с войны, я говорила–говорила. Никто не слушал. И я замолчала... Хорошо, что ты пришла. Я все время кого-то ждала, знала, что кто-то придет. Должен прийти»¹⁷⁶; «Я как только стану рассказывать, так переболею <...> Другие как-то могут... Способны... А я – нет. Плачу. А это надо, надо, чтобы осталось. Надо передать. Где-то в мире должен сохраниться наш крик. Наш вопль...»¹⁷⁷.

Субъекты рассказов в книге «У войны не женское лицо» – молодые женщины, взявшие в руки оружие и отправившиеся на Великую Отечественную войну, ведомые чувством патриотизма. Эти рассказчики имеют схожий опыт: до войны они были либо молодыми дочерьми, либо молодыми матерями. Во время войны они пережили такие страдания, которые разрушили их человечность и уничтожили их женские и материнские качества. После войны, в условиях господствующих в обществе официальных установок и патриархальных представлений, эти героини, «воевавшие как мужчины», испытали трудности адаптации к послевоенной жизни, связанные с преодолением травм войны и осуждением окружающих. «Следы душевной жизни» женщин-солдат: страх, сопротивление, равнодушие и беспомощность – составляют темы нарратива в книге «У войны не женское лицо».

Опыт первого убийства оставил у снайпера Клавдии Григорьевны ощущение внутреннего противоречия и страха: «Я щелкнула, и он упал. И вот, знаете, меня всю затрясло, я слышала, как стучали мои кости. Стала плакать. Когда по мишеням стреляла – ничего, а тут: я – убила! Я! Убила какого-то незнакомого мне человека. Я ничего о нем не знаю, но я его убила»¹⁷⁸. После переживания внутренней морально-этической борьбы возникает равнодушие, нежелание защищать свои нервы и душу: «В этих углях мы нашли человеческие кости, среди них звездочки обгоревшие, это наши раненые или пленные сгорели. После этого, сколько я ни убивала, мне уже не было жалко. Как увидела эти

¹⁷⁶ Там же. С. 53.

¹⁷⁷ Там же. С.341

¹⁷⁸ Там же. С.44

черные звездочки...»¹⁷⁹.

Война заставила женщин противостоять своему природному свойству – материнству. Младший лейтенант Любовь Аркадьевна сделала аборт. Партизанская связная Мария Тимофеевна использовала своего трехмесячного ребенка как прикрытие для выполнения задания. Чтобы была температура и ребенок плакал, Мария солью его натирала. Война закончилась, но победа не принадлежит им: «Молчи! Молчи! Не признавайся»¹⁸⁰, «Почет, говорите, уважение. А девчонки-то почти все одинокие. Незамужние. Живут в коммуналках. Кто их пожалел? Защитил?»¹⁸¹.

В бесчисленных войнах в истории человечества мужчины занимали доминирующее положение в военных действиях и имели право говорить о войне. Однако, когда война начинается, женщины неизбежно оказываются вовлеченными в неё. Во время Великой Отечественной войны советские женщины не боялись жертвовать всем ради победы. После войны различные типы героинь были созданы во многих литературных произведениях, однако лишь немногие произведения были посвящены тяжелому положению женщин во время войны. Отмечая этот пробел, Светлана Алексиевич решила показать военную реальность глазами женщин и рассказать о ней их голосами: «У “женской” войны свои краски, свои запахи, свое освещение и свое пространство чувств. Свои слова. Там нет героев и невероятных подвигов, там есть просто люди, которые заняты нечеловеческим человеческим делом»¹⁸². С.А. Алексиевич полагает, что женщины тоже имеют право рассказывать о войне со своей точки зрения.

В отличие от произведения «У войны не женское лицо», тема нарратива в книге «Дракон меняет облик» – неоднородна и диффузна. Её авторы, Чжан Синьсинь и Сан Е, пишут о жизни и размышлениях ста простых китайцев, которые живут в разных провинциях и городах, различаются по возрасту,

¹⁷⁹ Там же. С.44

¹⁸⁰ Там же. С.12

¹⁸¹ Там же. С.138

¹⁸² Там же. С.10

характеру, акценту, профессии, образованию и жизненному опыту. Среди них не только крестьяне, ремесленники, рабочие, продавцы, солдаты, студенты и учителя, но и представители первой партии «домохозяйств с доходом в 10 000 юаней в год», которые разбогатели после реформ и открытости, победители лотереи, реформаторы предприятий, молодежь, ожидающая трудоустройства, предприниматели и модели, даже ряд особенных людей, среди которых заключенный, потомок императорской семьи, бурлак, человек со сверхъестественными способностями, монах и другие. Все они являются воплощением «обычных людей» всех слоев общества в Китае в период социальных и исторических преобразований после 1980 года.

Чжан Синьсинь и Сан Е дают рассказчикам полную свободу самовыражения и не устанавливают рамки для их рассказов. Этим людям дана возможность рассказывать о своих переживаниях по собственному желанию и без ограничений: о переменах в судьбе или о повседневной жизни. Их рассказы были совершенно разными: о жизни в деревне, о мечтах и стремлениях, которые не понимают окружающие, об изменениях и новых явлениях, происходящих в эпоху реформ и открытости, о работе и жизни молодых рабочих, о недовольстве положением женщины в отношениях и в браке, воспоминания и размышления о Культурной революции, об уродливом обычае бинтования ног и т. д. В книге отдельные рассказы независимы и не связаны друг с другом, их содержание различно, сходные или повторяющиеся темы почти не встречаются.

В разделе «Дерево между двумя горами» мы знакомимся с жизнью 54-летнего крестьянина Чжан Юйси. Он начинает свой рассказ с выражения благодарности председателю Мао, а затем рассказывает о том, как его отец спасался от голода, о тяготах деревенской жизни до освобождения Китая и об улучшении жизненного уровня. В его рассказе отчетливо прослеживается связь личной судьбы с теми значительными событиями, которые определяли траекторию общественного развития: основанием Нового Китая, введением сельских кооперативов, становлением малой металлургии¹⁸³, Великим голодом,

¹⁸³ Кампания по организации повсеместного производства стали в Китае с целью быстрой индустриализации

внедрением системы семейной подрядной ответственности в 1978 году и др.

В разделе «Двадцать семь дней и три дня» встречаем врача Шэньчжэньской стоматологической больницы Цзэн Сюцун. Она рассказывает о своей повседневной жизни и о работе в клинике, которая стала первой круглосуточной больницей в Китае того времени. Для стимулирования здесь применяется принцип «больше работаешь, больше получаешь». Цзэн Сюцу работает 27 дней, отдыхает 3 дня и зарабатывает гораздо больше, чем стоматологи в других больницах. В её рассказе мы чувствуем удовлетворенность своей работой и жизнью. В разделе «К вашим услугам...» 24-летний рабочий крематория Сунь Цзинкуй рассказывает о непонимании людьми его работы.

Жизненный опыт рассказчиков в книге «Дракон меняет облик» различен, что обуславливает разнообразие содержания и большой диапазон пространства и времени повествований. Все это затрудняет фокусирование темы нарратива на одном аспекте. Мы считаем, что это в значительной степени обусловлено не только изначальным замыслом произведения, ориентированного на читательский запрос, но и влиянием документального эпоса «Американские мечты – утраченные и обретенные» (далее «Американские мечты»).

Книга «Американские мечты», написанная Стадсом Теркелом (Studs Terkel), считается первым произведением документальной литературы с использованием приемом «устной истории» (dictating literature) в США. В середине 1950-х годов бывший радиожурналист вышел на улицы Америки и передал микрофон массам. Опросив более 300 человек, Теркел в итоге отобрал для публикации 100 наиболее репрезентативных интервью. Эти 100 рассказчиков – представители всех слоев общества: мисс Америка, наемники, кинозвезды, певцы, политики и деятели СМИ, боссы, бродяги, студенты, преступники, верующие, лидеры Ку-клукс-клана, девушки из трущоб, жители деревни, иммигранты и их потомки и др. Они рассказывали о своих достижениях и потерях на пути к американской мечте. В их рассказах перед читателями отображается реальность американского общества 1960–1970-х

страны. Кампания была ключевой составной частью пятилетки Большого скачка 1958-1963 гг.

годов и особая культура этого периода.

Творческий метод и форма документальной книги «Американские мечты» в значительной степени повлияли на создание произведения «Дракон меняет облик» – об этом неоднократно упоминали сами Чжан Синьсинь и Сан Е. По воспоминаниям Чжан Синьсинь, во время учебы в университете, в 1981 году, она прочитала фрагмент опубликованной в журнале книги «Американские мечты», и ее сразу же привлек этот жанр. «Вступительный абзац, место, имя, возраст – и человек говорит. Читаю с колотящимся сердцем. Сколько усилий вложено в роман, чтобы позволить читателям войти в вымышленную реальность, а устная история – волшебный летающий ковер, в одно мгновение живого человека предстало перед глазами!»¹⁸⁴. Сан Е так же откровенно признается в одном из интервью: «Ни стиля, ни темы, “Дракон меняет облик” не является изобретением <...> Многие друзья любят сравнивать «Дракон меняет облик» с «Американскими мечтами», между ними действительно есть сходство и общность»¹⁸⁵.

В 1983 году Чжан Синьсинь подверглась резкой критике со стороны некоторых ученых, поскольку женские образы в ее произведениях не соответствовали общественным взглядам того времени. Писательница была подавлена, и ее творчество пошло на спад. В том же году Сан Е обратился к Чжан Синьсинь от имени американской газеты китайских эмигрантов и выразил желание использовать метод устной истории для написания газетных статей. В соответствии с первоначальным замыслом, книга «Дракон меняет облик» была ориентирована на читателей-соотечественников, живущих за океаном и стремящихся понять, как развивается Китай и как живут люди в стране – этим обусловлено её тематическое разнообразие.

Для воплощения своего замысла Чжан Синьсинь и Сан Е объехали весь материковый Китай, взяли интервью у 300 рассказчиков и отобрали 100

¹⁸⁴ Чжан Синьсинь: Что случилось с рассказчиками в книге «Драгон меняет облик» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://m.jiemian.com/article/7254344.html>

¹⁸⁵ Чжан Синьсинь, Сан Е. Бэй-цзин-жэнь: Сто рассказов обычных людей. Шанхай: Шанхайское литературное издательство. 1986. С.610–611. 张欣欣, 桑晔. 北京人:100个普通人的自述. 上海: 上海文艺出版社. 1986年. 第610–611页

рассказов – так же, как это сделал в свое время Теркел в «Американских мечтах». В личном опыте этих простых рассказчиков мы можем не только увидеть «калейдоскопическую» картину реальности китайского общества – тяготы личной жизни, перипетии судьбы, столкновение мечты и реальности, возможности и вызовы, порожденные экономическими реформами, но и понять сущность политических, экономических, социальных и культурных изменений в Китае.

2. Авторская позиция

Авторская позиция относится к эмоциональному состоянию автора и его размышлениям в произведении. Если Светлану Алексиевич мы назовем сопереживающим слушателем, то Чжан Синьсинь – это сторонний наблюдатель. В художественно-документальном произведении авторская позиция обычно проявляется в словах автора и композиции собранных материалов.

Выделяются две основные формы слов автора: вступительное слово перед началом каждого текста и дополнение, пояснение к повествованию рассказчика. Композиция материалов означает отбор и монтаж собранных автором текстов. Ни С.А. Алексиевич, ни Чжан Синьсинь не использовали в своих произведениях все тексты интервью в неизменном виде, они отбирали материал в соответствии со своими ценностями и эстетическим вкусом. Можно сказать, что слова автора – это явное выражение авторской позиции, а композиция текста (его окончательная форма) – это имплицитное выражение авторской позиции.

Хотя С.А. Алексиевич не была свидетелем Великой Отечественной войны, все ее родственники пережили тот «страшный и таинственный мир». Ее дедушка (мамин отец), украинец, погиб на фронте, бабушка (папина мама) была белорусской, воевала в партизанском отряде и умерла от тифа. Двое из трех сыновей ее бабушки пропали без вести в самом начале войны, и только отец писательницы вернулся с фронта. После выздоровления отца семья переехала в Минск. «Одиннадцать дальних родственников вместе с детьми немцы сожгли заживо – кого в своей хате, кого в деревенской церкви. Так было в каждой семье.

У всех»¹⁸⁶.

Переживания и воспоминания о потере близких, безусловно, повлияли на позицию С.А. Алексиевич как автора художественно-документального произведения. Эмоциональные отношения между писательницей и рассказчиками напоминают отношения «родственников» и «матери / дочери», поскольку у них общая память о прошлом и общие потери. Бывший снайпер Мария Ивановна с болью спросила писательницу: «Мне даже жалко тебя. Я знаю, о чем говорю... Ты на самом деле хочешь это знать? Как у дочки спрашиваю...»¹⁸⁷. Вспоминая рассказ Нины Яковлевны, Светлана Алексиевич пишет: «Вот так же, как с Ниной Яковлевной: одну войну она вспоминала для меня – “как дочке, чтобы ты поняла, что нам, совсем девочками, пришлось пережить” <...> А я не могла забыть, как мы пили чай по-домашнему, на кухне. И обе плакали»¹⁸⁸.

В этой книге С.А. Алексиевич уже не интеллектуал, просвещающий публику, а «маленький человек», стоящий на той же эмоциональной и ценностной позиции, что и рассказчик. Переживания писательницы и чувства, которые она испытывает по отношению к рассказчикам, придают произведению «У войны не женское лицо» сильное эмоциональное напряжение.

Перед текстом рассказа С.А. Алексиевич записывает свои размышления и эмоции, которые она испытала при встрече с рассказчиками и после прослушивания их истории. Писательница не скрывает свои чувства, а показывает их перед читателями: будь то сомнение, страх, гнев, беспомощность, боль, шок или тепло и любовь.

В разделе «Не хочу вспоминать» С.А. Алексиевич пишет: «Испытываю боль, ненависть, искушение. Нежность и недоумение... Пытаюсь понять, чем отличается смерть от убийства, где граница между человеческим и нечеловеческим <...> Задумываюсь над вопросами, о существовании которых раньше не догадывалась. Например, о том, почему мы не удивляемся злу, в нас

¹⁸⁶ Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. М.: Время, 2022. С. 8.

¹⁸⁷ Там же. С. 38.

¹⁸⁸ Там же. С. 116.

отсутствует удивление перед злом? <...> Были минуты сомнений и страха <...> Я стала пленницей зла, заглянула в бездну, чтобы что-то понять»¹⁸⁹.

В разделе «Нас награждали маленьким медалями...» С.А. Алексиевич описывает свою любовь к рассказчикам: «...Гостиница “Москва”. Месяц май – месяц Победы <...> Я вхожу в этот поток, он поднимает и несет меня, тянет за собой неудержимо, и скоро я оказываюсь почти в незнакомом мире. На незнакомом острове. Среди людей, которых узнаю и не узнаю, но одно знаю – я их люблю»¹⁹⁰.

Авторская позиция также проявляется в синтезе текстов рассказов. Чтобы показать жестокость и бесчеловечность войны, С.А. Алексиевич намеренно сохраняет множество повторяющихся событий при соединении материалов. В книге не раз встречаются такие воспоминания, как «первое убийство», «быть раненым», «вынуждено маскулинизация женщин», «вопреки материнской природе» и «несправедливое отношение к женщинам-солдатам после войны»: «Но я взяла себя в руки, нажала спусковой крючок <...> Но меня после этого еще больше дрожь взяла, какой-то страх появился: я убила человека?!»¹⁹¹; «Я после боя подошла к ним, они лежали с открытыми глазами <...> Было жалко, хотя это был фашист <...> не хочется убивать <...> Очень странно, когда сам...»¹⁹²; «Жду второго ребенка <...> Тут – война. <...> сделала <...> Аборт <...> Как рожать? Кругом слезы... Война! Как рожать среди смерти? »¹⁹³; «Фашист показывает: подбрасывай, я буду стрелять. Мать бросила ребенка так, чтобы убить его самой... Своего ребенка... Чтобы немец не успел выстрелить... Она говорила, что не хочет жить, не может после всего жить на этом свете, а только на том...»¹⁹⁴.

Повторяемость содержания рассказов, с одной стороны, показывает схожесть страшного опыта и судеб женщин-солдат, а с другой, усиливает силу

¹⁸⁹ Там же. С. 37–38.

¹⁹⁰ Там же. С. 142.

¹⁹¹ Там же. С. 43.

¹⁹² Там же. С. 171.

¹⁹³ Там же. С. 70.

¹⁹⁴ Там же. С. 277.

авторской эмоциональной экспрессии и эффективность воздействия на читателя.

В почти натуралистическом стиле С.А. Алексиевич подробно описывает муки и страдания, пережитые советскими женщинами во время войны и после её окончания, показывая нам ужас и жестокость войны. Но то, что писательница хочет выразить в книге, совершенно не соответствует обвинениям цензоров: «Кто пойдет после таких книг воевать? Вы унижаете женщину примитивным натурализмом. Женщину-героиню»¹⁹⁵; «нам тяжело далась Победа, но вы должны искать героические примеры. Их сотни. А вы показываете грязь войны. Нижнее белье. У вас наша Победа страшная...»¹⁹⁶. Отправная точка и позиция Светланы Алексиевич – побудить людей задуматься о войне, оценить великие жертвы женщин-солдат. Размышление о войне не означает, что С.А. Алексиевич отрицает справедливость и неизбежность советской войны против фашизма. Значение и ценность книги «У войны не женское лицо» заключается в том, что читатели могут прочувствовать жестокую сущность войны и в то же время увидеть непоправимые физические и душевные травмы, нанесенные «маленьким людям», особенно женщинам-солдатам, которые были «прикрыты» риторикой великой победы.

Прослеживая переживания женщин в военное и послевоенное время, С.А. Алексиевич позволяет читателям увидеть реальную «малую историю» и боль народа, а также проявление человечности и силы духа женщин-солдат в экстремальных условиях. От осуждения насилия и размышлений о войне до заботы о жизни и личных ценностях – такова позиция Светланы Алексиевич. Книга «У войны не женское лицо» воплощает авторский гуманизм, этическую чуткость, рациональное размышление и призыв к любви и миру.

Авторы книги «Дракон меняет облик», Чжан Синьсинь и Сан Е, в отличие от С.А. Алексиевич, занимают спокойную и объективную позицию, намерено скрывая свои эмоции. Перед началом каждого рассказа в книге есть «авторское вступление», в котором либо читателя знакомят с местом проведения интервью,

¹⁹⁵ Там же. С. 27.

¹⁹⁶ Там же. С. 29.

именем рассказчика, его возрастом, внешностью, профессией, местом работы; либо рассказывается о том, как проходило интервью; либо описываются условия жизни и жизненный опыт рассказчика.

Например, в первом рассказе – «Дерево меж двух гор» – авторское вступление выглядит следующим образом: «Деревня в уезде Линьчэн провинции Шаньдун километрах в четырех от железной дороги. В деревне много новых домов из серого кирпича с черепичными крышами, у некоторых домов крыши из железобетона. Но есть и старые глинобитные жилища. Хозяин двора – Чжан Юйси, 55 лет. В его доме из пяти комнат стены кирпичные, а крыша соломенная»¹⁹⁷. Рассказ «Тень» авторы начинают так: «Чжоу Вэй, 29 лет. На свою знаменитую мать совершенно не похож, потемней лицом да похудей, чем она. А вот дочь его – Чжоу Сяосюань – копия своей бабушки»¹⁹⁸. Все эти пояснения авторов лишь констатируют объективные факты и не выражают никакие предпочтения, эмоции и позиции.

В форме представления текстов Чжан Синьсинь и Сан Е удалили заданные вопросы и сохранили только сами рассказы. Тексты похожи на объективный репортаж в журналистике: авторы точно излагают факты, но не делают никаких интерпретаций или комментариев. Через тексты можно лишь почувствовать эмоцию рассказчика, но не узнать об эмоциональных переживаниях автора.

Другой способ скрытия авторской позиции – использование прямых цитат: авторы удалили двойные кавычки и указания на то, кому принадлежат слова. Такая форма дистанцирует автора от рассказчика и рассказываемых событий и выражает его нейтральное отношение.

Сделанные авторами в ходе рассказа примечания и дополнения для облегчения читательского восприятия, объективны и лаконичны, не содержат субъективных оценок и предположений. Соккрытие «фигуры» автора создает ощущение, что рассказчик разговаривает сам с собой, и при этом обеспечивает авторитетность и подлинность содержания: «У нас нет ни одного “лифаня”

¹⁹⁷ Чжан Синьсинь, Сан Е. Дракон меняет облик: китайцы сегодня. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 7.

¹⁹⁸ Там же. С.320.

(Контрреволюционер в прошлом. – Прим. авт.), кто реабилитирован, у кого срок истек, “сяньфань” (Действующий контрреволюционер. – Прим. авт.) всего один: написал антипартийный роман, попал сюда в период “великой культурной революции” <...> Прежде всего это связано с кампанией “яньда” (Решительный удар по уголовно-преступной деятельности. – Прим. авт.), поступило много новых молодых заключенных, у них уровень культуры крайне низкий, приходится сначала обучать их года два-три»¹⁹⁹; «Жена потерялась. Вот только что, в посадочной суете... Постоял на контроле, потом, когда поезд ушел, перебрался в зал ожидания...Что делать, вот и ее билет тут же! (Он раскрывает ладонь с двумя намокшими от пота картонками: 307-й поезд Пекин–Ханьдань)»²⁰⁰.

Чжан Синьсинь и Сан Е сознательно скрывают свои мнения и суждения, уважая каждого рассказчика. Так, в книге мы встречаем «того» молодого человека, изучающего астрономию на Северо-китайской равнине. Он изо дня в день проводит странные теоретические исследования, несмотря на непонимание окружающих его людей («Окольный путь при свете далеких звезд»). Волнуемся за трагическую судьбу «той», которая не желает выдать свое имя: в возрасте четырнадцати лет ее изнасиловал помещик старого общества. После этого ее продали в бордель, где она была вынуждена работать проституткой и страдала от болезней. Только после освобождения и создания Нового Китая правительство предоставило ей возможность лечения.

Считаем, что объективная позиция Чжан Синьсинь и Сан Е обусловлена эмоциональной дистанцией. С одной стороны, до интервью авторы не были знакомы с рассказчиками, не имели тесного контакта и глубокого взаимопонимания; с другой стороны, классовое и семейное происхождение авторов, их опыт образования и жизненный опыт сильно отличаются от интервьюируемых – поэтому между авторами и рассказчиками отсутствуют эмоциональные связи. Это обеспечивает объективность авторской позиции, но

¹⁹⁹ Там же. С.290.

²⁰⁰ Там же. С.284.

в то же время ограничивает эмоциональный вклад, что несколько снижает художественное воздействие книги «Дракон меняет облик».

Вывод к параграфу 3.2: С момента своего выхода в свет книги «У войны не женское лицо» и «Дракон меняет облик» вызвали бурный резонанс в литературных кругах своих стран благодаря уникальным творческим приемам, свежему содержанию и новому стилю. Как С.А. Алексиевич, так и Чжан Синьсинь и Сан Е передают дискурсивную силу рассказчику, взяв на себя роли слушателя и записывающего. Отказавшись от грандиозных повествований и опираясь на художественный прием «устная история», писатели обращают взор на обычных людей в реальном мире, на их душевные переживания и повседневную жизнь. Кажущиеся самостоятельными и не связанными между собой «голоса народа» в этих произведениях на самом деле чётко организованы писателями-документалистами и интегрированы в единое органическое целое, что усиливает ценность и углубляет смысл рассказов.

Таким образом, художественно-документальные произведения «У войны не женское лицо» и «Дракон меняет облик» сохранили для нас реальные голоса и духовные архивы свидетелей значимых исторических событий в определенные периоды, что делает их важнейшим историческим материалом для будущего. Именно в этом заключаются ценность и значение художественно-документальной литературы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование процесса перевода произведений российской художественно-документальной прозы 1970–2000-х годов и научных работ китайских ученых, посвященных их изучению, позволило описать особенности рецепции данного литературного явления и выявить ряд факторов, которые определили эти особенности.

Проведенный анализ показывает, что рецепция российской художественно-документальной прозы 1970–1980-х годов в Китае характеризуется прерывностью и недостаточностью. Эти особенности обусловлены прежде всего рецептивной ситуацией того времени: социальной, политической и культурной. Формирование рецептивного контекста неотделимо от ряда событий, начавшихся с середины 1970-х годов: «Болуань Фаньчжэн» (буквально означает «выправление ошибочного и восстановление правильного»), окончание Культурной революции, проведение реформ и открытости, нормализация отношений между Китаем и СССР, развитие социалистической рыночной экономики в Китае, «Национальные годы» Китая и России и т. д. Все это создало внешние условия для «вхождения» российской художественно-документальной литературы в культуру Китая.

Однако в десятилетний период перерыва и застоя в изучении зарубежной литературы (в том числе русско-советской), связанного с социально-политическими потрясениями, ограниченностью взглядов, методов и идеологической позиции литературных критиков, а также «потоком» американской документальной литературы, хлынувшей на китайский читательский рынок, и другими факторами, российская художественно-документальная проза не получила заслуженного внимания. Это проявляется и в недостатке переводов репрезентативных произведений (например, до сих пор появились переводы таких произведений, как «Хатынская повесть», «Разные дни войны», «Я из огненной деревни», «Крутой маршрут»), и в отсутствии глубокого и систематического их изучения.

Писатели А.И. Солженицын и С.А. Алексиевич являются выдающимися представителями русскоязычной художественно-документальной литературы. Внимание китайских ученых к их творчеству в целом демонстрирует тенденцию к росту благодаря литературной и эстетической ценности самих произведений и в связи с известностью их авторов как лауреатов Нобелевской премии по литературе.

С середины 1980-х годов атмосфера времени, характеризующаяся «перестройкой и новым мышлением» способствовала расцвету художественно-документальной литературы. Под лозунгами «гласности», «демократизации» и «плюрализма» в Советском Союзе проводились реформы, которые затронули все аспекты общественной жизни. В области литературы эти перемены проявились в публикациях произведений, которые позже получили название «возвращенная литература». Именно на таком историческом фоне документальное произведение А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», созданное в 1958–1968 годах, наконец-то встретилось с советскими читателями.

А.И. Солженицын создал себя как сложное культурное явление, и споры вокруг него не прекращаются во всем мире. В начале 1960-х годов писатель вошел в поле зрения китайских ученых и читателей. Однако, в связи с большими переменами в отношениях между Китаем и Советским Союзом, идеологическими ограничениями, а также некоторыми политическими взглядами и позициями самого писателя, процесс рецепции творчества А.И. Солженицына прошел сложный и «извилистый» путь. Эта особенность характерна и для рецепции его книги «Архипелаг ГУЛАГ». Отношение исследователей к этому произведению прошло путь от отрицания к утверждению, от критики к восхвалению.

Впервые «Архипелаг ГУЛАГ» был переведен и издан в Китае в 1982 году. Успешная публикация китайского перевода была тесно связана с режимом издания «внутреннее распространение» 1960–1980-х годов. Это режим является особым продуктом конкретной эпохи в Китае и может рассматриваться как

зеркальное отражение данной эпохи. Несмотря на то, что ярлык «внутреннее распространение» долгое время влиял на объективное принятие «Архипелага ГУЛАГ» китайскими читателями и его исследование учеными, именно его публикация заложила основу для дальнейшего изучения начиная с 1990-х годов. По мере ослабления влияния идеологии и отказа от вульгарных социологических методов критики китайские ученые перестают рассматривать «Архипелаг ГУЛАГ» как книгу политического разоблачения, и голоса сомнения в его подлинности и литературности постепенно стихают. Литературная ценность, историческая ценность, гуманизм, художественные приемы, творческий стиль, жанровые характеристики произведения находятся в центре внимания ученых.

Глубокое самосозерцание, смелость повествования о страданиях и гуманистическая озабоченность, проявленные А.И. Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ», стали критериями для современной китайской литературы в глазах некоторых ученых. Хотя в современном Китае еще не появилось произведение, которое имело бы такой же «вес», как «Архипелаг ГУЛАГ», однако под влиянием творчества А.И. Солженицына писатель-документалист Ян Сяньхуэй написал «Память Цзябяньгоу», который называют китайским «Архипелагом ГУЛАГ». Оба писателя, используя художественные средства, углубляются в историю, оставляя для будущих поколений летопись национальных страданий, о которых нужно и должно помнить.

Творчество С.А. Алексиевич – особое явление российской художественно-документальной прозы. Рецепция произведений писательницы китайским академическими кругами характеризуется этапностью. Вручение С.А. Алексиевич Нобелевской премии в 2015 году можно рассматривать как «узловой момент», после которого восприятие ее творчества в китайском литературоведении стало меняться. До этого события книги С.А. Алексиевич уже входили в круг интересов китайских переводчиков и русистов. Были переведены и опубликованы три книги из цикла «Голоса утопии»: «У войны не

женское лицо», «Последние свидетели» и «Цинковые мальчики». Однако эти произведения не приобрели широкую известность и детальные исследования ее творчества не проводились. Ее произведения рассматривались в качестве примера типичных текстов в рамках изучения русско-советской военной литературы и документальной литературы. После получения Нобелевской премии всплеск научного интереса к творчеству С.А. Алексиевич вызвал оживленную дискуссию. Цикл «Голоса утопии» стал рассматриваться как отдельный объект исследования. Отмечается разнообразие подходов к изучению и наличие определенных результатов: в Китае опубликовано значительное количество работ, в которых формулируются оригинальные взгляды на жанровую и нарративную специфику, тематику, авторскую позицию и связь творчества С.А. Алексиевич с русской литературной традицией и т. д.

Книга «У войны не женское лицо» была написана в 1985 году. Использованный в ней художественный прием «устная история» привлек всеобщее внимание и вызвал бурное обсуждение в академических кругах. Примерно в это же время на китайской литературной сцене появилось первое документальное литературное произведение, написанное с использованием приема «устная история», – книга Чжан Синьсинь и Сан Е «Дракон меняет облик: китайцы сегодня». Между двумя произведениями существуют сходство, которое проявляется в аспектах творческого метода, формы и ракурса. Однако различие в темах нарратива и авторской позиции также очевидно. В книге «У войны не женское лицо» тема нарратива характеризуется единством и целенаправленностью, автор выступает в роли сопереживающего слушателя; в книге «Дракон меняет облик: китайцы сегодня» тема нарратива широка и разнообразна, при этом автор занимает позицию стороннего наблюдателя.

Изучение творчества С.А. Алексиевич и Чжан Синьсинь помогает не только лучше понять жизнь и сознание «маленького человека», но и узнать и запомнить сознательно / несознательно «забытые» национальные шрамы. Записанные авторами реальные голоса и духовные архивы свидетелей значимых исторических событий актуальны и ценны для будущего поколения.

Изучение рецепции российской художественно-документальной литературы в Китае имеет широкие перспективы. К предмету дальнейших изысканий можно отнести такие вопросы, как исследование перевода и восприятия советской документальной прозы 1950–1960-х годов, изучение влияния российской художественно-документальной прозы на развитие китайской литературы, сопоставление процесса развития русской и китайской документальной прозы, – таким образом можно сформировать «общую картину» представлений китайской читающей аудитории о российской художественно-документальной литературе.

БИБЛИОГРАФИЯ**Художественные литературы**

1. Адамович А. Хатынская повесть. – М.: Воениздат, 1976. – 191 с.
2. Адамович А., Брыль Я., Колесник В. Я из огненной деревни. – М.: Известия, 1979. – 524 с.
3. Адамович, А., Гранин Д. Блокадная книга. – Санкт-Петербург: Азбука, 2021. – 637с.
4. Адамович, А., Гранин Д. Блокадная книга. (переводчики Сы Ци и Хао Вэй). – Пекин: Издательство Куньлунь, 1995. – 659 с. 阿达莫维奇, 格拉宁. 围困纪事. 思齐, 郝苇 翻译. –北京: 昆仑出版社, 1995年. – 659页
5. Алексиевич С.А. Время секунд-хэнд. (переводчик Люй Нинсы). – Пекин: Издательство Чжунсинь, 2016. – 571 с. 阿列克谢耶维奇. 二手时间. 吕宁思 翻译. – 北京: 中信出版社, 2016年. – 571页
6. Алексиевич С.А. Последние свидетели. (переводчик Цинлан Ли Хань). – Пекин: Издательство Цзючжоу, 2015. – 353 с. 阿列克谢耶维奇. 我还是想你, 妈妈. 晴朗李寒 翻译. – 北京: 九州出版社, 2015年. – 353页
7. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. – М.: Время, 2016. – 347с.
8. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. (переводчик Люй Нинсы). – Пекин: Издательство Куньлунь, 1985. – 259 с. 阿列克谢耶维奇. 战争中没有女性. 吕宁思 翻译. – 北京: 昆仑出版社, 1985年. – 259页
9. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. (переводчик Люй Нинсы). – Пекин: Издательство Цзючжоу, 2015. – 444 с. 阿列克谢耶维奇. 我是女兵, 也是女人. 吕宁思 翻译. – 北京: 九州出版社, 2015年. – 444页
10. Алексиевич С.А. Цинковые мальчики. (переводчик Гао Ман). – Пекин: Издательство Цзючжоу, 2015. – 322 с. 阿列克谢耶维奇. 锌皮娃娃兵. 高莽 翻译. – 北京: 九州出版社, 2015年. – 322页
11. Алексиевич С.А. Чернобыльская молитва. (переводчик Сунь Юэ). –

Пекин: Издательство Чжунсинь, 2018. – 313 с. 阿列克谢耶维奇. 切尔诺贝利的祭祷. 孙越 翻译. – 北京: 中信出版社, 2018 年. – 313 页

12. Гинзбург Е. Крутой маршрут. – Санкт-Петербург: Азбука, 2023. – 704 с.

13. Гранин Д. Клавдия Вилор (переводчики Юй Цисян и Ван Син) // Советская литература. – 1981. – № 2. – С. 31. 格拉宁. 女政委. 俞启骧, 王醒 翻译 // 《苏联文学》1981 年. 第 2 期. 第 31 页

14. Гранин Д. Эта странная жизнь (переводчики Хоу Зуаньхун и Тан Цицы). Пекин: Издательство зарубежной литературы. 1979. 168 с. 格拉宁. 奇特的一生. 侯焕闳, 唐其慈 翻译. 北京: 外国文学出版社. 1979 年. 168 页

15. Гранин Д. Эта странная жизнь (переводчики Хоу Зуаньхун и Тан Цицы). Пекин: Издательство зарубежной литературы. 1983. 168 с. 格拉宁. 奇特的一生. 侯焕闳, 唐其慈 翻译. 北京: 外国文学出版社. 1983 年. 168 页

16. Гранин Д. Эта странная жизнь (переводчики Хоу Зуаньхун и Тан Цицы). – Чжэнчжоу: Издательство Хайянь, 2001. – 126 с. 格拉宁. 奇特的一生. 侯焕闳, 唐其慈 翻译. – 郑州: 海燕出版社, 2001 年. – 126 页

17. Гранин Д. Эта странная жизнь (переводчики Хоу Зуаньхун и Тан Цицы). – Пекин: Издательство объединенное издательство, 2013. – 210 с. 格拉宁. 奇特的一生. 侯焕闳, 唐其慈 翻译. – 北京: 北京联合出版社, 2013 年. – 210 页

18. Гранин Д.А. Зубр. – Москва : АСТ, сор. 2023. – 446 с.

19. Гранин Д.А. Клавдия Вилор. – Ленинград: Сов. писатель: Ленингр. отделение, 1980. – 175 с.

20. Гранин Д.А. Эта странная жизнь. – Москва: Сов. Россия, 1982. – 254 с.

21. Жигулин А.В. Черные камни. – Москва: Современник, 1990. – 268 с.

22. Лу Синь. Полное собрание сочинений. Т. 4. – Пекин: Народная литература, 1982. – 460 с. 鲁迅. 鲁迅全集. 第四卷 – 北京: 人民文学出版社, 1982 年. – 460 页

23. Симонов К.М. Разные дни войны. – Москва : Эксмо, 2015. – 638 с.

24. Смирнов С.С. Брестская крепость. – СПб: Амфора, 2015. – С. 15.

25. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956: Опыт художественного исследования. Часть I-II. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 626 с.

26. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. – М.: Согласие, 1996. – С.10

27. Тянь Давэй, Чэнь Ханьчжан. Архипелаг ГУЛАГ. Том 1. – Пекин: Издательство Массы, 1982. – 636 с. 田大畏, 陈汉章. 古拉格群岛 (上册). – 北京: 群众出版社, 1982年. – 636页.

28. Чжан Синьсинь, Сан Е. Бэй-цзин-жэнь: Сто рассказов обычных людей. – Шанхай: Шанхайское литературное издательство, 1986. – 616 с. 张欣欣, 桑晔. 北京人:100个普通人的自述. – 上海: 上海文艺出版社, 1986年. – 616页

29. Чжан Синьсинь, Сан Е. Дракон меняет облик: китайцы сегодня. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 495 с.

30. Шаламов В. Колымские рассказы (переводчики Хуан Чжую и Тан Боннэ). – Гуйлинь: Издательство: Гуанси Педагогического университета, 2016. – 758 с. 沙拉莫夫. 科雷马故事. 黄柱宇, 唐博纳 翻译. – 桂林: 广西师范大学出版社, 2016年. – 758页

31. Шаламов В.Т. Колымские рассказы. – Москва: Эксмо, 2021. – 925с.

32. Ян Сяньхуэй. Память Цзябяньгоу. – Тяньцзинь: Издательство древних книг Тяньцзиня. 2002. – 356 с. 杨显惠. 夹边沟记事. – 天津: 天津古籍出版社. 2002年. – 356页

Научно-исследовательская и критическая литература

33. Аристотель. Поэтика. (Переводчик: Н.И. Новосадский). – Ленинград: АCADEMIA, 1927. – 120 с.

34. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

35. Бо Лин. Эксперты о награждении С. Алексиевич Нобелевской премией: странно и спорно // Синьцзин. 2015. 9 октября 柏林. 专家谈阿列克谢耶维奇获奖: 很奇怪, 争议性很大 // 新京报. 2015年10月9日第001版.

36. Ван Ган. Анализ полифонических особенностей в «Чернобыльской молитве» // Шаньдунские социальные науки. 2016. № S1. 王刚. 《切尔诺贝利的回忆:核灾难口述史》中的复调特征分析 // 山东社会科学. 2016. 第 S1 期.

37. Ван Лисинь. Солженицын и творческий стиль «Архипелага ГУЛАГ» // Сборник статей Северного Китая. – 2004. – № 02. – С. 45-47. 王丽欣. 索尔仁尼琴及其《古拉格群岛》的创作风格 // 北方论丛. – 2004. – № 02. – 45-47 页

38. Ван Хуэй. Реальность и история: уникальный нарратив в нон-фикшн литературе // Обзор современных писателей. 2017. № 1. 王晖. 现实与历史: 非虚构文学的独特叙述 // 当代作家评论. 2017. 第 1 期.

39. Ван Янь. На этот раз победа не принадлежит русской литературе // Вэй Хуэй. 2015. 9 октября 王彦. 这一次, 俄语系文学却没胜利 // 文汇报. 2015 年 10 月 9 日第 001 版.

40. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – 343 с.

41. Г. Попов. Система и Зубры // Наука и жизнь. – 1988. – № 3. – С.64.

42. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтик. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

43. Гао Вэньшэн. Документализм:выбор литературны в эпохи-исследование документальной литературы в новую эпоху (1976.10-1997.12). – Чжэнчжоу: Издательство литературы и искусства Хэнань, 1999. 423с. 高文升. 纪实: 文学的时代选择——新时期纪实文学研究 (1976.10—1997.12). 139. – 郑州: 河南文艺出版社, 1999. 423 页

44. Гао Цзяньхуа, Цао Шуан. Нарративная стратегия и описание жизни в творчестве Алексиевич // Русская литература и искусство. 2017. № 3 高建华, 曹爽. 阿列克谢耶维奇作品中的叙事策略及生命书写 // 俄罗斯文艺. 2017. 第 3 期.

45. Гей Н. К. Художественность литературы. Поэтика. Стиль. – М.: Наука, 1975. – 471 с.

46. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. О литературном герое. Санкт-Петербург: Азбука, 2016. С. 477–478.

47. Головина Т.Н. Формы и функции документализма в произведениях Н.А.Некрасова и М.Е.Салтыкова-Щедрина 60-70-х годов 19 века // Факт, домисел, вымысел в литературе под ред. Розановой Л.А. – Иваново: ИвГУ, 1987. С.86.

48. Гу Фан. «Желтая книга» и другие: несколько иностранных литературных внутренних публикаций во время китайско-советской полемики. Литературная теория и критика. 2001. № 06. С. 117–124. 古凡. 黄皮书及其他: 中苏论争时期的几种外国文学内部刊物. 文艺理论与批评. 2001 年.第 06 期.第 117-124 页

49. Гу Чао. Особенности нон-фикшн: на примере книг «Время секунд-хэнд» и «Порабощенный разум» // Soochow Academic. 2018. № 4 顾超. 非虚构文学的特质——以《被禁锢的头脑》和《二手时间》为例 // 东吴学术. 2018. 第 4 期.

50. Гуо Сяоши. Образ руин в «Чернобыльской молитве» // Русская литература и искусство. 2019. № 3 郭小诗. 《切尔诺贝利的悲鸣》中的废墟意象 // 俄罗斯文艺. 2019. 第 3 期.

51. Гуссерль Э. Картезианские размышления. – Санкт-Петербург : Наука, 2006. – 315 с.

52. Ди Ма. Чего нам не хватает по сравнению с русскими писателями // Журнал Тунчжоу гунцзинь. – 2012. – № 05. – С. 57. 狄马. 我们比俄罗斯作家缺少了什么. 同舟共进. 2012 年. 第 5 期. 第 57 页

53. Ду Сяомэй, Ван Ямин. Документально-художественная литература: наследие и развитие русской документальной литературы – на примере «Чернобыльской молитвы» // Изучение России. 2016. № 杜晓梅, 王亚民. 文艺文献文学:俄罗斯纪实文学的继承与发展——以《切尔诺贝利的祈祷_未来纪事》 // 俄罗斯研究. 2016. 第 6 期 (6).

54. Духан Я. С. Художественно-документальная проза о Великой Отечественной войне (70-80-е годы). – Л.: Ленигр. орг. о-ва «Знание» РСФСР, 1985. – 17 с.

55. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение [Текст] / В. М. Жирмунский. – М.: Наука, 1979. – 494 с.

56. Заламбани М. Литература факта. От авангарда к соцреализму. – СПб: Академический проект, 2006. – С.13.

57. Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология. сост. И. В. Кабанова. – М.: Флинта, Наука, 2004. – С. 201–224.

58. Кан Лин. Возобновление и конец модели «серой книги»: управление публикацией переведенных западных работ в 1980-х годах // Вестник Университета Гуанчжоу (серия «Социальная наука». 2020. № 03. С. 90-98 康凌. “灰皮书”模式的重启与终结: 1980 年代西学译著的出版管理. 广州大学学报(社会科学版), 2020, 03: 90-98 页

59. Козлов Б. Проблема «документализма» в русской журнальной критике 1890-х годов // О художественной документальной литературе. Иваново, 1979. С.38-39.

60. Куприяновский П. В. Проблемы изучения художественно-документальной литературы // О художественно-документальной литературе. – Иваново: Облгиз, 1972. – 229 с.

61. Ли Вэньси. Солженицын и его творчество // Русская литература и искусство. – 2003. – № 06. – С. 58–60. (李文思. 索尔仁尼琴及其创作 // 俄罗斯文艺. – 2003. – № 06. – 58-60 页)

62. Ли Сусюань. Новый бутон в советской документальной литературе: о литературе записи устного свидетельства // Литературное обозрение. – 1986. – № 3. – С. 100–104+57. 李素绚. 苏联纪实文学中的一枝新蕾——评介口述实录体小说. 文艺评论. 1986 年. 第 03 期. 第 100-104+57 页

63. Ли Хаочжи. Художественный процесс советской литературы о Великой

Отечественной войне // Обзор зарубежной литературы. 1995. № 03 黎浩智. 苏联卫国战争文学的艺术历程 // 外国文学评论. 1995. 第 03 期.

64. Ли Хуэйфань, Чжан Цзе. История русской литературы XX века / Ли Хуэйфань, Чжан Цзе. – Циндао: Издательство Циндао, 1998. – 507 с. (李辉凡, 张捷. 20 世纪俄罗斯文学史 / 李辉凡, 张捷. – 青岛: 青岛出版社, 1998 年. – 507 页

65. Ли Цзецзюнь. С. Алексиевич: когда документальная проза переполнена эмоцией // Литературная газета. 2015. 5 ноября 黎杰俊. 阿列克谢耶维奇: 当纪实作品过于情感化 // 文学报. 2015 年 11 月 5 日第 23 版.

66. Ли Цзинсюань. Изображение мира и описание истории // Газета радио и телевидения издания китайской прессы. 2015. 16 октября 李婧璇. 描绘世界, 也书写历史 // 中国新闻出版广电报. 2015 年 10 月 16 日第 005 版.

67. Ли Цзяньцзюнь. Осуждение Солженицына // Свободный разговор о литературе. – 2010. – № 6. – С. 22-33. 李建军. 索尔仁尼琴的审判 // 文学自由谈. – 2010. – № 6. – 22-33 页

68. Ли Цзяньцзюнь. Прекрасное продолжение русской литературной традиции – гигантский гуманитарный нарратив Алексиевич // Современная литература. 2019. № 3 李建军. 对俄罗斯文学传统的完美接续——阿列克谢耶维奇的巨型人道主义叙事 // 当代文坛. 2019. 第 3 期.

69. Ли Чжэнжун. Несколько вопросов о С. Алексиевич // Русская литература и искусство. 2016. № 2 李正荣. 斯维特兰娜·阿丽克谢耶维奇诸事考 // 俄罗斯文艺. 2016. 第 2 期.

70. Ли Чуньюй. Кризис идентичности героев в документальной прозе С. Алексиевич // Зарубежная литература. 2019. № 4 李春雨. 阿列克谢耶维奇纪实作品主人公的身份认同危机 // 外国文学. 2019. 第 4 期.

71. Ли Юйчжэнь, Чэнь Шусянь. Современная советская документальная литература // Советская литература. – 1981. – № 2. – С. 136. 李毓榛, 陈淑贤. 苏联当代纪实文学. 苏联文学. 1981 年. 第 02 期. 第 136 页

72. Ли Юйчжэнь. Антифашистская война и советская литература. Пекин: Издательство Пекинского университета. 2015. С.191-208. 李毓榛. 反法西斯战争和苏联文学. 北京: 北京大学出版社. 2015年. 第191-208页

73. Ли Ян. О механизме внутреннего износа развития китайской литературы XX века: размышление и наблюдение над субъектом творчества // Исследования по теории литературы. – 1999. – № 03. – С. 83-92. 李扬. 论二十世纪中国文学发展的内耗机制 – 对创作主体的一种反思与省察. 文艺理论研究. 1999年. 第3期. 第83-92页

74. Линь Цзинхуа. От распада Советского Союза до разложения единой русской литературы: международная политика Нобелевской премии по литературе 2015 года // Изучение России. 2017. № 2 林精华. 从苏联解体到统一的俄罗斯文学被分解 – 2015年诺贝尔文学奖的国际政治学 // 俄罗斯研究. 2017. 第2期.

75. Литература факта. Первый сборник материалов работников ЛЕФа под ред. Н.Ф. Чужака. – М.: Захаров, 2000. С. 5-6.

76. Ло Нин. Анализ нового произведения Д. Гранина «Зубр» // Советская и русская литература. – 1988–№ 1. – С. 84. 罗宁. 达·格拉宁的新作《野牛》浅析. 俄苏文学. 1988年. 第1期. 第84页

77. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. –Таллинн: Александра, 1992. – 478 с .

78. Лу Янься, Чэнь Тао. Победа писателя «нон-фикшн литературы» // Пекинская газета. 2015. 9 октября 路艳霞, 陈涛. 非虚构写作者的一次胜利 // 北京日报. 2015年10月9日第012版.

79. Лужановский А.В. Реалистический критерий художественной достоверности и развитие рассказа // Факт, домысел, вымысел в литературе под ред. Розановой Л. А. – Иваново: ИвГУ, 1987. 173 с.

80. Лю Вэньфэй. Индивидуальность из неправильного прочтения // Китайская драма. – 2003. – № 04. – С. 19. 刘文飞. 误读出来的个性. 中国戏剧.

2003 年. 第 4 期. 第 19 页.

81. Лю Вэньфэй. Солженицын: жизнь и творчество / Лю Вэньфэй // Изучение России. – 2020. – № 04. – С. 118–152. 刘文飞. 索尔仁尼琴: 生活与创作 // 俄罗斯研究. – 2020. – № 04. – 118-152 页.

82. Лю Вэньфэй. Солженицын: жизнь и творчество // Изучение России. – 2020. – № 04. – С. 124-125. 刘文飞. 索尔仁尼琴: 生活与创作. 俄罗斯研究. 2020 年. 第 04 期. 第 124-125 页

83. Лю Тяньи. Китайская революционная литература в творчестве писателей Лефа: Третьяков и его «Дэн Шихуа» // Литературный обзор. 2022. № 5. С.98. 刘天艺. «列夫派» 作家笔下的中国革命文学——特列季亚科夫与他的《邓世华》. 文学评论. 2022. 第 5 期. 第 98 页

84. Лю Чжуфэн. О нравственном сознании в «Архипелаге ГУЛАГ» // Вестник Муданьцзянского университета. – 2015. – № 7. – С. 100–102. 刘珠凤. 论《古拉格群岛》的道德意识 // 牡丹江大学学报. – 2015. – № 07. – 100-102 页

85. Лю Шитун. Откуда берется сила литературы // Форум социальных наук. 2016. № 10 柳士同. 文学的力量从何而来 // 社会科学论坛. 2016. 第 10 期.

86. Люй Дунлян, Ян Сяньхуэй. Интервью с Ян Сяньхуэем // Обзор художественной прозы. – 2012. – № 1. – С. 70-71. 吕东亮, 杨显惠. 为时代立心, 为生民立命—杨显惠访谈录. 小说评论. 2012 年. 第 1 期. 第 70-71 页

87. Местергази Е. Г. Документальное начало в литературе XX века. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 160 с.

88. Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн/non-fiction. – М.: Совпадение, 2007. – 327 с.;

89. Палиевский П.В. Роль документа в организации художественного целого // Проблемы художественной формы социалистического реализма / ред. Н.К. Гей, Н.В. Драгомирецкая, А.С. Мясников и др. В 2 т., Т. 1. – М.: Наука, 1971. С.380-421.

90. Пэн Цизнься. Проста, весома и сильна: исследование языкового стиля

«Памяти Цзябяньгоу» Ян Сяньхуэя // Передовая. – 2012. – № 16. – С. 159. 彭金祥. 朴实厚重,力透纸背—杨显惠“命运三部曲”语言风格研究. 前沿. 2012 年. 第 16 期. 第 159 页

91. Русская художественно-документальная проза: методические рекомендации к спецсеминару, Министерство образования Российской Федерации, Рязанский государственный педагогический университет им. С.А. Есенина; составитель Сафронов А.В. - Рязань: Изд-во Рязанского гос. пед. ун-та им. С. А. Есенина, 1996. С.3-4.

92. Самуткина Л.А. Документальность поэтических цитат в «Биографиях» Плутарха // Факт, домысел, вымысел в литературе под ред. Розановой Л.А. – Иваново: ИвГУ, 1987. С.25

93. Сафронов А.В. «Правда без прикрас» в жанре «Путешествий» и художественной документалистике «Из жизни отверженных» // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. с. 2007. № 2 (15). С. 125.

94. Солженицын А.И. Интервью на литературные темы с Н.А. Струве // Вестник Русского христианского движения. – Париж, 1977. – № 120. – С. 135.

95. Сону Саини. «Чернобыльская молитва: хроника будущего» С. Алексиевич. Проблема жанра // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 2 (10). С.17.

96. Сун Инли, Лю Сяоминь. Шестьдесят лет издательской деятельности в новом Китае. Чжэнчжоу: Издательство Хэнаньского университета, 2009. 851 с. 宋应离, 刘小敏. 亲历新中国出版六十年. 河南大学出版社, 2009 年, 851 页 (第 400 页)

97. Сун Сюэцин. Историческое повествование и литературная реконструкция в «Памяти Цзябяньгоу» // Вестник Хайнаньского педагогического университета (серия Социальные науки). – 2016. – № 11. – С. 38. 宋学清. 《夹边沟记事》中的历史叙事与文学重构. 海南师范大学学报(社会科学版). 2016 年. 第 11 期. 第 38 页

98. Сэ Юшунь. Наша трусость и бедность // Обзор художественной прозы. 1998. № 1. С. 17-22. 谢有顺. 我们的怯懦与贫困 // 小说评论. 1998年. 第1期. 17-22页

99. Сюй Сяньсюй. Обзорение современной советской беллетристики. – Шанхай: Шанхайское издательство по обучению иностранным языкам, 1991. – 478 с. 许贤绪. 当代苏联小说史. – 上海: 上海外语教育出版社, 1991年. – 478页

100. Тан Дэлин, У Цзэлин. Литература оттепели и возвращенная литература. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 2001. – 374 с. 谭得伶、吴泽霖. 解冻文学和回归文学. – 北京: 北京师范大学出版社, 2001. 374页

101. Третьяков С. С новым годом! С «Новым Лефом»! // Новый Леф. – 1928. №1. С.1-2. Коллектив авторов, 01.01.1928.

102. Тюпа В. И. Художественность // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб. Пособие/ Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др. – М.: Высшая шк.: Академия, 1999. – 555 с.

103. Тюпа В. И. Художественность литературного произведения. – Красноярск: Изд-во Краснояр. Ун-та, 1987. – 217 с.

104. Тюпа В. И., Фуксон Л. Ю., Дарвин М. Н. Литературное произведение: проблемы теории и анализа. Вып. 1. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 165 с.

105. Тянь Хунмин. Прислушаться к голосу души: документальная проза С. Алексиевич // Исследование динамики зарубежной литературы. 2015. № 6. С. 5-10. 田洪敏. 倾听心灵的声音——斯·阿列克西耶维奇的非虚构文学 // 外国文学动态研究. 2015. 第6期. 5-10页.

106. У Цзяю. “Самое поэтическое дерево” в России: интерпретация «Стланик» Шаламова // Художественный анализ известных произведений. 2006. № 7. С. 29-31. 吴嘉佑. 俄罗斯“最富诗意的树”——解读沙拉莫夫的《偃松》. 名作欣赏. 2006年. 第7期. 29-31页.

107. У Юаньмай, Чжан Цзе. О современных советских писателях. – Пекин: Издательство по изучению и преподаванию иностранных языков, 1981. – 488 с.
吴元迈, 张捷. 论苏联当代作家. – 北京: 外语教学与研究出版社, 1981年. – 488页

108. Фань Син. Соотношение литературы и политики // Литературная критика. 1994. № 04. С. 30–34. 樊星. 文学政治之缘 // 文艺评论. 1994. № 04. 30–34页

109. Фу Сяопин. «Необыкновенный» писатель, своеобразная «нон-фикшн литература» // Литературная газета. 2015. 15 октября 傅小平. “非凡”的作家, 不一样的“非虚构” // 文学报. 2015年10月15日第002版.

110. Хайдеггер, М. Бытие и время; Пер. с нем. В. В. Бибихина. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.

111. Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высш. шк. 2004. С. 104.

112. Хо Шифу, Ху Лижун. Историческое описание трагедии “ядерного взрыва”: сопоставление произведений «Чернобыльская молитва. Хроника будущего» С. Алексиевич и «В позднем стиле» Кэндзабуро Оэ // Русская литература и искусство. 2016. № 2. С. 49-55. 霍士富, 胡莉蓉. “核爆”悲剧的历史书写——S.A. 阿列克谢耶维奇《切尔诺贝利的悲鸣》与大江健三郎《晚年样式集》比较研究 // 湖南科技大学学报(社会科学版). 2020. 第1期. 49-55页.

113. Хоу Вэйхун. Развитие литературы о Великой Отечественной войне в современном обществе // Литературная теория и критика. 2015. № 04. С. 9-13. 侯纬红. 卫国战争文学的当代发展 // 文艺理论与批评. 2015. 第04期. 9-13页.

114. Хоу Хайжун, Ху Тешэн. Повествовательное искусство в документальной прозе Алексиевич // Научные исследования. 2016. № 11. С. 163-169. 侯海荣, 胡铁生. 阿列克西耶维奇的纪实小说叙事艺术 // 学术研究. 2016. 第11期. 163-169页.

115. Цзи Е. Окно в зарубежные литературные круги // Обзор зарубежной литературы. – 1987. – № 3. – С. 137. 季耶. 国外文坛之窗. 外国文学评论. 1987

年. 第3期. 第137页.

116. Чжан Бяньгэ. Пробуждение разума эмоциями. Интеллектуальный дискурс в творчестве С. Алексиевич // Русская литература и искусство. 2016. № 22. С. 17-24. 张变革. 以情感唤醒理性:阿列克谢耶维奇创作中的知识分子话语 // 俄罗斯文艺. 2016. 第22期. 17-24页.

117. Чжан Дун. Голос автора: «переворот» в русской документальной прозе – на примере «Чернобыльской молитвы» С. Алексиевич // Русская литература и искусство. 2016. № 2. С. 25-32. 张栋. 作者的声音:俄罗斯文献文学中的《变革》 – 以阿列克谢耶维奇《切尔诺贝利的祈祷:未来纪事》为例 // 俄罗斯文艺. 2016. 第2期. 25-32页.

118. Чжан Цзе Последние семь лет советской литературы / Чжан Цзе. – Пекин: Издательство по гуманитарным и социальным наукам, 1994. – 285 с. 张捷. 苏联文学最后的七年 / 张捷. – 北京: 社会科学文献出版社, 1994年. – 285页.

119. Чжан Цзе. Документальность и вымысел в современной советской прозе // Современная зарубежная литература. 1988. № 02. С. 114-120. 张捷. 当代苏联小说中的纪实与虚拟 // 文艺评论. 1988. 第02期. 114-120页.

120. Чжан Цзе. О советском литературном творчестве последних лет // Мировая литература. 1990. № 6. С. 271-284. 张捷. 近年来的苏联文学创作. 世界文学. 1990年. 第06期. 271-284页.

121. Чжан Цзе. Советская «возвращенная литература» // Советская литература. 1990. № 01. С. 46–53. 张捷. 苏联的“回归文学” // 苏联文学. 1990. № 01. 46–53页.

122. Чжан Цзе. Современная советская литература: состояние и тенденция // Советская литература. 1985. № 2. С. 139–140. 张捷. 苏联文学: 现状和倾向. 苏联文学. 1985年. 第02期. 139-140页.

123. Чжан Чангэ. «Суперлитература» как документальный литературный жанр // Вестник Чжунчжоуского университета. 2022. № 5. С. 10-16. 张变革. 作

为文献纪实文学体裁的“超文学”. 中州大学学报. 2022年. 第5期. 10-16页.

124. Чжао Ян. Конструирование национальной культуры в русской постмодернистской литературе // Современная зарубежная литература. 2012. № 1. С. 142-148. 赵杨. 俄罗斯后现代主义文学中的民族文化建构. 当代外国文学. 2012年. 第1期. 142-148页.

125. Чжоу Цзэсюн. Обзор китайской литературы XX века // Форум социальных наук. 2002. № 4. С. 37-44. 周泽雄. 20世纪中国文学的检讨. 社会科学论坛. 2002年. 第4期. 37-44页.

126. Чжу Чуньюй. Послушайте песни соседей: размышления о чтении произведений о Второй мировой войне // Мировая литература. 1985. № 2. С. 169-179. 朱春雨. 听听邻居的歌: 读二次世界大战题材作品之断想. 世界文学. 1985年. 第2期. 169-179页.

127. Чжу Янь. Описание травмы в творчестве С. Алексеевич – на примере «Чернобыльской молитвы» // Современная зарубежная литература. 2016. № 2. С. 90-97. 朱研. 阿列克西耶维奇的创伤书写 – 以《来自切尔诺贝利的声音》为中心 // 当代外国文学. 2016. 第2期. 90-97页.

128. Чэнь Вэйцин. «У войны не женское лицо»: новый нарратив Алексеевич о войне // Вестник Гуандунского университета иностранных языков. 2022. № 3. С. 108-117. 陈蔚青. 《我是女兵, 也是女人》: 阿列克谢耶维奇的新型战争叙事. 广东外语外贸大学学报. 2022年. 第3期. 108-117页.

129. Чэнь Цзиньюн. Советская документальная литература о войне // Современная зарубежная литература. 1987. № 2. С. 171-176. 陈敬咏. 苏联战争题材的纪实文学. 当代外国文学. 1987年. 第02期. 171-176页.

130. Чэнь Цзиньюн. Советская документальная литература на тему войны // Современная зарубежная литература. 1987. № 02. 171-176. 陈敬咏. 苏联战争题材的纪实文学 // 当代外国文学. 1987. 第02期. 171-176页.

131. Ши Вайю Литература заговоров, литература реставрации, литература гегемонии: тенденция советской ревизионистской литературы // Вестник

Центрально-китайского педагогического университета (Серия: Философия. Социальные науки). 1978. № 01. С. 97–105. 施外雨. 阴谋文学·复辟文学·霸权文学 – 二十年来苏修文坛的动向 // 华中师院学报 (哲学社会科学版). 1978. № 01. 97–105 页.

132. Шэнь Дунцзы. В погоне за страданием // Свободная беседа о литературе. 1993. № 2. С. 57-58. 沈东子. 追寻苦难. 文学自由谈. 1993 年. 第 2 期. 57-58 页.

133. Шэнь Дунцзы. Почему китайские писатели до сих пор не были удостоены Нобелевской премии по литературе // Информация о публикации. 1996. № 3. С. 33-34. 沈东子. 中国作家缘何至今与诺贝尔文学奖无缘. 出版广角. 1996 年. 第 3 期. 33-34 页.

134. Эдвард Саид. Представления интеллектуала. Переводчик Шань Дэксин. Пекин: Жизнь · Чтение · Новые знания · Книжный магазин Санлиан. 2002. 175 с. 萨义德. 知识分子论. 单德兴译. 北京: 生活·读书·新知三联书店. 2002 年. 175 页.

135. Ю Фэнвэй, Хэ Сяньян. Литература и положение человека // Обзор современных писателей. 1999. № 2. С. 4-17. 尤凤伟, 何向阳. 文学与人的境遇. 当代作家评论. 1999 年. 第 2 期. 4-17 页.

136. Юй Ичжун Вместе читаем «Архипелаг ГУЛАГ». Пекин: издательство Массы, 2013. – 303 с. 余一中. 古拉格群岛大家读. 北京: 群众出版社, 2013 年. – 303 页.

137. Явчуновский Я. И. Документальные жанры // Образ, жанр, структура произведения под ред. проф. П. А. Бугаенко. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. – 231 с.

138. Яковлева Н. «Человеческий документ» // История и повествование: сб. ст. под ред. Г. В. Обатнина, П. Песонена. – М.: Новое лит. обозрение; Хельсинки: Каф. славистики Ун-та, 2006 (М.: Типография «Новости»). – 596 с.

139. Ян Гуанцзу. О писателе Ян Сяньхуэ // Обзор Янцзы. 2012. № 2. С. 22-

26. 杨光祖. 杨显惠论. 扬子江评论. 2012年. 第2期. 22-26页.

140. Ян Дайцинь. О документальном творчестве Д. Гранина // Изучение зарубежной литературы. 1987. № 1. С. 56-61. 杨岱勤. 格拉宁的纪实体小说. 外国文学研究. 1987年. 第1期. 56-61页.

141. Ян Сяньхуэй. Слава и утрата: столетие русской литературы. – Накин: Издательство Илинъ, 2005. – 577 с. 严永兴. 辉煌与失落: 俄罗斯文学百年. 南京: 译林出版社, 2005年. – 577页

142. Янь Лянкэ. Национальные страдания и литературные пробелы – Лекция на факультете востоковедения Кембриджского университета // Вестник Бохайского университета (Серия Философия и социальные науки). 2009. № 2. С. 5-6. 阎连科. 民族苦难与文学的空白 – 在剑桥大学东方系的讲演. 渤海大学学报 (哲学社会科学版). 2009年. 第2期. 5-6页.

143. Яусс, Х.-Р. К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 97-106.

Авторефераты, диссертации по проблематике диссертационного исследования

144. Бирючин С. В. Художественная функция документа в дилогии В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба»: дис. ... канд. филолог. наук. – М.: 2016. – 259 с.

145. Бирючин С.В. Художественная функция документа в дилогии В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба»: дис. ...канд.филолог. наук. – М.: 2016. – 259 с.

146. Вэнь Цзидун. Китайско-советский культурный обмен 1949-1966 гг.: дис....канд. филолог. наук. – Пекин.: 2009. – 237 с. 文记东. 1949——1966年的中苏文化交流. 博士学位论文. – 北京. 2009. 237页

147. Галич А.Н. Современная художественная документально-биографическая проза. Проблемы развития жанров: дис. ...канд.филолог. наук. – Донецк: 1984. – 181 с.

148. Гурска К.Э. Художественно-документальная проза Светланы Алексиевич (проблемы поэтики): дис. ...канд. филолог. наук. – М.: 2019. – 170 с.

149. Дин Сяюань. Культурно-экологическая эволюция и эволюция китайского репортажа за последнее столетие: дис....канд. филолог. наук. – Сучжоу.: 2001. – 151 с. 丁晓原. 文化生态演化与百年中国报告文学流变. 博士学位论文. –苏州. 2001. 151 页

150. Заярная И.С. Особенности конфликта в художественно-документальной прозе 1970-80-х годов: дис. ...канд. филолог. наук. – Киев: 1992. – 214 с.

151. И Туцян. Исследование исторической эволюции книг-бестселлеров в Новом Китае и ее связи с изменениями времени (октябрь 1949 г.- май 1989 г.): дис....канд. филолог. наук. – Чанша.: 2011. – 401 с. 易图强. 新中国畅销书历史嬗变及其与时代变迁关系研究 (1949.10-1989.5). 博士学位论文. – 长沙. 2011. 401 页

152. Мамуркина О.В. Художественный нарратив в путевой прозе второй половины XVIII: генезис и формы: Автореф. дис. канд. филолог. наук. Спб.: 2013. 20 с.

153. Мамуркина О.В. Художественный нарратив в путевой прозе второй половины XVIII: генезис и формы: дис. ...канд. филолог. наук. – Санкт-Петербург, 2012. – 188 с.

154. Оляндэр Л. К. Документально-художественная проза о Великой отечественной войне (История развития и поэтика документальных жанров): Автореф. дис. д-ра филолог. наук. – М.: 1992. – 46 с.

155. Оляндэр Л. К. Документально-художественная проза о Великой Отечественной войне (История развития и поэтика документальных жанров): диссертация ... доктора филологических наук. – М.: 1992. – 367 с.

156. Се Гэньюнь. От зарождающегося жанра к литературной «большой стране» — историческое исследование эволюции репортажной литературы в Китае в XX веке: дис. ...канд. филолог. наук. – Ухань.: 2002. – 137 с. 谢耕耘. 从新兴文体到文学“大国”——中国 20 世纪报告文学流变史论. 博士学位论文. –武汉. 2002. 137 页

157. Скарлыгина Е. Ю. Современная художественно-документальная проза о войне: развитие и обогащение жанра: дис. ... канд. филолог. наук. – М.: 1985–181 с.

158. Тоне А.Г. Проблемы жанровой эволюции художественно-документальной прозы 1970-1990-х гг.: дис. ...канд.филолог. наук. – М.: 1999. – 269 с.

159. Ха Цзяньцзюнь. Исследование о документальной литературе в новом веке: дис. ...канд. филолог. наук. – Ланьчжоу.: 2013. – 161 с. 哈建军. 新世纪纪实小说研究论. 博士学位论文. – 兰州. 2013. 161 页.

160. Чэнь Наньсянь. Русско-советская литература и «китайская литература 1949-1966 гг.»: дис. ...канд. филолог. наук. – Сучжоу.: 2004. – 125 с. 陈南先. 俄苏文学与“十七年中国文学”. 博士学位论文. – 苏州. 2004. 125 页.

Интернет-ресурсы

161. «Болезнь мастера» в литературной сцене и недостатки китайской литературы в XX веке. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.aisixiang.com/data/558.html>

162. «Хроники Ганьнаня» Ян Сяньхуэя: я не могу придумывать истории, а просто правдиво записываю ее. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.tibetcul.com/news/wx/1364.html>

163. Адамович А. Хатынская повесть. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://librebook.me/hatynskaia_povest/voll1/1?ysclid=luji37ruid515354866

164. Адамович А. Я из огненной деревни. - Москва: Сов. писатель, 1991. - 717с.

165. Алексиевич: в наше время трудно говорить о любви. [Электронный ресурс] Режим доступ: https://culture.ifeng.com/a/20151209/46588473_0.shtml 阿列克谢耶维奇: 在这个时代, 很难谈爱. 2015 年

166. Алексиевич: литературное достоинство из Белоруссии. [Электронный ресурс] Режим доступ: <https://epaper.gmw.cn/zhdsb/html/2016->

08/17/nw.D110000zhdsb_20160817_1-14.htm 阿列克谢耶维奇：来自白俄罗斯的文学尊严. 2016 年

167. Аннинский Л. Оглянуться в слезах, Божье и человеческое в апокалипсисах Светланы Алексиевич [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://alexievich.info/wp-content/uploads/Anninsky.pdf>

168. Знакомство с Алексиевич. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2016-09/13/nw.D110000gmrb_20160913_4-11.htm?div=-1 走进阿列克谢耶维奇. 2016 年

169. О проигранной битве: нобелевская лекция Светланы Алексиевич [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://arzamas.academy/mag/212-aleksievitch?ysclid=lrrlgp10bu986527298>

170. Сочинение – это процесс радости и печали: интервью с г-ном Ян Сяньхуэй. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.xuemo.cn/show.asp?id=13691> 写作是一个悲喜交加的过程——杨显惠先生访谈录. 2015 年

171. У Цзяю. Шаламов – еще один пионер лагерной литературы. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.sinoss.net/uploadfile/2010/1130/2485.pdf> 吴嘉佑. 沙拉莫夫——集中营文学的又一拓荒者

172. Углубление в историю: Интервью с Ян Сяньхуэем, автором книги «Детский дом Динси». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://news.cctv.com/performance/20070730/114915.shtml> 走到历史深处——访《定西孤儿院纪事》作者杨显惠. 2007 年

173. Чжан Синьсинь: Что случилось с рассказчиками в книге «Драгон меняет облик» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://m.jiemian.com/article/7254344.html> 张欣欣: 那些《北京人》后来怎样了.

174. Чэнь Лян. Алексиевич: запись судьбы человечества без страха смотреть в лицо реальности. 2015. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://culture.ifeng.com/a/20151008/44797144_0.shtml 陈亮. 阿列克西耶维奇:

用直面真实的力量记录人类的命运. 2015 年.

175. Юй Цинмин. Алексиевич: продолжение блеска русской литературы. 2015. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.toutiao.com/article/6203716325018878465/>于清明. 阿列克谢耶维奇: 续写俄语文学辉煌. 2015.

176. Яусс, Х. -Р. История литературы как провокация литературоведения [Электронный ресурс] Режим доступ: http://www.web-lit.net/writer/14437/book/62670/yauss_hans_robert/read/read